

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ибрагимов Константин Юрьевич

Феномен юридического обособления имущества в частном праве

Научная специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Рудоквас Антон Дмитриевич

Санкт-Петербург
2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ОБОСОБЛЕНИИ	14
§ 1. Имущественное обособление в юридической науке	14
1.1. Общие положения об имущественном обособлении в науке.....	14
1.2. Теория Г. Хансмана и Р. Краакмана	15
1.3. Развитие теории обособленного имущества	19
1.4. Наше понимание имущественного обособления.....	25
§ 2. Обособленное имущество и правосубъектность	32
2.1. Постановка проблемы	32
2.2. непригодность признаков юридического лица	33
2.3. непригодность признака воли.....	35
2.4. Ограниченная пригодность теорий юридического лица.....	36
2.5. Дуализм правосубъектности.....	38
2.6. Квазисубъекты и частичная правоспособность	44
2.7. Юридическое лицо и иные формы правосубъектности.....	47
§ 3. Имущественное обособление и вещные права	51
3.1. Обособление имущества посредством вещных прав	52
3.2. Юридические лица – несобственники	53
3.3. Общая собственность	61
§ 4. Имущественное обособление и базовые институты зарубежного права	64
4.1. Имущественный комплекс (patrimoine).....	65
4.2. Траст и его аналоги.....	70
§ 5. Функции защитного и подтверждающего обособления	78
5.1. Преимущества подтверждающего и защитного обособления.....	79
5.2. Недостатки подтверждающего и защитного обособления	85
5.3. Проблема недобровольных кредиторов	88
§ 6. Иные функции имущественной обособленности	93
6.1. Разделение обладания и управления.....	93
6.2. Техническое обособление	94
6.3. Имущественные иммунитеты.....	95
ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ИМУЩЕСТВЕННОГО ОБОСОБЛЕНИЯ	100
§ 1. Доверительное управление	100
1.1. Имущественное обособление в отношениях с кредиторами.....	100
1.2. Проблема принадлежности прав и обязанностей	102
1.3. Состав обособленного имущества	109

1.4. Проблема правосубъектности имущества, находящегося в доверительном управлении.....	112
§ 2. Товарищества	114
2.1. Хозяйственные товарищества.....	115
2.2. Простое товарищество.....	116
2.3. Крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ).....	120
2.4. Инвестиционное товарищество.....	124
§ 3. Индивидуальные предприниматели	130
3.1. Правовое положение в России.....	130
3.2. Ограниченная ответственность.....	132
3.3. Проблема самостоятельной правосубъектности.....	135
§ 4. Семейное имущество	137
4.1. Ответственность супругов по российскому праву.....	137
4.2. Альтернативные подходы к семейному имуществу.....	139
4.3. Правосубъектность семьи.....	143
§ 5. Наследственное имущество	146
5.1. Имущественное обособление и модели ответственности наследников.....	147
5.2. Модель, воспринятая российским правом.....	152
5.3. Выбор модели обособления.....	159
5.4. Правосубъектность.....	160
§ 6. Иные случаи имущественного обособления	162
6.1. Исламский банкинг.....	162
6.2. Депонированное имущество.....	164
6.3. Призовой фонд лотереи.....	166
6.4. Завещательный отказ.....	167
6.5. Пожертвования.....	170
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	171
Список литературы	176

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена исследованию феномена юридического обособления имущества в частном праве, базовое понимание которого можно представить в виде придания какому-либо имуществу специфического правового режима. Специфический правовой режим, как правило, проявляется в том, что в отношении обособленного имущества устанавливаются специальные правила распоряжения данным имуществом и специальные правила об ответственности данным имуществом перед кредиторами.

Имущественное обособление может проявляться при использовании различных юридических конструкций. Некоторые из таких конструкций являются хорошо изученными (например, юридические лица или ограниченные вещные права) и, как правило, не сопряжены с каким-либо значительными практическими и теоретическими проблемами, разрешение которых было бы невозможно без комплексного изучения феномена имущественной обособленности.

Вместе с тем в некоторых случаях имущественное обособление проявляется в качестве самостоятельного приема юридической техники. Это происходит в тех случаях, когда специфические свойства, которыми наделяется какое-либо технически обособленное имущество, не могут быть непротиворечиво объяснены с позиций позитивного права и/или общепринятых цивилистических конструкций.

Примеры обособленного имущества как самостоятельного приема юридической техники в достаточно большом количестве могут быть обнаружены как в российском правопорядке, так и в зарубежных и исторических правопорядках.

Актуальность темы исследования определяется целым рядом обстоятельств. Во-первых, уже сейчас имеется большое количество теоретических и практических вопросов, которые не имеют не только однозначного, но и зачастую даже никакого решения в доктрине и правоприменительной практике. Без исследования феномена обособленного имущества, в частности, невозможно ответить на следующие теоретические вопросы: (1) Почему паевые инвестиционные фонды и инвестиционные товарищества не признаются субъектами права и в чем заключается их принципиальное отличие от юридических лиц? (2) Как может быть объяснено существование банкротства неправосубъектных имущественных масс (например, крестьянского (фермерского) хозяйства или наследственного имущества) и почему они, являясь субъектами банкротства, не признаются субъектами гражданского права? (3) Каким образом может быть объяснен специфический характер ответственности по долгам, возникшим в результате доверительного управления?

От разрешения вопроса о характере имущественной обособленности также зависят многие вопросы, имеющие практический характер: (1) Кто является стороной по договору, заключенному с «обособленным имуществом»? (2) В каких пределах наследники несут

ответственность по долгам наследодателя и на ком лежит риск гибели наследственного имущества? (3) Каким образом может быть реализовано существование фигуры индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью?

Во-вторых, в отсутствие представления об имущественной обособленности как самостоятельном приеме юридической техники многие законодательные решения не только не подкрепляются их внятным доктринальным обоснованием, но и не всегда учитывают экономические и политико-правовые аспекты правоприменения, что несомненно влияет на их качество в смысле практической эффективности.

Актуальность данного аспекта повышается в связи с тем, что в современном российском праве продолжается процесс развития и совершенствования таких институтов, которые связаны с имущественным обособлением. К ним среди прочего могут быть отнесены: (1) появление новых форм осуществления коллективной деятельности и коллективных инвестиций (хозяйственное партнерство и инвестиционное товарищество); (2) введение института банкротства неправосубъектных имущественных масс; (3) постепенное выведение из оборота юридических лиц, которые не являются собственниками своего имущества; (4) попытки введения различного рода аналогов траста (например, наследственных и личных фондов); (5) проведение экспериментов по введению партнерского финансирования (исламского банкинга).

Несмотря на то что многие из вышеуказанных институтов были введены относительно давно (до 10 лет назад), продолжается процесс их реформирования, который происходит без достаточной теоретической базы. Так, например, в 2021 году были созданы «инвестиционные товарищества с обособленным имуществом», что, по задумке законодателя, должно было повысить привлекательность данного инструмента как формы коллективного инвестирования.

Степень научной разработанности темы научно-исследовательской работы. Имущественная обособленность в качестве самостоятельного объекта исследования в настоящий момент является в большей степени достижением юристов системы англо-саксонского права. Основа данного направления в юриспруденции была заложена сравнительно недавно – в начале нулевых годов – Г. Хансманом и Р. Краакманом. Оригинальная теория получила значительное развитие в работах ряда других ученых: Р. Моргана, Р. Сквайера, О. Элдара, А. Ферштейна, Р. Пикера, Х. Хьюса. Работы вышеуказанных авторов отличаются спецификой, присущей англосаксонской системе права. Попытки восприятия теории обособленного имущества в рамках отечественной доктрины предпринимались В.В. Подсосонной и Е.И. Червец, однако они на данный момент успели осветить лишь отдельные вопросы, связанные с имущественным

обособлением. Е.И. Червец также прямо указывает на неразработанность теории имущественного обособления в отечественной доктрине¹.

Смежная, как было установлено в ходе исследования, с теорией обособленного имущества теория единства имущественного комплекса (*patrimoine*) была сформулирована во французской доктрине трудами Ш. Обри и Ш. Ро. Современные французские юристы занимаются разработкой теории обособленного патримония (*patrimoine d'affectation*).

В то же время исследования вопросов, связанных со смежными институтами гражданского права, в которых в той или иной степени проявляется имущественное обособление, представлены достаточно широко, и могут быть использованы для построения общей теории обособления имущества в частном праве.

Объектом исследования являются гражданско-правовые отношения, складывающиеся в связи с образованием обособленных имущественных масс, в особенности тех, которые не признаются позитивным правом в качестве правосубъектных образований.

Предмет исследования составляют правовые проблемы, возникающие в связи с имущественным обособлением на этапе его возникновения (формирования обособленного имущества), функционирования, участия в гражданском обороте и прекращения.

Цели и задачи исследования. Целью настоящего исследования является разработка комплексного учения о феномене обособленного имущества как специфическом правовом явлении, связанном с приданием имуществу особого правового режима, а также обоснование категорий защитного и подтверждающего имущественного обособления как эффективных инструментов анализа правовых явлений. Цель исследования предопределяет следующие задачи, решаемые в рамках исследования:

1. исследовать доктринальные подходы к категории обособленного имущества в различных правопорядках, определить контекст, в котором они были разработаны, установить теоретические и практические последствия их применения;
2. определить место категории обособленного имущества в системе российского гражданского права;
3. установить соотношение обособленного имущества с институтами правосубъектности и юридических лиц;
4. определить пределы имущественного обособления при возникновении ограниченных вещных прав и общего имущества;

¹ Червец Е.И. Траст как один из способов обособления имущества: использование в обязательственных отношениях, аналогии с конструкциями отечественного права // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. №2 (13). С. 215.

5. проанализировать правовые и теоретические проблемы, связанные с возникновением неправосубъектных обособленных имущественных масс в российском правопорядке;

6. выявить недостатки текущего российского регулирования, связанные с имущественным обособлением, путем применения инструментов теории обособленного имущества;

7. предложить возможные пути совершенствования позитивного права применительно к существующим в настоящий момент неправосубъектным обособленным имущественным массам.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы: исторический, логический, сравнительный, а также частно-научные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод экономического анализа права.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых: Г.Ф. Шершеневича, Н.С. Суворова, И.А. Покровского, О.С. Иоффе, В. Б. Ельяшевича, А.Д. Рудокваса, О.Р. Зайцева, Е.А. Суханова, Е.Ю. Петрова, Р.С. Бевзенко, Н.Н. Алексева, Д.В. Дождева, В.В. Витрянского, Т.П. Шишмаревой, А.В. Егорова, Е.В. Пономаревой, В.В. Подсосонной, Е.И. Червец (и др.), а также **зарубежных** исследователей: Г. Хансмана, Р. Краакмана, Р. Моргана, Р. Сквайера, О. Элдара, А. Ферштейна, Р. Пикера, Х. Хьюса, Ш. Обри, Ш. Ро, Л. Смита, Г. Кельзена, Г. Радбруха, Р. Познера, Б. Виндшейда, М. Лупой, П. Леполя и других.

Нормативно-правовую базу исследования составили нормы российского законодательства, нормы законодательства зарубежных стран (в первую очередь, права Германии и Франции), нормы права стран, относящихся к системе общего права и смешанным юрисдикциям, а также нормы права исторических правопорядков (римское право).

Эмпирическая база исследования, в первую очередь, представлена судебной практикой российских и зарубежных судов по вопросам, связанным с имущественным обособлением и применением норм права, относимых к тем институтам гражданского права, в которых такое обособление проявляется. Также указанная эмпирическая база дополняется договорной и деловой практикой, которая формируется при использовании институтов, связанных с имущественным обособлением.

Научная новизна исследования. Настоящая работа является первым комплексным исследованием феномена обособленного имущества в отечественной доктрине. В результате исследования российского права с использованием категорий защитного и подтверждающего имущественного обособления были выявлены проблемы правового регулирования, которые

ранее не обсуждались в отечественной доктрине. На основании сформулированных подходов к феномену имущественной обособленности были предложены решения как ранее существовавших, так и вновь выявленных теоретических и практических проблем отечественной юриспруденции. Помимо этого, были установлены причины, по которым возникли некоторые неудовлетворительные законодательные решения.

Научная новизна настоящего исследования также заключается в том, что существующие наработки и достижения теории обособленного имущества, которые явились трудом Г. Хансмана и Р. Краакмана и других исследователей в рамках системы общего права, были переработаны и дополнены таким образом, чтобы создать основу для построения теории обособленного имущества в рамках системы континентального права. Среди аспектов, в которых получила развитие теория обособленного имущества, можно выделить: (1) обоснована необходимость понимания юридического обособления в более широком виде, не ограниченном порядком ответственности перед кредиторами; (2) расширен перечень юридических институтов, которые приводят к юридическому обособлению имуществу, а также установлена специфика каждого из таких способов; (3) сформулированы выводы о соотношении феномена имущественной обособленности и правосубъектности в рамках континентального понимания последней; (4) установлена взаимосвязь между теорией обособленного имущества и теорией патримония (имущественного комплекса).

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке обладающих научной новизной положений и выводов, касающихся имущественной обособленности как самостоятельного феномена частного права, а также категорий защитного и подтверждающего обособления как средств правового анализа. Результаты исследования позволяют систематизировать научные знания о проявлениях имущественной обособленности в частном праве. Результаты исследования создают теоретическую базу для дальнейшего исследования феномена обособленного имущества в рамках континентальной правовой системы. Результаты исследования могут быть использованы в научной и образовательной деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в том, что положения и выводы, сделанные в рамках настоящего исследования, могут быть использованы для совершенствования российского законодательства в аспектах правового регулирования отношений, связанных с доверительным управлением, деятельностью инвестиционных товариществ, ответственностью наследников, а также имущественной обособленностью и ответственностью юридических лиц и их учредителей. Результаты данного исследования также могут быть использованы для корректировки судебной практики и правильной оценки рисков практикующими юристами.

Степень достоверности и апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы исследования были отражены в статьях, опубликованных в

журналах, являющихся рецензируемыми научными журналами, рекомендованными ВАК для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук:

1. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10. – №2. – С. 74-88.
2. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 28–48.
3. Ибрагимов К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества // Юридические исследования. – 2024. – № 7. – С. 29-41.
4. Ибрагимов К.Ю. Обособление имущества в товариществах // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 356-362.
5. Ибрагимов К.Ю. Проблема принадлежности прав и обязанностей, возникающих при осуществлении доверительного управления // Право и политика. – 2024. – № 8. – С. 57-67.
6. Ибрагимов К.Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 8. – С. 85-99.

Отдельные положения, содержащиеся в настоящей работе, были апробированы на научно-практических конференциях:

1. 15 апреля 2022 г. на XLV международной научно-практической конференции (Москва). Тема доклада: «Проблема обособленного имущества при осуществлении доверительного управления».
2. 12 апреля 2023 на Международном молодежном научном форуме «ЛОМОНОСОВ-2023» (МГУ, Москва). Тема доклада: «Юридические лица и неправосубъектное обособление имущества».

Структура диссертации predetermined целью и задачами исследования и состоит из введения, двух глав, состоящих из шести параграфов каждая, заключения, списка нормативных актов и судебной практики и библиографического списка.

Основные научные результаты:

1. Доказано, что современный институт юридического лица предполагает использование двух приемов юридической техники: обособление имущества и его олицетворение. Олицетворение имущества при этом носит вспомогательную функцию, связанную с упрощением описания права².

² Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 37–39, 41-42.; Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. № 2. С. 85-87.

2. Установлена тесная взаимосвязь между категориями правосубъектности, обособленного имущества и патримония. Из установленной взаимосвязи сделан вывод, что если имущество наделяется свойствами обособленности таким образом, что оно образует патримоний, то его целесообразно признавать правосубъектным образованием³.

3. Обосновано, что существование обособленных имущественных масс, обладающих признаками правосубъектности, без признания их формальной правосубъектности приводит к возникновению большого количества проблем теоретического и практического характера, которые не позволяют обеспечить понятность и предсказуемость нормативного регулирования⁴.

4. Доказана возможность и желательность признания самостоятельной правосубъектности по меньшей мере за следующими обособленными имущественными массами: имущество, находящееся в доверительном управлении; имущество инвестиционного товарищества⁵.

5. Показана эффективность и перспективность использования категорий защитного и подтверждающего имущественного обособления для целей анализа текущего нормативного регулирования, а также выработки предложений по его совершенствованию⁶.

6. Доказано, что юридическое обособление одного и того же имущества одновременно посредством ограниченного вещного права и конструкции юридического лица не имеет смысла и без необходимости усложняет нормативное регулирование⁷.

7. Обоснована необходимость установления слабой формы защитного обособления имущества в отношении хозяйственных товариществ для целей справедливого распределения рисков между кредиторами товарищества и личными кредиторами товарищей. Отмечено неоптимальное распределение рисков в рамках текущего регулирования⁸.

³ Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 37–45; Ибрагимов К.Ю. Обособление имущества в товариществах // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 358; Ибрагимов К.Ю. Проблема принадлежности прав и обязанностей, возникающих при осуществлении доверительного управления // Право и политика. 2024. № 8. С. 64–65.

⁴ Ибрагимов К.Ю. Проблема принадлежности прав и обязанностей, возникающих при осуществлении доверительного управления // Право и политика. 2024. № 8. С. 58–66.

⁵ Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 37–45; Ибрагимов К.Ю. Обособление имущества в товариществах // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 359–360; Ибрагимов К.Ю. Проблема принадлежности прав и обязанностей, возникающих при осуществлении доверительного управления // Право и политика. 2024. № 8. С. 58–66.

⁶ Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 28–48.; Ибрагимов К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества // Юридические исследования. 2024. № 7. С. 29–41; Ибрагимов К.Ю. Обособление имущества в товариществах // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 356–362.; Ибрагимов К.Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8 (19). С. 85–99.

⁷ Ибрагимов К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества // Юридические исследования. 2024. № 7. С. 33–37.

⁸ Ибрагимов К.Ю. Обособление имущества в товариществах // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 357.

8. Обоснована предпочтительность построения ответственности наследников по долгам наследодателя в рамках обособленного наследственного имущества, а не в рамках стоимости такого имущества⁹.

Положения, выносимые на защиту:

1. Юридическое обособление имущества представляет собой придание имуществу специфического правового режима, который выделяет некоторое, технически обособленное, имущество из общей имущественной массы лица. Имущественное обособление, в первую очередь, проявляется в специальном порядке ответственности данным имуществом перед кредиторами и разделении последних на несколько групп. Вместе с тем специфический режим обособленного имущества может заключаться и в других аспектах – особом порядке использования и распоряжения имуществом.

2. Осуществление правового анализа посредством использования категорий защитного и подтверждающего обособления позволяет определить преимущества и недостатки тех или иных законодательных решений, а также определить целесообразность наделения тех или иных правовых образований статусом юридического лица или иного правосубъектного образования.

3. Имущественная обособленность является ключевой юридической характеристикой субъекта гражданского права. Наделение какого-либо имущества свойством обособленности фактически означает признание правопорядком за таким имуществом специальной цели или особого интереса, подлежащего защите. Имущество, обладающее защитным и подтверждающим обособлением, фактически приобретает свойства субъекта права, что, как правило, означает признание правопорядком стоящего за таким имуществом самостоятельного и заслуживающего защиты интереса. Ярко выраженное обособление имущества без признания его субъектом права приводит к образованию «квазисубъекта» права, что создаёт практические и теоретические трудности при работе с такими конструкциями и требует наделения их статусом полноценных субъектов.

4. Конструкция юридического лица содержит в себе два самостоятельных приема юридической техники – имущественное обособление и олицетворение сущности. При этом сущностная часть представлена имущественным обособлением, так как именно данный прием юридической техники позволяет достичь экономических целей, которым служит юридическое лицо, а олицетворение имеет вспомогательный характер и служит целям удобства работы с обособленным имуществом (теоретического описания конструкции правоотношения;

⁹ Ибрагимов К.Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8 (19). С. 95-96.

определенности по поводу имущественной массы, на которую может претендовать кредитор). Римское право является примером правопорядка, в котором все функции юридического лица выполнялись за счет имущественного обособления, как правило, без олицетворения такого имущества.

5. Современное российское право имеет примеры обособления имущества посредством одновременно двух конструкций: юридического лица и ограниченного вещного права. Такой подход используется применительно к юридическим лицам, за которыми имущество закреплено на праве оперативного управления и хозяйственного ведения. Использование конструкции ограниченного вещного права представляется излишним в данном случае, так как обособления имущества (в любом по степени и характеру виде) можно достичь, используя только конструкцию юридического лица. Одновременное использование двух конструкций обосновано только в том случае, когда они используются последовательно и каждый обособляет свой собственный объем имущества (одно имущество обособляется внутри другого обособленного имущества).

6. Ограниченная ответственность может достигаться как путем имущественного обособления, так и без такового. Каждый из способов имеет свои преимущества и недостатки, так как приводит к разному распределению рисков между сторонами, связанных, среди прочего, с гибелью имущества. Ограничение ответственности с использованием конструкции имущественного обособления, как правило, предоставляет более справедливое распределение рисков между заинтересованными лицами.

7. Имущество, находящееся в общей собственности, действительно обладает признаками имущественной обособленности, так как имеет специфический порядок пользования и распоряжения, связанный со стоящим за ним сообществом собственников. Однако режим общей собственности сам по себе не приводит к появлению защитного и подтверждающего имущественного обособления, из-за чего мы не усматриваем оснований для признания такого имущества правосубъектным. Вместе с тем применительно к сложным объектам, обладающим собственными потребностями, могут создаваться правосубъектные образования (например, товарищества собственников недвижимости).

8. Простое товарищество имеет принципиальные отличия от хозяйственных товариществ в части отсутствия какой-либо значительной имущественной обособленности, что не позволяет говорить о наличии каких-либо предпосылок для его правосубъектности. Применительно к хозяйственным товариществам российский правопорядок не устанавливает защитного обособления, что ставит личных кредиторов в невыгодное положение. Более обоснованной с точки зрения баланса интересов представляется конструкция слабого защитного

обособления, при которой личные кредиторы будут иметь приоритет в отношении личного имущества.

9. Паевые инвестиционные фонды и инвестиционные товарищества обладают всеми признаками, характерными для субъекта права за исключением формального признания их правоспособности. Для оптимизации правового регулирования следует признать такие образования субъектами права. Правосубъектность таких образований может быть осуществлена или путем признания их юридическими лицами, или путем признания их в качестве иных субъектов гражданского права.

10. Российское право содержит непоследовательное регулирование отношений, связанных с ответственностью наследников по долгам наследодателя, так как, по общему правилу, наследственное имущество не обособляется, и наследники отвечают в пределах стоимости наследственного имущества, но при банкротстве модель ответственности меняется, и наследники отвечают именно обособленным наследственным имуществом. Ответственность в рамках обособленного наследства представляется более привлекательной с точки зрения справедливого распределения рисков между кредиторами наследства и личными кредиторами (в том числе, связанных с риском случайной гибели наследственного имущества). С целью упорядочивания рассматриваемых отношений предлагается полностью перейти к модели ответственности обособленным имуществом, тем более что для этого имеются основания на уровне действующего законодательства.

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ОБ ИМУЩЕСТВЕННОМ ОБОСОБЛЕНИИ

§ 1. Имущественное обособление в юридической науке

1.1. Общие положения об имущественном обособлении в науке

В российской науке имели место весьма немногочисленные попытки ввести имущественную обособленность в качестве самостоятельного правового института. Первая из них была предпринята в работе В.В. Подсосонной «Юридическое обособление имущества»¹⁰. К безусловным заслугам данной работы следует отнести тот факт, что она познакомила русскоязычных исследователей и практикующих юристов с теорией Г. Хансмана и Р. Краакмана. О достижении автором своей цели свидетельствует широкое цитирование данной работы всякий раз, когда прямо или косвенно затрагивается тема имущественной обособленности. Вместе с тем данную работу сложно признать самостоятельным исследованием проблемы имущественного обособления, так как она в значительной степени представляет собой пересказ теории американских исследователей и её прямое применение к институтам отечественного права. К тому же данная работа имеет недостатки, связанные с некорректной интерпретацией оригинальной теории и её механическим, без учета местной специфики, применением к отечественным институтам, которые, помимо прочего, выбраны для подобного анализа неисчерпывающим образом.

Более удачная попытка рассмотрения юридического обособления имущества предпринята Е.И. Червец в нескольких работах¹¹. К преимуществам данных работ следует отнести попытку автора развить оригинальную теорию и сформулировать дополнительные функции, которые может выполнять имущественное обособление. Здесь можно найти упоминание о том, что: «обособление пула активов не только выполняет защитную функцию, но и осуществляется для достижения специальных целей, преследуемых собственником (например, оптимизация управления активами, создание системы сдержек и противовесов в управлении бизнесом при его передаче и др.)»¹², отдельно выделяется функция защиты «от самого себя», например, от ненадлежащего ведения бизнеса наследниками¹³. В целом указанные работы вносят большой

¹⁰ Подсосонная В.В. Юридическое обособление имущества // Объекты гражданского оборота: сборник статей. М.: Статут. 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа – СПС «Консультант Плюс».

¹¹ Домшенко (Червец) Е.И. Личные фонды: возможности и риски обособления имущества // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 3. С. 115-136.; Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 30-58.; Червец Е.И. Трест как один из способов обособления имущества: использование в обязательственных отношениях, аналогии с конструкциями отечественного права // Вестник международного коммерческого арбитража. 2016. № 2 (13). С. 200-222.; Домшенко (Червец) Е.И. О сохранении бизнеса и экранировании имущества. Сравнение некоторых инструментов имущественного обособления // Юридический мир. 2021. № 9. С. 27-39.

¹² Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. С. 31.

¹³ Домшенко (Червец) Е.И. Личные фонды: возможности и риски обособления имущества С. 116.

вклад в развитие теории обособленного имущества как эффективного средства правового анализа, хотя в некоторых аспектах они также не лишены недостатков, связанных с временами некорректной интерпретацией и применением теории Г. Хансмана и Р. Краакмана, что будет продемонстрировано далее в работе.

Помимо этого, имущественная обособленность исследовалась в отечественной доктрине в рамках самостоятельных подходов, не связанных с теорией имущественного обособления Г. Хансмана и Р. Краакмана, но только в контексте имущественной обособленности как одного из признаков юридического лица¹⁴.

Смежной с теорией Хансмана и Краакмана по предмету исследования, на наш взгляд, является теория имущественного комплекса (*patrimoine*), разработанная французскими учеными XIX века Ш. Обри и Ш. Ро.

1.2. Теория Г. Хансмана и Р. Краакмана

Рассмотрение имущественного обособления в качестве самостоятельного явления в большей степени явилось результатом работ американских ученых Г. Хансмана и Р. Краакмана. Согласно их теории, обособленность имущества (*assets partitioning*) проявляется в двух аспектах: 1) защитное обособление (*defensive assets partitioning*) – недоступность личного имущества для кредиторов обособленного имущества; 2) подтверждающего обособления (*affirmative assets partitioning*) – недоступность обособленного имущества для личных кредиторов¹⁵. Для обозначения защитного и подтверждающего имущественного обособления в других работах также, соответственно, используются синонимичные конструкции «экранирование собственника» (*owner shielding*) и «экранирование сущности» (*entity shielding*)¹⁶.

Каждая из форм имущественного обособления может обладать различной степенью обособления в зависимости от того, предоставляет ли она приоритет одной группе кредиторов над другой, устанавливает иные ограничения или делает обособленное имущество полностью недоступным для другой группы кредиторов.

Применительно к **защитному имущественному обособлению** сильная форма представляет собой обычную ограниченную ответственность, когда личное имущество участников в принципе недоступно кредиторам сущности, слабая форма предполагает возможность удовлетворения требований в полном объеме, но с учетом приоритета требований

¹⁴ Стройкина Ю. В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дисс. ... к.ю.н. Оренбург, 2002. 175 с.; Захарова Е.И. Имущественная обособленность коммерческих организаций как признак юридического лица: автореф. дисс. к.ю.н. Краснодар, 2013, 28 с.

¹⁵ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law // *The Yale Law Journal*. 2000. Vol. 110. No. 3. P. 393-398.

¹⁶ См., например, Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Incomplete Organizations: Legal Entities and Asset Partitioning in Roman Commerce // *European Corporate Governance Institute (ECGI) - Law Working Paper*. 2014. No. 271/2014. 30 p.

личных кредиторов. Могут также существовать промежуточные степени, когда личное имущество доступно с ограничениями (например, пропорционально доли участия или в пределах какой-либо суммы)¹⁷. В более поздней работе авторы выделяли только слабую обособленность (weak owner shielding) и полную имущественную обособленность (complete owner shielding)¹⁸.

Несмотря на то что защитное имущественное обособление, как правило, связано с ограниченной ответственностью, при слабой форме защитного имущественного обособления ограниченная ответственность не возникает – личные кредиторы имеют не исключительные, а только приоритетные требования к личному имуществу, соответственно, личное имущество потенциально доступно и кредиторам сущности¹⁹, поэтому понятие защитного обособления и ограниченной ответственности не должны отождествляться (хотя примеры такого отождествления можно встретить в литературе²⁰).

На наш взгляд, упомянутый вывод авторов о соотношении ограниченной ответственности с защитным имущественным обособлением также необходимо дополнить еще одним уточнением: как защитное имущественное обособление может не приводить к ограниченной ответственности, так и ограниченная ответственность может существовать без защитного обособления. В российском праве примером такой ситуации является ограничение ответственности наследников по долгам наследодателя, ведь иной характер ограничения ответственности здесь связан с тем, что ответственность ограничена стоимостью имущества, а не самим этим имуществом.

Подтверждающее обособление имущества содержит в себе два базовых элемента: приоритет требований, а также защиту от ликвидации²¹. В частности, авторы указывают на то, что такой элемент подтверждающего обособления, как защита от ликвидации, позволяет сохранить ценность действующего предприятия (Going-Concern Value)²². Именно наличие «защиты от ликвидации» отделяет слабую форму обособления от сильной²³, так как при наличии защиты от ликвидации личный кредитор получает удовлетворение за счет обращения взыскания на права участника, занимая место последнего, он может получить доступ к имуществу сущности, но с соблюдением установленного порядка ликвидации сущности. Также авторы выделяют супер-сильную или полную форму имущественного обособления, которая означает

¹⁷ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 396.

¹⁸ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm // Harvard Law Review. 2006. Vol. 119, No. 5. P. 1340.

¹⁹ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 395-396.

²⁰ Подсосонная В.В. Указ. соч.; Pargendler M. The New Corporate Law of Corporate Groups // European Corporate Governance Institute - Law Working Paper. 2023. No. 702/2023. P. 7.

²¹ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 395.

²² Hansmann H., Kraakman R.H., & Squire R. Legal Entities, Asset Partitioning, and the Evolution of Organizations. URL: https://pcg.law.harvard.edu/wp-content/uploads/papers/Hansmann_Paper.pdf (дата обращения 14.03.2023).

²³ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 395

полную автономность и не позволяет обратить взыскание даже на права участника/учредителя сущности²⁴.

Таковы основные теоретические конструкции, выработанные Г. Хансманом и Р. Краакманом, однако необходимо понимать, что их построение не являлось самоцелью исследования, проведенного данными авторами. Основным направлением их работы было обоснование того, что имущественное обособление представляет собой основное и главное свойство, которое, выполняет «организационное право». Особенно в части подтверждающего обособления. Иными словами, это означает следующее: подтверждающее имущественное обособление не может быть достигнуто инструментами договорного, агентского, деликтного или вещного права и только «организационное право» дает такую возможность. Вторым направлением было проведение экономического анализа тех преимуществ и недостатков, которые дают различные аспекты имущественного обособления.

Для правильного понимания теории Г. Хансмана и Р. Краакмана в части обоснования ключевой роли организационного права необходимо уточнить два ключевых и взаимосвязанных положения, которые вызывают сложности, связанные с интерпретацией данной теории:

Понятие организационного права. Организационное право может быть ошибочно воспринято как корпоративное право (или шире, как право юридических лиц) в понимании отечественной юриспруденции, однако это не так. Сами авторы определяют «организационное право» следующим образом: «законы, регулирующие стандартные юридические *сущности*, такие как коммерческие корпорации, товарищества, кооперативы, некоммерческие организации, трасты, общества с ограниченной ответственностью и имущество супругов»²⁵.

Разделение юридических сущностей и юридических лиц. При этом термин «юридические сущности» (legal entities), используемый авторами, может быть ошибочно переведён и истолкован как «юридическое лицо» (распространенное понимание данного термина) и такую ошибку, приводящую к различным по степени искажениям, можно встретить в ряде отечественных работ²⁶. В действительности авторы проводят разграничение между понятиями юридическая сущность (legal entity) и юридическое лицо (legal personality) приводя в качестве примера полные партнерства, которые, являясь юридическими сущностями, могут не являться юридическими лицами, т.е. обладать свойством имущественной обособленности, но не иметь возможности выступать от собственного лица²⁷. Также отнесение авторами трастов и

²⁴ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Incomplete Organizations: Legal Entities and Asset Partitioning in Roman Commerce P. 13-14, 26.

²⁵ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 390.

²⁶ Горбашев И.В. Критика экономической теории юридических лиц // Предпринимательское право. 2021. № 4. С. 18-29.; Подсосонная В.В. Указ. соч.

²⁷ Hansmann H., Kraakman R.H., Squire R. Legal Entities, Asset Partitioning, and the Evolution of Organizations. P. 12; Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1338.

имущества супругов к юридическим сущностям должно наводить на мысль о том, что под ними понимаются не только юридические лица. Разделение юридических личностей и юридических сущностей в рамках системы общего права также можно встретить у других авторов²⁸. Помимо этого, в рамках англо-саксонской системы права существуют такие организационно-правовые формы, в которых одна компания (legal personality) может состоять из нескольких отдельных сущностей (legal entity)²⁹. Данный феномен будет более подробно описан далее. Далее в работе термин сущность будет использоваться для обозначения какого-то правового образования (безотносительно его правовой природы), т.е. в значении близком к буквальному.

Через категорию имущественного обособления упомянутые авторы доказывают, что юридические сущности не могут быть сведены к стандартным формам контрактов³⁰. В данном случае они оппонируют тем исследователям (например, Р. Познеру), которые усматривают основную функцию юридических лиц в том, что они позволяют добиться ограниченной ответственности и делают это фактически через конструкцию стандартного договорного условия в том смысле, что любое вступление в договорные отношения с юридическим лицом означает добровольное принятие сторонами стандартных условий об ограничении ответственности³¹. При этом нужно отметить, что и Р. Познер, и Г. Хансман, и Р. Краакман специально оговаривают, что представление об организации как о стандартном договорном условии не может обосновать ответственность перед недобровольными кредиторами³². Вынесение данного обстоятельства за скобки, вероятно, связано с тем, что Г. Хансман и Р. Краакман являются принципиальными противниками ограниченной ответственности перед недобровольными кредиторами, что позволяет им не учитывать данный фактор в своих доктринальных построениях³³.

В качестве основного аргумента, обосновывающего невозможность сведения имущественного обособления к стандартной договорной форме, Г. Хансман и Р. Краакман указывают не на защитное действие такого обособления, а на то, что личные кредиторы владельца не могут претендовать на имущество сущности (affirmative assets partitioning). Авторы утверждают, что именно подтверждающее обособление имущества не может быть эффективно достигнуто обычными договорными средствами³⁴, а также на то, что существование сущностей без ограниченной ответственности (защитного обособления) возможно, а существование

²⁸ Kurki V. A.J. A Theory of Legal Personhood // Oxford Legal Philosophy. Oxford. 2019. P. 6.

²⁹ URL: <https://www.delawareinc.com/ourservices/series-limited-liability-company/> (дата обращения 03.03.2024).

³⁰ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 390-391.

³¹ Познер Р. Экономический анализ права (в 2-х т.). / Пер. с англ. А.А. Фофанова; под ред. В.Л. Тамбовцева. СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2 С. 534-535.

³² Данная проблема будет рассмотрена далее в § 5 настоящей работы.

³³ Hansmann H., Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts // The Yale Law Journal. 1991. Vol. 100. Pp. 1879-1934.

³⁴ Hansmann H., Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law. P. 406-423.

сущностей без подтверждающего обособления нет³⁵. В качестве дополнительного аргумента также указывается на то, что если защитное обособление в отношении с добровольными кредиторами может быть достигнуто через конструкцию стандартного договорного условия, то подтверждающее потребовало бы заключения соглашений о субординации требований с каждым личным кредитором текущим или будущим. Однако такая позиция тоже подвергается критике, которая будет рассмотрена по существу далее.

Выводы упомянутых авторов о том, что имущественное обособление (в особенности подтверждающее имущественное обособление) является уникальным свойством организационного права и никак не может быть достигнуто и обосновано с точки зрения конструкций договорного, вещного и агентского права подвергаются критике.

1.3. Развитие теории обособленного имущества

По результатам проведенного анализа можно выделить по меньшей мере три направления, в которых разрабатывается, совершенствуется и переосмысливается оригинальная теория обособленного имущества, предложенная Г. Хансманом и Р. Краакманом:

1. Критика и переосмысление основной идеи о том, что именно имущественное обособление является центральным и исключительным свойством организационного права, которые выливаются в попытки доработать теорию в этом направлении и более точно установить главное свойство организационного права.

2. Уточнение понятия имущественного обособления, в целом остающееся в рамках представлений об имущественном обособлении, заложенных Г. Хансманом и Р. Краакманом, но с распространением данного явления не только на сущности, но и на обеспечительные конструкции.

3. Рассмотрение имущественного обособления в более широком и универсальном смысле как придание какому-то пулу активов специфического правового режима, не обязательно связанного с приоритетом требований одних кредиторов над другими.

Первое направление не представляет большого интереса в рамках настоящего исследования. Несмотря на ценность самого инструментария, который дает теория обособленного имущества Г. Хансмана и Р. Краакмана (результаты экономического анализа данного явления, основных его свойств и признаков, присущих имущественному обособлению и степеней, в которых оно может проявляться), основная идея, которая была заложена авторами – невозможность формирования имущественного обособления без специального указания правопорядка в рамках организационного права – представляется не столь ценной, так как

³⁵ Hansmann H., Kraakman R.H., Squire R. Legal Entities, Asset Partitioning, and the Evolution of Organizations. P. 4.

настоящее диссертационное исследование не ставит своей целью установить сущность организационного права.

Более того, для российского права, как и всей континентальной правовой системы, категория организационного права не имеет того значения, которое она имеет в системе общего права. В рамках континентальной правовой системы имущественное обособление рассматривается как естественное свойство правосубъектности, которая как категория частного права является хорошо разработанной в доктрине соответствующих правопорядков. Существующий в континентальных правопорядках уровень развития учения о юридических лицах, как полноправных носителях субъективных гражданских прав и обязанностей, позволяет легко снимать вопрос о причинах возникновения имущественного обособления, так как если юридическое лицо является отдельным субъектом, то вполне естественно ему и нести самостоятельную ответственность.

Однако такой довольно системный и последовательный подход континентального права не лишен недостатка, связанного с тем, что имущественное обособление теоретически обоснованным становится только тогда, когда правосубъектность какого-либо образования признана позитивным правом и отсутствие такого признания приводит к теоретическим и практическим затруднениям. Напротив, в системе общего права такой проблемы не возникает, так как в отсутствие четкого учения об отраслевой правосубъектности, юристы общего права в большей степени оперируют категорией юридических существностей, а не юридических лиц. Это видно, в частности, из приведенного выше определения термина «организационное право».

В контексте организационного и корпоративного права также есть смежное направление исследований, предполагающее выделение, наравне с имущественным обособлением, обособления организационного (*regulatory partitioning*): «организационное разделение означает правовую изоляцию между акционерами и корпорациями для целей вменения прав и обязанностей, кроме тех, что связаны с разграничением активов для целей денежной ответственности»³⁶. Такое разделение подразумевает, что, по общему правилу, акционеры материнской компании не обладают правами и обязанностями в отношении дочерней компании. Отступлениями от базового подхода являются, например, косвенные иски участников, установление порядка согласования определенных сделок не на уровне самого общества и его органов, а на уровне материнского общества, установление иных прав участников материнского общества на непосредственное участие в деятельности дочернего.

³⁶ Pargendler M. Op. cit. P. 8.

Данное направление представляет собой самостоятельное направление исследований в рамках корпоративного права и не связано с проблемой имущественной обособленности в контексте, рассматриваемом нами.

Второе направление представляется более значимым для настоящего исследования, чем первое, так как в рамках него происходит отход от рассмотрения имущественного обособления исключительно в контексте организационного права при сохранении изначального понимания имущественного обособления как недобровольной субординации требований кредиторов по отношению к различным пулам активов³⁷.

Такого рода критика касается именно восприятия имущественной обособленности как исключительного института организационного права, однако никак не дискредитирует саму теорию обособленного имущества как правового инструмента, которому присущи те или иные свойства, преимущества и недостатки, и в этом смысле, наоборот, демонстрирует более широкое значение имущественного обособления.

Представляется, что предпосылки для развития данного направления были во многом predetermined самими Г. Хансманом и Р. Краакманом, так как несложно заметить, что слабым местом их теории была попытка принципиально размежевать имущественное обособление сущностей от тех ситуаций, в которых недобровольная субординация происходит при помощи инструментария договорного и вещного права.

Например, сравнив разные работы Г. Хансмана и Р. Краакмана можно проследить различные оценки ими необходимости существования организационного права для обоснования подтверждающего обособления имущества. Так, в одной работе авторы прямо указывают, что достигнуть его без специального указания права, оперируя лишь стандартными инструментами договорного права, фактически невозможно, так как для получения слабой формы подтверждающего обособления потребовалось бы при каждом новом договоре сущности заключать договоры со всеми (в том числе будущими) личными кредиторами, чтобы субординировать их требования, а для получения полу-сильной формы еще и получить от них отказы от реализации права на ликвидацию³⁸. Напротив, в других работах говорится о том, что действующее позитивное право в части регулирования обеспечительных конструкций просто недостаточно гибко, чтобы достичь желаемого результата: «Организационное право не было бы необходимым для этой цели, если бы право в целом было более гибким в разрешении создания и уступки обеспечительных прав в отношении конкретных объектов собственности³⁹».

³⁷ Squire R. The Case for Symmetry in Creditors' Rights // Yale Law Journal. 2009. Vol. 118. P. 808-809.

³⁸ Hansmann H., Kraakman R.H., Squire R. Legal Entities, Asset Partitioning, and the Evolution of Organizations. P. 13.

³⁹ Hansmann, H., Kraakman, R.H. Organizational law as asset partitioning. // European Economic Review. 2000. Vol. 44. P. 813.

Действительно, если понимать имущественное обособление как разделение имущества на пулы активов, которые причитаются разным пулам кредиторов (или некоторые из них имеют приоритетные требования), то это будет свойственно, например, залог. «Кредиторы» заложенного имущества имеют приоритетные требования в отношении данного имущества и, соответственно, имеет место по меньшей мере слабое подтверждающее обособление имущества.

Р. Морган также уточняет, что установление приоритета одних требований над другими возможно не только путем залога (*security interest*), но и средствами обычного договорного права – сделки РЕПО, выкупной лизинг⁴⁰. Достояна внимания, на наш взгляд, цитата Линна ЛоПаки, приводимая Р. Моганом о том, что «обеспечение есть соглашение между А и Б о том, что С ничего не получит»⁴¹. В результате чего Р. Морган приходит к выводу о том, что слабая форма имущественного обособления также присуща обеспечительным сделкам.

Развитие теории имущественного обособления в рамках, не ограниченных проблемой организационного права, было осуществлено Р. Сквайером (соавтором некоторых работ Г. Хансмана и Р. Краакмана, посвященных имущественному обособлению), в которых он предложил выделять два базовых типа имущественного обособления: симметричное и асимметричное. Симметричное обособление предполагает разделение имущества на пулы, кредиторы каждого из которых имеют преимущества, а асимметричное обособление предполагает предоставление преимущества только некоторым кредиторам⁴².

Случаи асимметричного обособления в основном составляют конструкции обеспечения обязательств, однако Р. Сквайер относит к ним также американское полное товарищество (*American General Partnership*), так как в нём кредиторы товарищества имеют преимущество в отношении имущества товарищества, но при этом личные кредиторы не имеют преимущества в отношении обращения взыскания на личное имущество и будут удовлетворяться на равных с кредиторами товарищества⁴³. Также автор говорит о том, что даже если законом установлено симметричное имущественное обособление, то на уровне соглашений оно может стать несимметричным, например, в случае предоставления поручительства от владельца бизнеса, или, наоборот, сделать несимметричное обособление симметричным, путем отказа от преимущественного права⁴⁴. В связи с этим представляется некорректной интерпретация данных положений Р. Свайера, которую дает Х. Хьюс, утверждая, что отличие имущественного

⁴⁰ Morgan R. *Organizational Law as Commitment Device* // *Vanderbilt Law Review*. 2017. P. 1316-1320.

⁴¹ Morgan R. *Op. cit.* P. 1316.

⁴² Squire R. *Op. cit.* P. 808-809.

⁴³ Squire R. *Op. cit.* P. 812.

⁴⁴ Squire R. *Op. cit.* P. 813-814.

обособления сущностей и обеспечений происходит в зависимости от симметричности обособления⁴⁵.

Основной посыл работы Р. Сквайера заключается в анализе преимуществ и недостатков двух выделенных видов имущественного обособления, что не имеет решающего значения для настоящей работы. Отметим лишь, что нас интересует сам факт возможности применения имущественного обособления за пределами «организационного права» и то, что на самом деле имущественное обособление проявляется и в ординарных институтах гражданского права.

Кроме того, сущности и обеспечения, если последние понимаются в общем праве достаточно широко, могут и вовсе совпадать. Так, например, происходит, когда в целях обеспечения обязательства создается проектная компания (*special-purpose vehicle*)⁴⁶. Что в целом дает основания для перехода на новый уровень анализа: придя к выводу о том, что имущественное обособление свойственно как сущностям, так и обеспечительным конструкциям, ставится вопрос о том, существует ли в таком случае принципиальное различие между обеспечительными конструкциями и сущностями.

Следует оговориться, что в этом вопросе также очень заметная специфика общего права, которая не позволяет прямо переложить существующие в его доктрине наработки на теоретическую базу континентального права, в котором используется не конструкция сущности, а конструкция лица, с четким разделением между подобными явлениями, в котором критерием будет наличие/отсутствие правосубъектности. Вместе с тем сам анализ различных свойств двух выделенных видов имущественного обособления, проведенный правоведами системы общего права, представляет ценность и для континентального права.

Удачное, на наш взгляд, решение было предложено О. Элдаром и А. Ферштейном, которые провели принципиальное различие между сущностями и обеспечительными конструкциями в зависимости от характера приоритета требований, которые они дают: согласно их теории, сущности дают плавающий приоритет, а обеспечительные конструкции фиксированный. Плавающий приоритет отличается от фиксированного тем, что внутри имущества, которое имеет плавающий приоритет, такой приоритет может меняться, а при фиксированном нет⁴⁷. Из данных положений также делаются следующие выводы, касающиеся особенностей имущественного обособления: (1) обеспечительные конструкции дают

⁴⁵ Hughes H. Blockchain and the Future of Secured Transactions Law // *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*. 2020. American University. P. 33.

⁴⁶ Picker R. C. Pulling a Rabbi Out of His Hat: The Bankruptcy Magic of Dick Posner // *University of Chicago Law Review*. University of Chicago Law & Economics. 2007. Vol. 74. P. 4.

⁴⁷ Eldar O., Verstein A. The Enduring Distinction Between Business Entities and Security Interests // *Southern California Law Review*. 2018. Vol. 92. No. 2. P. 216.

фиксированный приоритет⁴⁸, (2) плавающий приоритет не может быть достигнут договорным способом, (3) ценность плавающего приоритета основана на ценности действующего предприятия, а ценность фиксированного приоритета основана исключительно на стоимости имущества. Каждый из вариантов имеет свои трансакционные и информационные преимущества и недостатки.

Авторы рассматривают эту проблему в том числе на примере такого неизвестного российскому праву и неисследованного в российской доктрине явления, как сегрегированные портфельные компании или компании защищенных ячеек. Имущество данных компаний разделяется на отдельные пулы активов, за счет которых удовлетворяются требования разных кредиторов. Такие организационные формы являются относительно новыми и используются, как правило, в офшорных юрисдикциях⁴⁹. О. Элдар и А. Ферштейн указывают на то, что аналогичным образом в американском праве устроены серийные общества с ограниченной ответственностью и серийные трасты⁵⁰. В каком-то смысле схожая ситуация возникает в российском праве, когда одна управляющая компания осуществляет управление несколькими паевыми инвестиционными фондами.

Также О. Элдар и А. Ферштейн доказывают, что разделение между сущностями и обеспечительными конструкциями не может строиться в зависимости от наличия формальной правосубъектности (*legal personality*) в том числе потому, что эта последняя на уровне закона «последовательно и рационально» не определена⁵¹.

Третье направление. Третье направление предполагает распространение категории обособленного имущества на такие явления, которые не предполагают в чистом виде возникновение приоритетов у разных групп кредиторов, но предполагают возникновение специфического правового режима у имущества в целом. Широко на имущественное обособление как изменение правового статуса имущества смотрит, например, Р. Пикер⁵². Достаточно интересным примером имущественного обособления, который он приводит, является обособление имущества при помощи «траста равнина», такого траста, в отношении которого личные кредиторы его создателя имеют права требования, но сам создатель не имеет права распоряжаться (в том числе передавать в залог). По мнению автора, конструкция такого траста может обеспечить интересы всех необеспеченных кредиторов и фактически лучшим образом выполнить функцию негативного залога, если правопорядок рассматривает последний

⁴⁸ Здесь важно отметить, что фиксированным является именно приоритет в отношении какого-то имущества, а не состав такого имущества. Так, например, при залоге товаров в обороте залогодержатель всегда будет иметь приоритет в отношении заложенного имущества, несмотря на то что состав такого имущества может меняться.

⁴⁹ См., например, Закон Британских Виргинских Островов о коммерческих компаниях, 2004

⁵⁰ Eldar O., Verstein A. Op. cit. P. 256.

⁵¹ Eldar O., Verstein A. Op. cit. P. 262.

⁵² Picker. R. C. Op. cit. P. 3.

как простое договорное обещание и не дает оспорить залог, установленный в нарушении запрета⁵³.

Отнесение описанной выше ситуации к случаям имущественного обособления возможно только при понимании имущественного обособления в более широком смысле, нежели предложенный Г. Хансманом и Р. Краакманом (так как ключевым свойством имущественного обособления в их теории является наличие приоритета у разных групп кредиторов), и даже более широкого понимания Р. Сквайера (последний допускает асимметричное обособление, при котором только одна группа имеет приоритет), так как в трасте равина никто не имеет приоритета. Поэтому если понимать имущественное обособление так, как оно было сформулировано вышеуказанными исследователями, то траст равина является не примером имущественного обособления, а скорее примером защиты от такого обособления.

Как уже было указано выше, Р. Пикер указывает на то, что под имущественным обособлением следует понимать придание особого правового статуса имуществу, однако сам он не раскрывает содержание данного статуса, не формулирует собственное понимание имущественного обособления, а лишь использует теоретическую базу предыдущих исследователей, которая в действительности исходит из более узкого понимания имущественного обособления.

Поскольку именно последний подход представляется наиболее перспективным путем развития теории обособленного имущества, позволяющим выйти не только за рамки организационного права, но и за рамки системы общего права, в котором оригинальная теория была сформулирована, то именно в рамках данного подхода будет исследоваться проблема обособленного имущества в настоящей работе. Такой подход позволит создать полезный инструментарий для частного права как такового, если феномен обособленного имущества будет исследован с учетом специфики континентальной системы права.

1.4. Наше понимание имущественного обособления

Нами предлагается следующим образом систематизировать понимание имущественного обособления как феномена частного права.

Юридическое обособление имущества представляет собой придание имуществу специфического правового режима, который выделяет некоторое (технически обособленное) имущество из общей имущественной массы лица. Имущественное обособление в первую очередь проявляется в специальном порядке ответственности данным имуществом перед кредиторами и разделении последних на несколько групп. Вместе с тем специфический статус обособленного имущества может заключаться и в других аспектах: особом порядке использования и

⁵³ Picker. R. C. Op. cit. P.10-13.

распоряжения имуществом, в возникновении квази-договорных отношений между обособленными имущественными массами, закреплением за имуществом целевого характера и др.

В этом смысле имущественное обособление представляет собой многоаспектное явление, которое является следствием использования различных юридических конструкций, которые могут значительно различаться между собой как сложностью своего устройства, так и степенью своей изученности. Безусловно, такое широкое понимание имущественной обособленности приводит к тому, что им охватывается большое количество правовых институтов, не все из которых нуждаются в том, чтобы быть предметом самостоятельного изучения в данном направлении. Вместе с тем это позволяет на примерах таких простых и/или хорошо изученных случаев имущественного обособления устанавливать закономерности и находить решения, применимые к более сложным конструкциям.

Поскольку обозначенное понимание имущественной обособленности шире того, которое было сформулировано Г. Хансманом и Р. Краакманом и, что более важно, направлено на исследование феномена юридического обособления в частном праве в целом, а не как свойства организационного права, то необходимо также уточнить роль и место категорий защитного и подтверждающего обособления, которые были выработаны данными авторами в контексте их теории. В рамках настоящего исследования категории подтверждающего и защитного обособления будут использоваться в качестве средства правового анализа институтов гражданского права, которое позволяет определить наличие у какого-либо имущества одной из, но наиболее значимой характеристики специфического правового статуса имущества – доступность имущества тем или иным группам кредиторов.

По результатам проведенного нами исследования было установлено, что имущественное обособление в рамках российского права возникает в следующих случаях: (1) при использовании конструкции юридического лица; (2) при установлении ограниченных вещных прав, а также обязательственных прав, обладающих свойствами вещных; (3) при установлении имущественных иммунитетов; (4) в качестве самостоятельного приема юридической техники. Для лучшего понимания смысла исследования предлагается дать краткую характеристику всем указанным случаям в рамках настоящего раздела.

Имущественное обособление посредством юридического лица. Имущественное обособление посредством конструкции юридического лица представляет собой наиболее понятный и простой способ имущественного обособления, который был подробно изучен в зарубежной литературе в первую очередь Г. Хансманом и Р. Краакманом. В связи с данным обстоятельством в рамках настоящей работы проблема обособления имущества юридических

лиц не будет рассматриваться отдельно, но некоторые её аспекты будут рассмотрены применительно к нетипичным случаям, например, договору простого товарищества⁵⁴.

Имущественная обособленность также признается нами свойством юридического лица, но не в том значении, в котором это принято на данный момент в отечественной доктрине. Несмотря на буквальное совпадение используемой терминологии, имущественная обособленность как признак юридического лица наделяется в господствующей доктрине иным содержанием, чем имущественная обособленность, которая является предметом рассмотрения в настоящем исследовании. Ю.В. Стройкина определяет имущественную обособленность как признак юридического лица следующим образом: «[признак] характеризующий наличие имущества на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления и закрепление данного имущества на балансе юридического лица»⁵⁵. Степень имущественной обособленности в рамках такого подхода определяется видом права, на котором закрепляется имущество, и как следствие, объемом правомочий в отношении этого имущества, которое получает юридическое лицо.

Более поздняя диссертация Е.И. Захаровой⁵⁶ в целом развивает идеи Ю.В. Стройкиной, связанные с тем, что имущественное обособление представляет собой наделение юридического лица определенным объемом прав в отношении закрепленного за ним имущества, но делает это с учетом теории Г. Хансмана и Р. Краакмана (вероятно, той её интерпретации, которая была предложена В.В. Подсосонной), хотя степень имущественной обособленности Е.И. Захарова определяет также в зависимости от вида права, как это делает Ю.В. Стройкина, а не так, как Г. Хансман и Р. Краакман.

На наш взгляд, ограничение понимания имущественной обособленности закреплением имущества на определенном праве за юридическим лицом, хотя и допустимо в контексте рассмотрения его свойств, но представляется менее ценным теоретически и практически по двум причинам: во-первых, игнорируется принципиальная, с точки зрения ответственности перед кредиторами разница, например, между полным товариществом и обществом с ограниченной ответственностью, так как и первое и второе являются собственниками своего имущества, но кредиторам первого, несмотря на это, доступно и личное имущество товарищей. Во-вторых, что более важно, возникает логический круг с другими свойствами, так и Ю.В. Стройкина, и Е.И. Захарьева указывают, что закрепление имущества на определенном праве за юридическим лицом, является **предпосылкой** для его участия в обороте от собственного имени, однако столь же справедливо будет и обратное утверждение, что участие в обороте от собственного имени

⁵⁴ Подробнее см. раздел 2.1 главы 2 настоящей работы.

⁵⁵ Стройкина Ю. В. Указ. соч. С. 30

⁵⁶ См. Захарова Е.И. Указ. соч. С. 13

является предпосылкой, т.е. дает возможность закрепить это имущество на определенном праве за юридическим лицом.

Таким образом, текущее понимание имущественной обособленности как признака юридического лица, во-первых, не позволяет ответить на вопрос: почему все или некоторые неправосубъектные обособленные имущественные массы не могут быть признаны юридическими лицами, так как соответствие данному признаку невозможно без состоявшегося факта признания правопорядком самостоятельной правосубъектности образования, а во-вторых, не будет ли более целесообразно прийти к замене такого узкого понимания имущественной обособленности более широким ее пониманием.

Обособление имущества посредством вещных прав. Имущественное обособление может также происходить при помощи вещных прав. Имущественное обособление юридических лиц тоже, очевидно, происходит не без использования вещных прав, но поскольку отдельное самостоятельное право собственности в данном случае является прямым следствием правосубъектности, то такая роль вещных прав столь очевидна, что не представляет интереса для дальнейшего рассмотрения.

Установление ограниченного вещного права может приводить к обособлению как в аспекте ответственности перед кредиторами, так и в других аспектах, связанных с пользованием и распоряжением таким имуществом.

Наиболее явное обособление происходит при помощи залога, что также было подробно изучено зарубежными исследователями (в первую очередь О. Элдаром, А. Ферштейном и Р. Сквайером), поэтому бóльший интерес в рамках настоящего исследования представляют случаи имущественного обособления при помощи иных ограниченных вещных прав, исследование обособленности имущества, находящегося в общей собственности, а также особенностей обособления одновременно при помощи конструкции юридического лица и ограниченного вещного права⁵⁷.

Обособление имущества посредством имущественных иммунитетов. Особый вид обособленного имущества представляет собой имущество, на которое распространяются различного рода иммунитеты. Правовая природа и особенности обособления данным способом рассматриваются в рамках отдельного раздела⁵⁸.

Обособление имущества как самостоятельный прием юридической техники. Наименее изученными и представляющими наибольший практический и теоретический интерес являются такие случаи имущественного обособления, в которых имущественное обособление представляет собой самостоятельный прием юридической техники, который не связан с

⁵⁷ Подробней см. § 3 главы 1 настоящей работы.

⁵⁸ Подробней см. раздел 6.3 главы 1 настоящей работы.

использованием какого-либо из вышеуказанных приемов. Это происходит в тех случаях, когда позитивное право устанавливает такой режим для имущества, который не может быть объяснен с помощью стандартных конструкций гражданского права. Как правило, такой специфический режим связан с тем, что правопорядок наделяет имущество свойствами, характерными для субъекта права, без формального признания правосубъектности за этим последним.

Имущественное обособление как самостоятельная правовая конструкция в значительной степени схожа с конструкцией обособленного патримония (*patrimoine d'affectation*), существующей во французской доктрине и правопорядках, находящихся под её влиянием. Концепция «патримония», будучи разработана французскими исследователями XIX века Ш. Обри и Ш. Ро, оказала значительное влияние на восприятие права французскими юристами. Данная теоретическая конструкция заключается в том, что патримоний (*patrimoine*) представляет собой единство комплекса прав (активов) и обязанностей (пассивов). При этом, в соответствии с оригинальной теорией Ш. Обри и Ш. Ро, такое единство всегда выражается в принадлежности прав и обязанностей одному лицу (юридическому или физическому). При этом любое лицо всегда имеет патримоний, даже если не имеет никаких прав и обязанностей в определенный момент, но оно всегда имеет только один патримоний⁵⁹.

Соответственно, в любом случае возникновения, такого единства прав и обязанностей, которое не может быть отождествлено с имущественным комплексом признанного физического или юридического лица, образуется обособленный имущественный комплекс *patrimoine d'affectation*, который прямо противоречит оригинальной теории патримония Ш. Обри и Ш. Ро. Данная проблематика будет также рассмотрена в рамках отдельного раздела исследования.

В зарубежном праве к таким неправосубъектным обособленным имущественным массам относят, например, неправосубъектные фонды, фидуцию, лежачее наследство, наследство, принятое по описи (*benefit of inventory*), конкурсную массу, отдельные виды товариществ⁶⁰. В действующем российском праве они представлены, по меньшей мере, имуществом, находящимся в доверительном управлении, имуществом инвестиционных товариществ, отдельными видами конкурсного имущества, имуществом неправосубъектного крестьянского (фермерского) хозяйства и др. Отдельными признаками имущественной обособленности обладают наследственное имущество (до банкротства), совместное имущество супругов.

Признаки обособленного имущества как самостоятельного феномена не ограничены специфическим характером ответственности перед кредиторами (защитным и подтверждающим обособлением), а могут проявлять и иные свойства, а именно – возможность возникновения

⁵⁹ Kasirer N. Translating Part of France's Legal Heritage: Aubry and Rau on the Patrimoine // *Revue générale de droit*. 2008. Vol. 38(2), P. 453–493.

⁶⁰ Lepaulle P. *Traité théorique et pratique des trusts* приводится по переводу на английский Popovici A., Smith L. D. *Lepaulle Appropriated // Trusts and Patrimonies*. Edinburgh University Press. 2015. P. 25

квази-договорных отношений между обособленными имущественными массами, что предполагает особый порядок управления и распоряжения имуществом, отдельные признаки правосубъектности имущества, возникновение отношений, напоминающих универсальное правопреемство и др.

Отсутствие правосубъектности обособленных имущественных комплексов создает большое количество трудностей как практического, так и теоретического характера, которые подробно будут рассмотрены далее в работе в соответствующих её разделах: принадлежность прав и обязанностей при доверительном управлении, положение наследственного имущества, банкротство неправосубъектных имущественных масс и др.

Даже если предположить, что имущественное обособление как самостоятельный феномен является не полноценным институтом гражданского права, имеющим своё теоретическое обоснование, а лишь побочным продуктом непоследовательных решений законодателя, то это ни в коей мере не снимает с повестки дня потребности его изучения с точки зрения позитивного права и разрешения тех вопросов, которые с ним связаны. Теоретический же интерес к данной проблеме, в первую очередь связан с соотношением юридической обособленности имущества с правосубъектностью, а также с восприятием имущественной обособленности в контексте отдельных институтов гражданского права.

Теоретическую потребность в разработке и исследовании феномена обособленного имущества, на наш взгляд, можно продемонстрировать на следующем примере: в одном из лучших монографических исследований проблемы доверительного управления в российском праве, проведенном О. Р. Зайцевым, проанализировано большое количество проблем, которые связаны с доверительным управлением в целом и доверительным управлением паевыми инвестиционными фондами, в частности, однако, на наш взгляд, потенциал данного исследования оказался ограничен тем, что автор не рискнул выйти за рамки классических цивилистических конструкций при анализе явления, которое явно в них не вписывается⁶¹.

В основе работы О.Р. Зайцева лежит утверждение о том, что доверительное управление может строиться или по модели перехода права собственности к доверительному управляющему, или по модели представительства⁶². При этом единственной причиной, по которой автор приходит к такому делению, является спорное само по себе утверждение о том, что существование конструкции, при которой несобственник может распоряжаться имуществом, является невозможным⁶³. Попутно автор также отказывает в теоретической обоснованности существованию прав хозяйственного ведения и оперативного управления, а также договора

⁶¹ См. Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом. М.: Статут. 2007. 507 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа – СПС «Консультант Плюс»

⁶² Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом.

⁶³ Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом.

комиссии, при котором комиссионер не получает право собственности на отчуждаемый объект, так как он строго придерживается принципа: «никто не может передать больше прав, чем имеет сам»⁶⁴.

Апелляция автора к максимам римского права о том, что никто не может передать прав больше, чем имеет сам, не представляется сильным аргументом, так как римское право знало исключения из этого правила, например, при обособлении имущества пекулия раб, который не только не имел права собственности, но и де-юре даже не являлся субъектом (хотя де-факто таковым был), вполне мог отчуждать имущество, не являясь собственником⁶⁵.

Более того, такой подход, который можно обнаружить и у других авторов⁶⁶, в рамках которого предпринимаются попытки вписать доверительное управление в привычные цивилистические конструкции, представляется контрпродуктивным, так как заставляет смотреть через призму законодательных недостатков, которые действительно есть, на сознательные и имеющие свое политико-правовое обоснование решения правопорядка.

Обратим внимание, что О. Р. Зайцев, не соглашаясь с тем регулированием, которое манифестирует позитивное право, и предлагая возможные пути разрешения доктринальных противоречий, не желает устранить их наиболее очевидным образом – путем наделения такого имущества самостоятельной правосубъектностью. Не предлагают это сделать и многие другие авторы, которые исследовали особенности регулирования доверительного управления паевыми инвестиционными фондами⁶⁷. Связано это, вероятно, с тем, что прямое указание закона на то, что паевой инвестиционный фонд не является юридическим лицом, воспринимается как явная и принципиальная позиция законодателя, которая в силу своей твердости и четкости, заставляет некоторых исследователей просто согласиться с ней без какого-либо теоретического осмысления: «Таким образом, законодатель не признает паевой инвестиционный фонд

⁶⁴ Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом.

⁶⁵ Подробней см. Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество в римском праве.

⁶⁶ Дозорцев В. А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) // Гражданский кодекс РФ. Часть вторая: текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., 1996. 532 с.; Пьяных Е. С. Место договора доверительного управления имуществом в системе гражданско-правовых обязательств // Юрист. 2004. № 12. С. 24-29; Суханов Е.А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 11. С. 44–56.

⁶⁷ Ножкин С.А. Правовая природа паевого инвестиционного фонда : дис. ... канд. юрид. наук. – Владикавказ, 2012. – 159 с.; Осташевич И.О. Гражданско-правовое регулирование деятельности управляющих компаний, осуществляющих доверительное управление закрытыми паевыми инвестиционными фондами : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 209 с.; Забажанова О.В. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом : теория и практика правового регулирования : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 217 с.; Гридчин А.Г. Правовое регулирование деятельности паевого инвестиционного фонда как формы коллективного инвестирования : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – 226 с. Оксюк Т.Т. Гражданско-правовое регулирование доверительного управления паевыми инвестиционными фондами : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 212 с.

субъектом гражданских правоотношений. В данном случае мы все-таки склонны поддерживать позицию законодателя»⁶⁸.

Прямое и недвусмысленное введение законодателем конструкции *sui generis*, что фактически О. Зайцев и обосновал, указав на невозможность уложить её в рамки других институтов, должно, на наш взгляд, приводить к необходимости изучения данного феномена, как явления самостоятельного, тем более что те свойства имущественной обособленности, которые присущи ему, также обнаруживаются и в других более привычных институтах гражданского права: юридические лица, наследственное имущество, общая собственность, конкурсная масса и др.

Применительно к наследственной массе в современных работах также высказывается позиция о том, что для более эффективного её использования требуется перейти от универсального правопреемства к «персонификации наследственного имущества»⁶⁹. Следует, однако, отметить, что в указанной работе авторы хоть и предлагают конструкцию персонификации как более подходящую соответствующим отношениям, однако не анализируют проблему правосубъектности как таковую ни с точки зрения позитивного права, ни с точки зрения доктрины, ограничиваясь лишь указанием на то, что некоторые зарубежные правовые порядки используют для этих целей конструкцию юридического лица и российскому праву следует поступить так же⁷⁰.

§ 2. Обособленное имущество и правосубъектность⁷¹

2.1. Постановка проблемы

Как мы обозначили выше, неправоподобные обособленные имущественные массы обладают отдельными признаками, характерными для субъектов права, и большинство особенностей, которые им характерны и не вписываются в привычные цивилистические конструкции, на первый взгляд, могут быть логически обоснованы путем признания за таким обособленным имуществом правосубъектности. Это предопределяет необходимость рассмотрения проблемы соотношения имущественной обособленности и правосубъектности.

В настоящий момент отсутствует какая-либо единая методика анализа, позволяющая ответить на вопрос о том, какие образования должны быть признаны юридическими лицами или

⁶⁸ Лукьянченко Д.В. Паевые инвестиционные фонды в гражданских правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 170 с.

⁶⁹ Михалев К.А., Петров Е.Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25-39.

⁷⁰ Михалев К.А., Петров Е.Ю. Указ. соч. С. 25 - 39.

⁷¹ Данный параграф основан на материалах, опубликованных в статье: Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 28–48.

при наличии каких свойств та или иная имущественная масса признается юридическим лицом. Соответствующие методики, как правило, зависят от целей, которые преследуются при проведении того или иного исследования, например, критерии правосубъектности в исследованиях, касающихся искусственного интеллекта, могут отличаться от тех, которые вырабатываются при исследовании правосубъектности наследственного имущества.

Более того, сами подходы к правосубъектности могут значительно отличаться между собой, ведь на уровне практической юриспруденции решающим будет позитивистский подход к правосубъектности, который основан на строгом следовании нормативным предписаниям и позволяет считать субъектами права только такие образования, которые прямо признаны таковыми на уровне позитивного права. Однако такой подход к правосубъектности никак не позволяет определить правильность законодательных решений, что, безусловно, делает его не столь ценным для теоретических исследований.

Противоположный подход к правосубъектности, который в большей степени соответствует целям научного анализа права, основан на концепциях, связанных с теориями естественных прав и поиском каких-либо доюридических признаков явления, которые создают возможность или необходимость признания тех или иных образований субъектами права. Обоснование правосубъектности с этих позиций создает основу для позитивных законодательных изменений, но само по себе не позволяет добиться тех преимуществ, которые дает правосубъектность, признанная на уровне закона.

В рамках настоящего раздела будет обосновано, почему два распространенных и, на первый взгляд, очевидных подхода к анализу правосубъектности обособленных имущественных масс (соответствие признакам юридического лица и критерий наличия самостоятельной воли) в действительности не позволяют решить вопрос о том, образует или должно ли образовывать обособленное имущество самостоятельный субъект права, а также будет обосновано, что признание правосубъектности на уровне позитивного права имеет два уровня: широкий и узкий (утилитарный) и именно имущественная обособленность является признаком того, что правопорядок признает правосубъектность какой-то сущности в широком смысле.

2.2. Непригодность признаков юридического лица

Поскольку принято считать, что правосубъектность физического лица основана на признании правопорядком естественных прав человека, свойственных ему в силу и с момента рождения, а правосубъектность юридических лиц как производных от физических лиц субъектов основана на признании правопорядком самостоятельного интереса за объединениями людей (корпоративные организации) и обособленными имущественными массами (унитарные организации), то при решении вопроса о возможности признания правосубъектности за иными

обособленными имущественными массами может возникнуть желание сопоставить их на соответствие выработанным за почти два столетия признакам юридического лица. На наш взгляд, такой подход является ошибочным.

Общепризнанные признаки юридического лица (имущественная обособленность; самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам; организационное единство; выступление в гражданских правоотношениях от своего имени), во всяком случае, в том значении, которое им обычно придается доктриной, непригодны для оценки законодательных решений о правосубъектности, так как они описывают не признаки какого-то явления, при наличии которых оно может быть признано юридическим лицом, а описывают те свойства, которые приобретает сущность после признания её юридическим лицом.

Самостоятельная имущественная ответственность и выступление в гражданских отношениях от своего имени, как следует из буквального смысла данных признаков, являются не предпосылками для правосубъектности, а её прямыми следствиями и не могут существовать без соответствующего прямого признания правопорядком. Как было указано выше, имущественной обособленности в качестве признака юридического лица в отечественной доктрине также придается такое понимание, при котором она является прямым следствием правосубъектности, а не предпосылкой для неё. Однако далее в работе будет обосновано, что имущественная обособленность, если её понимать иначе, всё же выступает в некотором смысле предпосылкой к правосубъектности.

Организационное единство как признак юридического лица представляется довольно неопределенной категорией, неспособной определить предпосылки правосубъектности. Теме организационного единства, как признаку юридического лица также посвящено несколько диссертационных исследований. Например, Ф.А. Румянцев определяет организационное единство, как «признак организации, определяющий систему внутренних организационных связей между его элементами и характеризующий юридическую личность как единой целое, способное выражать свою волю вовне⁷²».

Аналогичное понимание организационного единства предлагают и другие авторы: «наличие системы органов управления, обладающих компетенцией, является проявлением признака организационного единства юридического лица»⁷³, «внутренней структуре юридического лица, закреплённой его уставом (учредительным документом), прежде всего в наличии у него органов управления, с помощью которых юридическое лицо выступает в

⁷² Румянцев Ф.А. Организационное единство как признак юридического лица : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : - Москва, 2012. - С. 8.

⁷³ Шиткина И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. М. Статут. 2022. С. 15.

гражданском обороте»⁷⁴. Организационным единством в таком понимании обладают и неправосубъектные образования: (1) имущество, находящееся в доверительном управлении; (2) имущество неправосубъектного крестьянского (фермерского) хозяйства, (3) наследственное имущество в банкротстве.

Таким образом, можно однозначно утверждать, что признаки юридического лица пригодны для описания правового положения существующих юридических лиц, но совершенно непригодны для ответа на вопрос о возможности признания правосубъектности за тем или иным явлением.

2.3. Непригодность признака воли

Наиболее распространенный в отечественной доктрине подход к решению вопроса о правосубъектности тех или иных образований связан с использованием признака наличия самостоятельной воли в качестве решающего доюридического свойства, предопределяющего возможность признания правопорядком такого образования в качестве субъекта. Такой критерий используется в исследованиях, посвященных правосубъектности искусственного интеллекта⁷⁵, групп компаний, наследственного и семейного имущества⁷⁶.

Подход к правосубъектности, который предлагает В.В. Груздев, предполагает, что наличие воли является доюридическим свойством, которому правопорядок придает лишь правовое значение: «Признание государством правосубъектности означает придание юридических качеств волевой способности лица, образуемой его неотъемлемыми естественными и общественными свойствами»⁷⁷, из чего должен следовать вывод о том, что субъектами не могут быть такие сущности, у которых отсутствует собственная естественная воля.

Д.О. Османова делает важную оговорку о том, что для признания правосубъектности необходимо или наличие собственной воли у сущности, или наличие «возможности отождествления такой воли с теми, кто выражает ее вовне»⁷⁸. Именно эта оговорка, на наш взгляд, должна приводить к выводу о том, что наличие самостоятельной воли не является необходимой доюридической предпосылкой правосубъектности, так как она может быть заменена правовой нормой, устанавливающей суррогат такой воли. Поэтому, например, вывод

⁷⁴ Суханов Е.А. Комментарий к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ // Вестник гражданского права. 2022. № 1. С. 138.

⁷⁵ Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 94-109.; Уздимаева Н.И., Козуров А.С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С. 138.

⁷⁶ Османова Д.О. Правосубъектность отдельных правовых образований // Хозяйство и право. 2022. № 12. С. 3-26. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант Плюс»

⁷⁷ Груздев В.В. О сущности гражданской правосубъектности // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 2. С. 116.

⁷⁸ Османова Д.О. Указ. соч.

автора о том, что правосубъектность наследственного имущества является частичной⁷⁹ и может быть признана только в рамках процедуры банкротства, нужно понимать не как невозможность признания наследственной массы субъектом в целом, а лишь как непризнание её таковым позитивным правом в настоящий момент.

Наличие собственной воли не является необходимым доюридическим условием для признания правосубъектности, оно лишь определяет набор необходимых законодательных решений для наделения кого-то правосубъектностью. В этом заключается принципиальное различие между признанием, например, правосубъектности за рабом или за какой-либо неодушевленной сущностью, которая не является человеком. Н.Н. Алексеев указывает, что отмена законодательного ограничения правоспособности рабов, в полной мере восстанавливает значение всех его врожденных волевых свойств, а отмена же решения о неправосубъектности лежачего наследства сама по себе не придает волевых свойств последнему⁸⁰. Вместе с тем по решению законодателя такой недостаток волевых свойств может быть устранен опять же решением законодателя. Как справедливо отмечает Г.Ф. Шершеневич: «животное не может быть субъектом права, потому что оно неспособно само обращаться за защитой против нарушения его интересов. Если бы, однако, государство организовало опеку над животным, то ничего нельзя было бы возразить против признания его субъектом права»⁸¹. Поэтому достаточно распространенная позиция, согласно которой способность сущности вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю представляет собой необходимое условие правосубъектности⁸², является не вполне корректной, так как применительно к малолетним детям и юридическим лицам такую возможность создает именно правопорядок. Более корректно, на наш взгляд, говорить о том, что такая доюридическая сущность для придания ей правосубъектности должна лишь обладать такими свойствами, которые позволяют правопорядку найти определенный способ формирования и выражения воли, который будет адекватен тому интересу, который законодатель признает и стремится защитить. Именно на наличие интереса, а не воли как основной характеристики субъекта права указывает также П. Леполь⁸³.

2.4. Ограниченная пригодность теорий юридического лица

Может также показаться, что решение вопроса о возможности признания того или иного правового образования субъектом права может быть найдено в теориях юридического лица,

⁷⁹ Османова Д.О. Указ. соч.

⁸⁰ Алексеев Н. Н. Основы философии права: Классики истории и философии права. СПб.: С.-Петербург. ун-т. 1999. С. 79.

⁸¹ Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Выпуск 1. – Изд. Бр. Башмаковых, 1910. С. 579.

⁸² Долинская В.В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. С. 77.

⁸³ Lepaulle P. Op. cit.

однако это не совсем так. Если понимать под теориями юридического лица, как это обычно принято, совокупность доктринальных положений о том, что представляет субстрат юридического лица, особенно в контексте дискуссии о реальном и фиктивном характере, то такие наработки сами по себе не позволяют дать ответа на поставленный вопрос.

В данном аспекте мы склонны поддержать позицию О.С. Иоффе о том, что такие дискуссии не имеют смысла: «Всякого рода попытки углубления содержания юридического лица, обнаружения его скрытой сущности лишены научного смысла, ибо это явление не имеет никакой другой сущности, кроме очевидной до осязаемости: юридическое лицо - всего лишь центр приращения (приурочения) прав, технический прием их объективной по месту и времени распознаваемости. Сказать что-либо большее юриспруденция и не должна и не может»⁸⁴. Современные авторы также высказываются критически по вопросу о практической и теоретической ценности использования теорий юридического лица при принятии законодательных решений и их теоретическом обосновании. Достаточно убедительную аргументацию этому приводит В.З. Мамагеишвили, указывая среди прочего не то, что зачастую апелляции к теориям юридического лица в современных условиях носят спекулятивный характер⁸⁵.

Вместе с тем это не означает, что все исследования, посвященные правовой природе юридических лиц, не имеют никакого практического и теоретического значения для разрешения актуальных вопросов современного права, наоборот, представляется, что это очень ценный материал для исследования, если к нему правильно подойти. На наш взгляд, правильным является подход, который направлен на выявление общего в теориях юридического лица, так как именно при таком подходе могут быть обнаружены те свойства и характеристики юридического лица, которые объективно существуют в праве и признаются исследователями вне зависимости от того, какого подхода в оценке доюридической сущности юридического лица придерживается исследователь.

Представляется, что двумя такими положениями, которые разделяются подавляющим большинством исследователей, являются: (1) имущественная обособленность как признак юридического лица, или, как более точно выразились О.С. Иоффе и В.Б. Ельяшевич, «обособленная сфера правоотношений»⁸⁶; (2) восприятие юридического лица как приема

⁸⁴ Иоффе, О. С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». М. Статут. 2020. С. 95

⁸⁵ Мамагеишвили В. З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 3. С. 36-73.

⁸⁶ Иоффе О. С. Указ. соч. С. 94; Ельяшевич В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. Санкт-Петербург: типо-лит. Шредера, 1910. С. 17.

юридической техники, который служит систематизации отношений и удобству описания права⁸⁷. Проведя подробное исследование теорий юридического лица, Н.В. Козлова также подчеркивает, что имущественная обособленность является ключевым признаком юридического лица⁸⁸.

2.5. Дуализм правосубъектности

Как было описано выше, в доктрине при анализе признаков субъекта права происходит смешение признаков социальных (доюридических) и непосредственно юридических, возникающих в силу решений правопорядка. На наш взгляд, подходы к правосубъектности и их критерии могут быть систематизированы, если анализировать предпосылки для гражданско-правовой правосубъектности отдельно в нескольких плоскостях.

Очевидно, что определения субъекта права, которые предлагают, например, Г.Ф. Шершеневич: «субъекты права — это те центры, юридические точки, к которым нормами объективного права прикрепляются субъективные права»⁸⁹ и Н.Н. Алексеев: «Быть субъектом - значит быть признанной правом самоцелью»⁹⁰ являются верными, хотя и определяют данное понятие совершенно разными способами, приводящими к тому, что данные множества субъектов права могут не совпадать.

Плоскость, в рамках которой анализируются доюридические предпосылки, предопределяющие возможность или даже необходимость признания чего-то субъектом права, можно считать широким или философским подходом к правосубъектности. Плоскость, в которой анализируются конкретные гражданско-правовые свойства, которыми обладает то или иное явление в правовой сфере, можно считать узким или утилитарным подходом к правосубъектности.

Основания для выделения двух подходов можно усмотреть в работах Г. Кельзена и Г. Радбруха, хотя сами авторы прямо так их не выделяли. Оба автора согласны с тем, что категория субъекта права является чисто юридической и поэтому правосубъектность физических и юридических лиц не имеет принципиальных различий: «Все лица, как физические, так и юридические, - создание правопорядка. Даже физические лица в строгом смысле являются «юридическими лицами»⁹¹; «Это не природная реальность, но реальность юридическая, т.е. создаваемая правоведением конструкция, вспомогательное понятие для описания юридически

⁸⁷ Ельяшевич В.Б. Указ. соч. С. 17-19; Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. М.: РОССПЭН, 2010. С. 210; Иоффе О. С. Указ. соч. С. 95.

⁸⁸ Козлова Н.В. Понятие и сущность юридического лица. М.: Статут, 2003. 318 с.

⁸⁹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 586-587.

⁹⁰ Алексеев Н.Н. Указ. соч. С. 84 - 102.

⁹¹ Радбрух Г. Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 147.

значимых фактических составов. В этом смысле т.н. физическое лицо — это юридическое лицо»⁹².

2.5.1. Правосубъектность в широком смысле

Г. Кельзен, рассматривая правосубъектность в основном в узком смысле, отмечает, что она может рассматриваться и в другом аспекте, связанном с представлением «о независимом в своем бытии от объективного права субъекте права как носителе субъективного права»⁹³. Такой широкий подход связан с формированием представления о некоторой доюридической сущности, которую позитивное право должно признавать и защищать, чтобы не утратить свой правовой характер. Именно в рамках такого подхода к правосубъектности строятся все исследования естественно-правового характера, когда адепты этого направления пытаются проанализировать наличие доюридической сущности.

Единственным критерием для признания чего-либо субъектом права, на наш взгляд, является признак, фактически выделяемый Г. Радбрухом, – наличие у какой-то сущности таких социальных признаков, которые позволяют правопорядку видеть в некой сущности цель, а не средство⁹⁴. В качестве такого социального признака многие авторы выделяют наличие воли – он используется в исследованиях, посвященных правосубъектности искусственного интеллекта⁹⁵, групп компаний, наследственного и семейного имущества⁹⁶. Некоторые прямо указывают, что способность сущности вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю представляет собой необходимое условие правосубъектности⁹⁷. Как было обосновано выше, нам такой подход представляется ошибочным.

Поэтому более корректно, на наш взгляд, говорить о том, что такая доюридическая сущность для придания ей правосубъектности должна лишь обладать такими свойствами, которые позволяют правопорядку обнаружить интерес, подлежащий защите путем использования конструкции субъекта, и найти такой способ формирования и выражения воли, который будет адекватен тому интересу, который законодатель признает и стремится защитить.

Возможность усмотреть упомянутый интерес во многом зависит от экономического базиса и социально-философских воззрений, которые характерны правопорядку. В настоящий момент подавляющее большинство правопорядков исходят из самоценности каждого человека

⁹² Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. С. 219.

⁹³ Кельзен Г. Указ. соч. С. 215.

⁹⁴ Радбрух Г. Указ. соч. С. 146–150.

⁹⁵ См., например, Чаннов С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 94 - 109.; Уздимаева Н.И., Козуров А.С. Субъект права: основные подходы к пониманию // Контентус. 2020. № 4. С. 138.

⁹⁶ Османова Д.О. Правосубъектность отдельных правовых образований // Хозяйство и право. 2022. № 12. С. 3-26.

⁹⁷ Долинская В.В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. С. 77.

вне зависимости от полноты его дееспособности и фактической имущественной самостоятельности, поэтому признание правосубъектности любого человека представляется необходимым. Естественной также представляется самостоятельная правосубъектность объединений лиц.

Вместе с тем в исторической перспективе можно обнаружить примеры влияния социально-культурных факторов на решение вопроса о правосубъектности в широком смысле. Так, в праве Древнего Рима наличие самостоятельного интереса, подлежащего защите, обнаруживалось не на уровне отдельного индивида, а на уровне семьи или даже рода в целом, а отец семейства выступал в качестве лица, действующего в интересах семьи (хотя по мере развития правопорядок начинал постепенно признавать элементы правосубъектности отдельных членов семьи)⁹⁸. Некоторые исследователи в подтверждение идеи о том, что отец семейства был носителем не своего собственного индивидуалистического интереса, а интереса семьи как коллектива, представляющего ценность для правопорядка, указывают на возможность установления управления над имуществом лиц, расточающих семейные ценности⁹⁹.

Важно отметить, что обнаруживаемый интерес не всегда обязывает правопорядок к признанию правосубъектности за его носителем. Требования естественного права распространяются только на физических лиц, поэтому в остальных случаях законодатель обладает достаточной широтой усмотрения. Таким образом, обнаружение правопорядком самостоятельного интереса может или обязывать правопорядок к защите такого интереса путем использования конструкции правосубъектности, или просто создавать потенциальную возможность её использования.

Как справедливо отмечает Г. Радбрух: «чтобы стать лицом, необходим индивидуализирующий акт правопорядка»¹⁰⁰. Однако если говорить о правосубъектности в широком смысле, это, на наш взгляд, не обязательно должно означать нормативное закрепление того, что то или иное образование является субъектом – достаточно лишь, чтобы возникало единство комплекса прав и обязанностей. Как справедливо указывает в этой связи Г. Кельзен: «Физическое или юридическое лицо, которое «имеет» юридические обязанности и субъективные права (как их носитель), является этими юридическими обязанностями и субъективными правами, т.е. является комплексом обязанностей и прав, единство которых образно выражается в понятии лица. Лицо является лишь персонификацией этого единства»¹⁰¹. Иными словами, правосубъектность может быть признана двумя способами: (1) формально, когда правопорядок

⁹⁸ Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве. С. 77-78.

⁹⁹ Пестов М. М. Предпосылки появления и значение понятия лица в римской юриспруденции классического периода // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23, № 3. С. 265-266.

¹⁰⁰ Радбрух Г. Указ. соч. С. 147.

¹⁰¹ Кельзен Г. Указ. соч. С. 218.

прямо закрепляет правосубъектность какого-либо образования; (2) фактически, когда правопорядок создает единство комплекса прав и обязанностей. Именно в таком ключе может быть правильно воспринято утверждение В.А. Белова и К.А. Блинковского: «субъектом является не тот, кто таковым прямо назван в законе, а тот, кто обладает чертами субъекта»¹⁰². Представляется, что выделение двух вариантов признания правосубъектности в широком смысле находит подтверждение и уточняет идею, высказанную Д.И. Мейером применительно к юридическим лицам: «Само признание происходит двояким образом: или какому-либо учреждению предоставляют права, и отсюда уже вытекает, что оно признается юридическим лицом, хотя бы в акте признания и не было об этом упомянуто, или учреждение объявляется юридическим лицом, причем или определяются права его, или нет»¹⁰³. Наше принципиальное уточнение заключается здесь в том, что не всякое «предоставление» или приписывание прав какому-либо образованию на уровне позитивного права означает признание правосубъектности, так как простое признание прав за простым товариществом в рамках действующего законодательства не придаст ему признаков субъекта, так как имущество простого товарищества в действительности не обособлено¹⁰⁴.

Здесь также необходимо отметить, что утверждение Н.В. Козловой о том, что имущественная обособленность «есть следствие гражданской правосубъектности, но никак не наоборот» и «само по себе обладание обособленным имуществом, т.е. наличие его на балансе некоего предприятия (организации), еще не означает, что данное предприятие (организация) является юридическим лицом»¹⁰⁵, никак не опровергает сделанные выводы, так как Н.В. Козлова исходит из другого понимания имущественной обособленности и понимает её исключительно как техническую обособленность, о чем свидетельствуют ссылки на обособленное имущество филиалов юридического лица¹⁰⁶.

На наш взгляд, большинство случаев юридического обособления имущества связаны именно с возникновением таких черт субъекта непосредственно на уровне позитивного права, что означает признание правопорядком таких сущностей в качестве субъектов в широком смысле, но не в узком. Данное обстоятельство предопределяет парадоксальное правовое положение этих образований *de lege lata*.

¹⁰² Белов В.А., Блинковский К.А. Гражданско-правовое регулирование корпоративных отношений с участием гражданско-неправоспособных (не обладающих юридической личностью) организаций // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт, 2024. С. 219.

¹⁰³ Мейер Д. И. Русское гражданское право : курс лекций / Д. И. Мейер. - 4-е изд., испр. и доп. - Москва : Статут, 2021. - С. 143.

¹⁰⁴ Подробней см. раздел 2.2 главы 2 настоящей работы.

¹⁰⁵ Козлова Н.В. Указ. соч. С. 187-188.

¹⁰⁶ Там же.

В некоторых случаях такое положение может быть связано с идеологическими и культурными особенностями рассматриваемого правопорядка. Иллюстрацией этому утверждению может служить правовое положение государственных предприятий в СССР в период с 30-х по середину 60-х годов XX в., когда они фактически участвовали в гражданском обороте в качестве субъектов, но формально таковыми не признавались¹⁰⁷. Однако представляется, что в рамках существующего российского правопорядка таких ограничений нет.

2.5.2. Правосубъектность в узком смысле

Поскольку почти все рассматриваемые нами в рамках исследования случаи обособленного имущества помимо имущественной обособленности также имеют установленный законом порядок выступления вовне (имущество, находящееся в доверительном управлении, выступает в обороте через управляющего; неправосубъектные имущественные массы в банкротстве, действуют через арбитражного управляющего, т.е. все они действуют в порядке не менее упорядоченном, чем действуют юридические лица), мы склонны признать, что правопорядок признает их самостоятельные цели и интересы и тем самым фактически признает гражданскую правосубъектность.

Повторим, что согласно теории, Г. Кельзена юридический конструкт субъекта права в узком смысле не является обязательным, а служит лишь целям удобства описания права. Такой подход перекликается с позицией Б. Виндшейда, который допускал существование бессубъектных прав и обязанностей, которые возникают в тех ситуациях, когда не создается искусственного субъекта, путем олицетворения¹⁰⁸.

Вместе с тем, несмотря на свою необязательность, такой конструкт представляется крайне желательным для удобства работы с юридическим материалом. Б. Виндшейд, среди прочего, указывает, что бессубъектным правам «противится естественное чувство, коренящееся в глубоком влечении к личности, каким проникнута вся человеческая природа. Это чувство и в этом случае ищет для прав и обязанностей субъекта-носителя их и находит его... в искусственном, создаваемом мыслительным процессом воображаемом лице»¹⁰⁹.

В том же ключе высказывался Л. Эннекцерус: «Соблюдение упомянутых общих интересов требует, чтобы имущество было в течение длительного срока к их услугам. Однако без существенного преобразования нашего частного права это может произойти не иначе, как путем признания прав на это имущество..., следовательно, если хотят привести в соответствие

¹⁰⁷ Болдырев В.А. Юридические лица - несобственники в системе субъектов гражданского права: монография / под ред. В.А. Сысоева. Омск: Омская академия МВД России, 2010. С. 23.

¹⁰⁸ Виндшейд Б. Учебник пандектного права. СПб., 1874. Т. I. С. 112.

¹⁰⁹ Виндшейд Б. Указ. соч. С. 110-112.

предназначение имущества для целей названных организаций с остальным частным правом, то этого можно достигнуть, только признав эти организации субъектами права»¹¹⁰.

Вместе с тем категория бессубъектных прав не является исключительно мысленным экспериментом цивилистов XIX века, так как она, например, фактически прямо закреплена в Гражданском Кодексе Квебека (далее – «ГКК»): «собственность принадлежит лицам, государству или, в некоторых случаях, принадлежит какой-то цели»¹¹¹.

О вспомогательном характере категории правосубъектность свидетельствует ранний этап развития юридических лиц, а точнее, их прообразов в римском праве. Так, например, римское право знало большое количество ситуаций, в которых для достижения различных целей устанавливался режим обособленного имущества, который в той или иной степени позволял достичь тех же целей, для которых в современном праве используется конструкция юридического лица.

Из проведенного исследования¹¹² мы можем сделать вывод, что персонификация и имущественная обособленность представляют собой два самостоятельных приема юридической техники: имущественное обособление и олицетворение имущества. Олицетворение имущества, в свою очередь, и дает возможность юридическому лицу быть лицом, выступать в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени, быть точкой прикрепления субъективных прав и обязанностей подобно лицам физическим.

Конструкция фиктивной личности позволяет использовать все её преимущества только тогда, когда она признана правом позитивным. Только в таком виде она позволяет упорядочить внутренние отношения участников общности с третьими лицами, для которых они становятся единым центром прикрепления прав и обязанностей. Она снимает теоретические проблемы, связанные с определением принадлежности прав и обязанностей обособленного имущества, ответственности по обязательствам и управления имуществом и последствий изменения состава участников таких отношений.

Таким образом, на наш взгляд, отсутствуют теоретические препятствия для того, чтобы правопорядок признал правосубъектность за отдельными формами обособленного имущества, которые в настоящий момент в качестве субъектов права не признаны. При этом чем более активную роль обособленное имущество играет в обороте или чем более специфичным является его режим, тем такая потребность выше. Например, режим заложенного имущества не сильно

¹¹⁰ Эннекцерус Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф; перевод с 13-го немецкого издания профессора К.А. Граве [и др.]; Т. 1. Полутом 1. Введение и общая часть. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1949. С. 353.

¹¹¹ Article 915 Civil Code of Québec. Здесь и далее ссылки на Гражданский Кодекс Квебека (ГКК) приводятся в соответствии с информацией, размещенной на официальном правовом портале Квебека – [Электронный ресурс]. Доступ: <https://www.legisquebec.gouv.qc.ca/en/document/cs/ccq-1991>

¹¹² Подробней см. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве.

отличается от иного имущества: оно обладает только слабой формой подтверждающего обособления, не имеет защитного обособления, управляется, как правило, тем же лицом и в том же порядке, что и иное имущество. С другой стороны, режим имущества паевого инвестиционного фонда столь специфичен, что все его особенности требуют признания его субъектом права.

Само олицетворение имущества, т.е. придание ему свойств субъекта права: возможности иметь свои права и обязанности, нести ответственность своим имуществом, или, говоря иначе, возможность являться мысленной точкой прикрепления субъективных прав и обязанностей, хотя и чисто теоретически возможно¹¹³, но в большинстве случаев не имеет никакого смысла без юридического обособления имущества, в то время как примеров юридического обособления без его олицетворения достаточно много.

Вместе с тем связка из этих двух приемов, которая и образует конструкцию юридического лица, показала свою перспективность и полезность и стала общераспространенной во всех значимых правовых порядках.

2.6. Квасисубъекты и частичная правоспособность

Также необходимо осветить поднимаемую в науке проблему соотношения субъектов и квазисубъектов. Понятие квазисубъекта по-разному понимается в доктрине. Для начала обсуждения этой темы приведем понятие предложенное Е.В. Пономаревой, а также авторами, разделяющими её точку зрения: «квасисубъект – это определенное правовое явление, за которым на официальном либо доктринальном уровне считается обоснованным признавать отдельные элементы правосубъектности при невозможности придания ему статуса полноценного субъекта права»¹¹⁴. Данное понятие в отрыве от контекста работы данного автора может быть воспринято как связанное исключительно с проведением разграничения на уровне широкого понимания правосубъектности – наличия/отсутствия доюридических признаков, свойственных социальному явлению, которые определяют необходимость признания последнего в качестве субъекта права, так как в самом определении идет явное противопоставление между сферами должного и действительного.

Вместе с тем в действительности автор данной работы смешивает доюридические признаки в виде наличия самостоятельного интереса, который требуется для признания сущности субъектом права в широком смысле, и признаки юридические, то есть те, которые

¹¹³ В целом мы можем себе представить конструкцию такого рода, когда несколько лиц объединяются для достижения общей цели, действуют для третьих лиц внешне как единый субъект, имея организационную структуру и специфический порядок выступления во внешние отношения, однако не обладают никакой имущественной обособленностью. Олицетворение будет приемом, создающим удобство исключительно для целей обозначения некоего коллектива под одним именем.

¹¹⁴ Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10-11.

придает уже сам правопорядок (например, возможность самостоятельно осуществлять субъективные права и юридические обязанности; возможность нести юридическую ответственность; обособленность (имущественная и организационная)¹¹⁵. Также недостатком данной концепции является то, что хотя автор сначала делает оговорку о том, что анализировать проблему субъекта необходимо в рамках общей теории, так как данные положения могут быть неприменимы для отраслевой правосубъектности¹¹⁶, тем не менее далее он применяет выработанные им критерии именно к отраслевой правосубъектности¹¹⁷.

Иное понимание термина «квазисубъект» предлагает А.А. Головина: «объекты права, наделенные отдельными чертами субъекта права, а именно автономией воли и способностью принимать самостоятельные решения, не охватываемые волей их владельца, влекущие в том числе правовые последствия»¹¹⁸. Такой подход, в контексте рассматриваемой автором проблемы правосубъектности роботов не обладает внутренней противоречивостью, однако автор не рассматривает проблему имущественной обособленности и, как следствие, остается непонятным, становится ли «квазисубъект» точкой прикрепления прав и обязанностей или такой термин используется лишь для того, чтобы обосновать специфический характер ответственности собственника такого объекта.

Примерно таким же образом квазисубъекты понимает А.В. Мыскин, а именно – как наличие отдельных свойств субъекта у сущности, которая таковым не является (автор рассматривает данный феномен применительно к филиалам юридического лица)¹¹⁹. Несмотря на несогласие с наличием каких-либо предпосылок для правосубъектности, или даже квазиправосубъектности, филиалов юридических лиц, такой предельно простой и понятный подход к квазиправосубъектности имеет право на существование.

В этом смысле представляется более обоснованным использовать понятие квазисубъекта для ситуаций, когда правопорядок уже создал такое регулирование, которое приводит к появлению у какой-то сущности (обособленного имущества) всех значимых признаков характерных для субъекта (единства комплекса прав и обязанностей), т.е. правопорядок признал за какой-то сущностью наличие самостоятельной ценности и интереса, осуществил имущественное обособление и зафиксировал механизм образования и выражения воли вовне, но формально не признает за такой сущностью статуса субъекта, т.е. законодатель не применил

¹¹⁵ Пономарева Е.В. Указ. соч. С. 10-11.

¹¹⁶ Пономарева Е.В. Указ. соч. С. 61.

¹¹⁷ Пономарева Е.В. Указ. соч. С. 84.

¹¹⁸ Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 4. С. 156.

¹¹⁹ Мыскин А.В. Филиал юридического лица как квазисубъект гражданского права // Гражданское право. 2014. № 1. С. 6-9.

последний необходимый прием в виде олицетворения. Представляется, что именно в таком значении данный термин используют некоторые авторы¹²⁰.

Также в литературе существует термин «частичная правосубъектность», который, как представляется, в некоторых случаях фактически тождественен термину «специальная правоспособность»¹²¹, или же используется как конструкция синонимичная «квазиправосубъектности»¹²², но иногда все же имеет самостоятельное значение. Феномен относительной правоспособности (*Relativität der Rechtsfähigkeit*), разработан в той немецкой доктрине, с помощью которой обосновывается участие неправосубъектных образований в качестве субъектов в обороте¹²³. Относительная правоспособность связана, по-видимому, со старой проблемой немецкого права, а именно с проблемой обособленности совместного имущества, а также правоспособности товариществ, не являющихся юридическими лицами. Имущество таких товариществ находится в совместной собственности товарищей, и они им отвечают по долгам, но вступает в отношения такое товарищество от своего имени, и над имуществом товарищества осуществляется собственное конкурсное производство¹²⁴.

Подробнее данная проблема будет рассмотрена далее, здесь мы лишь констатируем, что такое положение сущности отличается от ситуации, которую мы описали через понятие «квазисубъекта», так как там правовой режим сущности не меняется в зависимости от ситуации. Нечто похожее на относительную правоспособность в рамках текущего российского регулирования можно усмотреть применительно к наследственному имуществу, так как последнее получает режим имущественной обособленности только в ситуации банкротства наследственной массы¹²⁵.

При этом следует отметить, что такая частичная правоспособность, разработанная в контексте немецкого права, не имеет ничего общего с частичной правоспособностью в рамках общего права, для которого деление на отрасли права не сформировано так, как это сделано в рамках континентальной системы права и, как следствие, правосубъектность в целом не рассматривается с отраслевой точки зрения. Это, на наш взгляд, видно, например, когда в рамках общего права рассматривается проблема разделения на правосубъектные и неправосубъектные

¹²⁰ Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут, 2020. // СПС «КонсультантПлюс»

¹²¹ Кузнецова Н.В. Искусственный интеллект в предпринимательской деятельности: проблемы правового регулирования // LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / Р.Н. Адельшин, Е.И. Андреева, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова, О.В. Сушкова. Москва: Проспект, 2023. 200 с.; См.: Лаптев В.В. Субъекты предпринимательского права: Учеб. пособие. М.: Юристъ, 2003. С. 161.

¹²² Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. 280 с.

¹²³ Шишмарева Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2015. С 69-74.

¹²⁴ Эннекцерус Л. Указ. соч. С. 355-356.

¹²⁵ Подробней см. § 5 главы 2 настоящей работы.

образования: «в более общем плане, нет четкой границы между "полноправными" юридическими лицами и не-лицами; юридическая сущность может быть юридическим лицом для одних целей, но не для других. Например, указание на то, что зародыши являются юридическими лицами в контексте закона об убийствах, не обязательно должно подразумевать, что зародыши также могут владеть собственностью»¹²⁶.

В рамках системы общего права была разработана концепция «фактического юридического лица» (*corporation de facto*), под которой понимается организация, не выполнившая какого-либо требования для того, чтобы быть признанной в качестве юридического лица, но к которой при наличии определенных обстоятельств принимаются правила об ограничении ответственности¹²⁷. Такое положение организации отличается от рассматриваемых нами случаев, так как здесь обособление является способом защиты интересов объединения, а не изначально установленным на уровне закона режимом имущества.

Таким образом, частичная правосубъектность в контексте общего права, т.е. правосубъектность для целей отдельных отраслей (в их понимании континентальным правом), отличается от немецкого понимания, где частичная правосубъектность определяется в зависимости от той или иной ситуации в рамках одной отрасли.

2.7. Юридическое лицо и иные формы правосубъектности

С признанием правосубъектности возникает и другой вопрос, который носит не только теоретический, но и практический характер: правосубъектность может быть признана или путем наделения статусом юридического лица, или признания в качестве особого субъекта права, отличного от физических и юридических лиц.

Необходимо сделать оговорку, что юридическое лицо может восприниматься в широком смысле. Такое понимание мы можем обнаружить у Г.Ф. Шершеневича: «юридическое лицо – это субъект права, не соответствующий отдельному человеку¹²⁸», и в этом смысле признание правосубъектности за любой обособленной имущественной массой будет означать признание такого имущества юридическим лицом. В то же время юридическое лицо может восприниматься и в узком смысле, в строго нормативном, т.е. как институт, установленный гражданским правом с соответствующим строгим нормативным регулированием. Поэтому поставленный вопрос о возможности признания обособленного имущества иным субъектом права, отличным от юридического лица, относится именно к узкому нормативному пониманию юридического лица.

Поскольку юридическое лицо на нормативном уровне является категорией, в первую очередь, гражданского права, именно в нем конструируется понятие, его основные признаки,

¹²⁶ Kurki V. AJ. Op. cit. P. 6.

¹²⁷ Козлова Н.В. Указ. соч. С. 39-40.

¹²⁸ Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 579.

порядок создания и осуществления деятельности. Несмотря на то, что основа его правосубъектности связана с гражданским правом, оно объективно стало общеправовой категорией, поэтому наделение обособленных имущественных масс статусом юридического лица может повлечь за собой необходимость пересмотра уже сложившихся подходов к их месту в соответствующих отраслях права.

В правовой системе России, больше, чем во многих других правовых системах, крепка взаимосвязь гражданской правосубъектности и правосубъектности налоговой, коль скоро налоговый режим лица определяется его организационно-правовой формой или статусом индивидуального предпринимателя. Например, некоторые образования в США и Германии вне зависимости от своей гражданской правосубъектности могут выбирать режим налогообложения как характерный самостоятельному субъекту налогового правоотношения (налоги уплачивает само образование), так и нехарактерный таковому (налоги уплачивают непосредственно участники сущности).

По этой причине представляется не вполне корректной позиция, согласно которой в рамках российского правового порядка категория юридического лица является не межотраслевой, а исключительно гражданско-правовой категорией. Так, например, Е.А. Суханов указывает, что использование категории юридического лица в налоговом праве является вторичным по отношению к определению субъектов гражданского оборота¹²⁹. На наш взгляд, это не совсем так, поскольку, например, филиалы и представительства иностранных компаний являются субъектами налогового права России, в то время как они не являются субъектами гражданского права.

Также, вероятно, нет необходимости распространять большое количество норм, посвященных юридическим лицам, на квазисубъектные образования, так как многие из действующих форм имущественного обособления или отличаются более простым устройством и не требуют применения большого количества норм о юридических лицах, или сами по себе в достаточной степени урегулированы, и применение к ним норм о юридических лицах может привести к возникновению противоречий в регулировании.

В то же время отнесение имущественных масс к иным субъектам, не относящимся к юридическим лицам, помимо своей основной цели – придания правосубъектности для удобства работы с данными конструкциями имеет и другие преимущества.

Правоспособность таких субъектов будет определяться не общими правилами, а специальными правилами, касающимися соответствующих институтов гражданского права,

¹²⁹ Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 12.

которым свойственно имущественное обособление и ровно в том объеме, который является достаточным и необходимым для достижения соответствующих целей.

Правосубъектность в форме отличной от юридического лица, которое в силу самого используемого для его обозначения слова «лицо» крайне персонифицировано, может помочь устранить ошибочное представление о степени самостоятельности такого субъекта.

Для развития гражданского права представляется важным переход к более высокому уровню допустимой абстракции при формировании представления о правосубъектности, нежели существующий сейчас.

Российское нормативно-правовое регулирование содержит указание на «организации, не являющиеся юридическими лицами», и как правило, указание на такие организации делается в контексте международного частного права. Ст. 1203 ГК РФ говорит о личном законе иностранной организации, не являющейся юридическим лицом. Таким образом, первое значение, в котором употребляется конструкция организации, не являющейся юридическим лицом, появляется в значении правосубъектного образования по иностранному праву¹³⁰. О том, что такие организации являются субъектами права, говорит само применение к ним конструкции личного закона.

Однако такой же термин используется и в ином значении: «к организациям, не являющимся юридическими лицами, но имеющим право осуществлять свою деятельность без образования юридического лица, относятся представительства, филиалы и иные обособленные подразделения юридических лиц, паевые инвестиционные фонды, простые товарищества, а также районные, городские, межрайонные суды (районные суды)»¹³¹, т.е. образования не имеющие статуса субъекта права. Аналогичное употребление данного термина встречается и в учебной литературе применительно к филиалам и представительствам¹³². В этом значении организации без статуса юридического лица не представляют большого интереса для нашего исследования, просто отметим, что на нормативном уровне происходит использование одной и той же конструкции в отношении принципиально разных явлений.

В российском праве, а также в праве многих других государств, юридическое лицо является единственной формой существования организаций, которые существуют наравне с физическими лицами и публично-правовыми образованиями. Однако, такой подход не является единственным возможным. Так, например, правосубъектные организации без статуса юридического лица существуют в праве КНР: «В статье 102 ГК КНР приводится перечень

¹³⁰ В таком же значении используется в Постановлении Правительства РФ от 01.12.2018 № 1456

¹³¹ ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм (утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст.

¹³² Герасимова Л.П. Коммерческое право : учебное пособие / Герасимова Л.П., Суняев Ю.В. Саратов : Корпорация «Диполь». Ай Пи Эр Медиа. 2013. С. 43.

организаций без образования юридического лица. Он включает в себя индивидуальные частные предприятия (аналог индивидуальных предпринимателей), товарищества, поставщиков профессиональных услуг (аналог саморегулируемых организаций) и др. Ключевое отличие данных субъектов от юридических лиц заключается в том, что они не имеют структуры органов управления, а от своего имени могут только заключать сделки»¹³³.

Вместе с тем отмечается, что в законодательстве КНР такие субъекты хоть и оказались зафиксированы в ГК под наименованием «некорпоративные организации», не являющиеся юридическим лицам, однако в других нормативных актах также встречается термин «иные организации», из-за чего существует проблема установления верного соотношения данных понятий между собой. Исследователи также отмечают, что решение законодателя упорядочить отношения таких образований, которые признаются субъектами, но не являются юридическим лицами, в рамках отдельной категории субъекта, а не разновидности юридического лица является верным, однако указывают, что цель не была достигнута из-за терминологической непоследовательности в законодательстве в целом. Ими предлагается для обозначения статуса таких субъектов использовать термин «субъекты гражданского права третьей категории»¹³⁴.

С недавнего времени на нормативном уровне выделение особого субъекта права, отличного от юридического лица, произошло в немецком праве. Примечательно, что такое изменение произошло в связи с попытками решить проблему частичной правосубъектности некоторых видов товариществ, которую мы обозначали выше, поскольку: «существенное различие между юридическим лицом и правоспособным товариществом кроется не в наличии правоспособности, а в степени правовой независимости товарищества от входящих в него товарищей»¹³⁵. При этом, как мы понимаем, степень правовой независимости связана не с наличием или отсутствием каких-либо доюридических свойств такого объединения, а именно с теми юридическими свойствами, которыми правопрядок, исходя из политико-правовых соображений, был готов наделить такие объединения: «Так, в отличие от юридического лица товарищество не может приобретать собственные доли (§ 711 (1) ГГУ). Кроме того, товарищество прекращается без ликвидации при выходе последнего товарища, а общее имущество товарищества переходит к такому последнему товарищу в порядке универсального правопреемства (§ 712а ГГУ)¹³⁶».

¹³³ Алексеенко А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 12. С. 204. См. также Ван Хайцзюнь. Закон «Общая часть гражданского права КНР» и развитие гражданского права Китая // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. № 3. С. 413-421.

¹³⁴ Ха Шуцзюй, Нью Даньтун. О нормативном содержании термина «субъект гражданского права третьей категории» в Китае // Закон. 2022. № 9. С. 74-85.

¹³⁵ Горева А.А., Жестовская Д.А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. №. 6. С. 123-127.

¹³⁶ Горева А.А., Жестовская Д.А. Указ. соч. С. 129.

Так как на уровне позитивного российского права наблюдается имущественное обособление без наделения имущества статусом субъекта, фактически признаны основные свойства, которые являются необходимым и достаточным содержанием для субъекта права – происходит стечение прав и обязанностей именно в отношении этого обособленного имущества. Иными словами, от полноценной правосубъектности данное имущество отделяет последний, в большей степени не существенный, а скорее чисто формальный признак – отсутствие прямого закрепления правосубъектности. Несмотря на формальный характер такого элемента, его отсутствие создает большое количество как теоретических, так и практических проблем, которые будут рассмотрены далее в работе, а правосубъектность позволяет в большей степени служить целям права тогда, когда она полностью признана позитивным правом.

Таким образом, некоторые обособленные имущественные массы, обладающие значительными формами защитного и подтверждающего имущественного обособления целесообразно признавать правосубъектными образованиями. Вместе с тем в некоторых случаях может быть более правильным признать их правосубъектность не путем наделения статусом юридического лица, а путем признания в качестве иного субъекта права. Такой подход имеет следующие преимущества: во-первых, он позволит учесть специфику их текущего регулирования и позволит развивать их далее по мере необходимости без кардинальных изменений; во-вторых, такое решение не приведет к необходимости пересмотра подхода к юридическому лицу в рамках иных отраслей права. Представляется также, что для такого решения нет никаких теоретических препятствий, так как с точки зрения доктрины и широкого понимания «юридического лица» такие субъекты будут юридическими лицами, но не будучи «юридическими лицами» в узком нормативном смысле.

§ 3. Имущественное обособление и вещные права¹³⁷

Помимо вышерассмотренной проблемы соотношения имущественной обособленности и правосубъектности также необходимо провести анализ соотношения имущественной обособленности и вещных прав, так как правоотношения, связанные с имущественным обособлением, имеют в том числе абсолютный характер, поскольку возникающий приоритет требований может быть противопоставлен всем третьим лицам. На это среди прочего обращали внимание О. Элдар и А. Ферштейн: «This asset partitioning role is a form of property law because it is good against the world and cannot be accomplished through bilateral contracts»¹³⁸. Правильная

¹³⁷ Данный параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества // Юридические исследования. 2024. № 7. С. 29-41.

¹³⁸ Eldar O., Verstein A. Op. cit. P. 216.

интерпретация словосочетания «property law» в данном контексте означает абсолютное право, а не вещное право или право собственности, в понимании отечественной доктрины.

Необходимо оговориться, что здесь и далее при употреблении терминов вещные права или право собственности, будут также подразумеваться права в отношении неимущественного имущества, для которых в отечественной доктрине не принято специального термина, в той части, в которой специфический правовой режим обособления распространяется и на него.

3.1. Обособление имущества посредством вещных прав

По меньшей мере некоторые случаи имущественного обособления происходят за счет возникновения ограниченных вещных прав.

Залог. Наиболее очевидным способом обособления имущества посредством ограниченного вещного права является обособление посредством залога, так как сам по себе данный инструмент прямо направлен на установление приоритетных требований в отношении определенного имущества. Залог был достаточно подробно изучен в контексте имущественной обособленности О. Элдаром, А. Ферштейном и Р. Сквайером. Основное содержание имущественного обособления заключается в том, что залоговые кредиторы получают приоритетные требования в отношении заложенного имущества перед другими кредиторами. С учетом выделения двух групп кредиторов залоговых и обычных, такое обособление может быть воспринято как слабое подтверждающее обособление. Такое обособление определяется Р. Сквайером как асимметричное, так как залог устанавливается в интересах залоговых кредиторов, но без какого-либо улучшения для интересов других кредиторов¹³⁹. Обособление могло бы стать симметричным, если бы незалоговые кредиторы получали приоритет в отношении всего незаложенного имущества перед залоговыми кредиторами¹⁴⁰.

Теоретически более важной характеристикой является фиксированный характер такого приоритета. О. Элдар и А. Ферштейн определяют такой приоритет как фиксированный, так как по общему правилу без согласия залогодержателя не могут быть установлены более приоритетные требования в отношении заложенного имущества. Именно в этом исследователи усматривают принципиальную разницу между обособлением по принципу сущности и обособлением по принципу обеспечения¹⁴¹.

Залог также может приводить к возникновению особого правового режима, который проявляется в специфическом характере распоряжения заложенным имуществом, а также в некоторых случаях приводит к разделению собственности и полномочий по управлению заложенным имуществом. Помимо общих ограничений на распоряжение и обременение

¹³⁹ Squire R. Op. cit. P. 808-809.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Eldar O., Verstein A. Op. cit. 224-232.

заложенного имущества, с установлением залога может происходить переход прав, связанных с управлением заложенным имуществом (ст. 358.17 ГК РФ), что явно свидетельствует о специфическом правовом режиме такого имущества.

Право пожизненного наследуемого владения и право постоянного пользования.

Также возможно обособление земельных участков посредством права пожизненного наследуемого владения или права постоянного пользования, но такое обособление прямо не связано с установлением каких-либо приоритетов для требований кредиторов. Несмотря на то что данные вещные права, безусловно, носят рудиментарный характер и постепенно выводятся из оборота, они, в отличие от прав оперативного управления и хозяйственного ведения, которые будут рассмотрены далее, выполняют самостоятельную функцию имущественного обособления.

Возникновение данных прав фактически переносит всю экономическую ценность земельного участка из массы собственника в массу правообладателя, что проявляется, в том числе в отношениях с кредиторами. Несмотря на то что собственность формально остается за публичным субъектом, и прямо не установлено какого-либо иммунитета в отношении таких земельных участков, они не представляют никакой ценности для кредиторов из-за наличия таких серьезных обременений, которые оставляют право собственности голым (*nudum ius*).

Использование ограниченных вещных прав для обособления имущества вместо переноса права собственности в данном случае обусловлено историческими причинами, связанными с невозможностью по идеологическим причинам использовать конструкцию частной собственности в советский период. Как отмечалось выше, любой правопорядок при выборе способа обособления имущества может руководствоваться не только экономическими потребностями и юридической рациональностью, но и существующими политическими и идеологическими установками, отдавая в некоторых случаях предпочтение последним.

Обязательственные права со свойством следования. Не вдаваясь в дискуссию о вещном и обязательственном характере аренды, но осознавая, что общераспространенной является позиция о её обязательственном характере, отметим, что очень схожий режим имущественной обособленности возникает в отношении имущества при передаче его в аренду (лизинг). Равным образом соответствующие выводы применимы и к ситуациям залога невещественного имущества, к которым чисто терминологически некорректно применять термин вещное право.

3.2. Юридические лица – несобственники

Юридические лица, которые не являются собственниками своего имущества, являются характерной чертой российского правопорядка, на примере которой может быть продемонстрирован один из вариантов возможного и, как мы далее обоснуем, нежелательного

соотношения ограниченных вещных прав и имущественной обособленности. Недавно именно в контексте таких юридических лиц была затронута тема юридического обособления имущества (asset partitioning) Е.А. Сухановым, который указал на тесную связь правосубъектности с правом собственности, проявляющуюся в том, что весь смысл конструкции юридического лица заключается в переносе собственности с учредителей на учрежденную ими сущность¹⁴². В развитие данной идеи мы обоснуем, что для таких случаев достаточно права собственности и нет потребности обособлять имущество сразу двумя способами: юридическим лицом и ограниченным вещным правом.

Общепризнанным в доктрине является утверждение о том, что формальное отсутствие правосубъектности государственных предприятий в советский период носило идеологический характер и имело целью формально закрепить государственную собственность на средства производства: «До середины 30-х годов самой популярной оставалась концепция разделенной государством (органами власти и управления) и предприятием (хозяйственным государственным органом) собственности. После принятия Конституции 1936 г. по известным причинам вольные дискуссии вокруг прав треста утихли. Плодотворные научно-практические споры вытеснил политически однолинейный лозунг "Государство — это единый и единственный собственник всего государственного имущества"»¹⁴³.

Вместе с тем, несмотря на такую однозначную политическую установку, также существовала потребность в обособлении отдельных частей государственного имущества для их относительно самостоятельного участия в обороте и эффективного управления. В период с 30-х годов до середины 60-х такая потребность удовлетворялась за счет фактической имущественной обособленности без какого-либо определенного решения на уровне позитивного права¹⁴⁴. С 1964 года юридически была закреплена конструкция оперативного управления, которая явилась плодом работ А.В. Венедиктова, написанных задолго до их воплощения на законодательном уровне. При этом, если обратиться к самой работе А.В. Венедиктова, то можно заметить, что сама эта конструкция была выведена в том числе через отрицание конструкций капиталистических стран, в которых уже фактически было решение данной проблемы через признание расщепленной собственности¹⁴⁵.

¹⁴² Суханов Е. А. Правовые формы реализации гражданской правосубъектности государства // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 1. С. 10-11.

¹⁴³ Медведев Д.А. Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия: Дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1990. С. 64-65.

¹⁴⁴ Суханов Е.А. Гражданское право России - частное право С. 258-263; Советское гражданское право: Субъекты гражданского права / Под ред. С.Н. Братусь. М.: Юрид. лит., 1984. С. 55.

¹⁴⁵ Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность: Монография. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. С. 323.

Как уже отмечалось применительно к вопросу о правосубъектности, некоторые чисто цивилистические решения, принятые на нормативном уровне, могут иметь последствия для других отраслей права. Например, В.А. Болдырев отмечает, что решение о сохранении формальной собственности за государством на имущество предприятий могло быть в том числе связано с целями уголовного права – преступления против государственной собственности являлись более тяжкими¹⁴⁶.

Нам представляется, что в этом случае юридическое обособление государственного имущества явилось просто таким средством, которое позволяло достигнуть достаточной самостоятельности предприятий таким способом, которые не противоречил идеологическим и политическим установкам. Признание юридических лиц, наделение юридических лиц правом собственности, простое обособление имущества (фактическое признание правосубъектности, без формального признания) суть различные приемы юридической техники, которые, являясь по большей части взаимозаменяемыми, могут быть выбраны в зависимости от существующих условий. В этом смысле, невозможность признать собственником отдельное юридическое лицо очень схоже с примером из римского права, в котором в силу социально-культурных установок не могла быть признана правосубъектность за рабом или подвластным сыном, несмотря на то что они фактически обладали обособленным имуществом и участвовали в обороте¹⁴⁷.

Однако остается вопрос о том, почему такое двойное имущественное обособление сохраняется в современном российском праве, несмотря на то что существующий политический режим формально не отрицает право частной собственности. В.А. Болдырев предлагает следующее обоснование: изначально в переходный от плановой к рыночной экономике период сохранение юридических лиц несобственников служило средством защиты от неконтролируемой и повсеместной приватизации, а после это было связано с тем, что в социальной сфере данные субъекты не могут быть заменены чем-то иным¹⁴⁸. Последний тезис также другие авторы используют как аргумент в пользу сохранения юридических лиц несобственников¹⁴⁹.

Такое обоснование представляется не вполне убедительным, так как упразднение юридических лиц несобственников не означает ухода государства из соответствующих сфер и производственных цепочек и переход от государственного финансирования к частному. Более того, даже при текущем регулировании некоторые исследователи утверждают, что в действительности вышеуказанные юридические лица обладают полноценным правом

¹⁴⁶ Болдырев В.А. Указ. соч. С. 30-31.

¹⁴⁷ См. подробнее: Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве С. 77-80.

¹⁴⁸ Болдырев В.А. Указ. соч. С. 53-54.

¹⁴⁹ Смертин А. Н., Грешных А. А. Юридический анализ права хозяйственного ведения и права оперативного управления // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». 2012. №2. С. 107.

собственности¹⁵⁰, что, на наш взгляд, свидетельствует о разрыве между позитивным правом и текущим уровнем развития теоретической юриспруденции.

Отказ от юридических лиц несобственников может быть простым переходом от одной гражданско-правовой конструкции, оформляющей юридическое обособление, к другой, лишенной утративших свою актуальность надстроек и облегчающей понимание и описание права. В настоящий момент есть позитивные изменения, связанные с постепенным выведением государственных и муниципальных унитарных предприятий из оборота, так в 2019 году был принят закон, предписывающий ликвидировать или реорганизовать предприятия, осуществляющие деятельность на конкурентных рынках¹⁵¹.

Мы можем предположить, что неполное устранение юридических лиц – несобственников из оборота связано с желанием законодателя сохранить статус-кво в части имущественной обособленности таких юридических лиц, так как они обладают аномально сильной степенью имущественного обособления. Далее мы обоснуем, почему такие конструкции не нужны даже для достижения этой цели.

3.2.1. Имущественная обособленность юридических лиц несобственников

Подтверждающее имущественное обособление в унитарных предприятиях и учреждениях устроено максимально просто – учреждения и унитарные предприятия не отвечают по обязательствам собственника своего имущества (п. 3 ст. 123.22 ГК РФ), что означает сильную форму подтверждающего имущественного обособления. В целом это похоже на ответственность хозяйственных обществ, но с важной особенностью – у кредиторов собственника нет не только прямых требований к имуществу сущности, но нет также механизма обращения взыскания на права собственника в отношении такой сущности (в отличие от хозяйственных обществ, где может быть обращено взыскание на доли/акции). Такая особенность приводит к возникновению супер-сильного подтверждающего обособления в терминологии Г. Хансмана и Р. Краакмана¹⁵².

Такая степень подтверждающего имущественного обособления оправдана тем, что, как правило, такие юридические лица или не представляют интереса для кредиторов в качестве предмета обращения взыскания, или действуют в общественно значимых сферах, из-за чего попадание их под контроль кредиторов собственника или возможность обращения взыскания на их имущество являются крайне нежелательными с точки зрения правопорядка.

Однако потребность в повышенной степени подтверждающего обособления никак не объясняет необходимость дополнительного обособления имущества посредством ограниченного

¹⁵⁰ Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом.

¹⁵¹ Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях" и Федеральный закон "О защите конкуренции"».

¹⁵² Hansmann H. and Kraakman R. H. The Essential Role of Organizational Law P. 395.

вещного права, а скорее наоборот противоречит ей. Очевидно, что недоступность имущества унитарного предприятия или учреждения кредиторам собственника не потребовала бы никакого дополнительного объяснения, если собственником имущества было бы само учреждение или предприятие.

Защитное имущественное обособление. Применительно к предприятиям, по общему правилу, имеется сильное защитное обособление (собственник имущества не несет ответственность по долгам предприятия) с двумя исключениями: (1) случаи, когда несостоятельность вызвана действиями собственника, (2) субсидиарная ответственность собственника по долгам казенных предприятий (п.6 ст. 113 ГК РФ). Такой характер защитного обособления в целом схож с обособлением хозяйственных обществ.

Применительно к учреждениям защитное обособление устроено сложнее и зависит, в первую очередь, от вида учреждения. Казенное учреждение отвечает только находящимися в его распоряжении денежными средствами, а собственник имущества несет субсидиарную ответственность по его обязательствам (п. 5 ст. 123.22 ГК РФ). Таким образом, защитное обособление отсутствует, хотя основное имущество такого учреждения фактически защищено иммунитетом от обращения взыскания и в этом смысле обособлено.

Бюджетное учреждение отвечает также иным имуществом, кроме особо ценного движимого, если оно было передано собственником или приобретено за счет выделенных собственником средств, а также недвижимого имущества вне зависимости от того, за счет чего оно было приобретено. Собственник также несет субсидиарную ответственность по обязательствам, связанным с причинением вреда гражданам, а также по обязательствам из публичного договора при ликвидации (п. 5 ст. 123.22 ГК РФ). Автономное учреждение отвечает почти так же, но, кроме того, отвечает еще и недвижимым имуществом, которое было приобретено не за счет предоставленных собственником средств (п. 6 ст. 123.22 ГК РФ). Таким образом, в бюджетных и автономных учреждениях существует сильное защитное обособление (с некоторыми исключениями), а также полный иммунитет в отношении определенного имущества.

Существующая степень защитного обособления может быть достигнута без использования конструкции ограниченных вещных прав, так как наличие/отсутствие субсидиарной ответственности учредителя возможно и при закреплении имущества на праве собственности. В остальном характер имущественной обособленности больше похож на исполнительский иммунитет – прямое предписание закона о том, что на определенное имущество не может быть обращено взыскание. Это приводит к мысли о том, что если доступность имущества для кредиторов определяется не фактом закрепления имущества за сущностью, и не содержанием самого права, на котором оно закреплено, то право оперативного управления и хозяйственного ведения как правовой институт в действительности никакого смысла не имеют, так как такие же

иммунитеты от взыскания могут быть установлены для имущества, принадлежащего учреждению на праве собственности, как это, например, происходит в соответствии со ст. 446 ГПК РФ.

Можно было бы предположить, что установление иммунитета через определенное ограниченное вещное право служит удобству описания такого иммунитета, однако это не так, так как объем имущества, попадающего под иммунитет, определяется не видом права, а видом юридического лица и видом конкретного имущества применительно к каждому из видов юридических лиц.

Специфический режим распоряжения имуществом. Поскольку имущественное обособление может проявляться также в специфическом порядке владения, пользования и распоряжения определенным имуществом, то этот аспект также необходимо учесть. Действительно, в части распоряжения имуществом, находящимся на праве оперативного управления или хозяйственного ведения, такой специфический порядок установлен.

Применительно к унитарным предприятиям, обладающим имуществом на праве хозяйственного ведения, установлен следующий порядок: в соответствии со статьей 18 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – «**ФЗ-161**») распоряжение движимым имуществом, по общему правилу, происходит без согласия собственника, а распоряжение недвижимым имуществом только с согласия собственника. При этом уставом предприятия могут быть установлены дополнительные ограничения на совершение сделок без согласия собственника. Казенное предприятие, которое обладает имуществом на праве оперативного управления, еще в большей степени ограничено в распоряжении имуществом и вправе самостоятельно распоряжаться только произведенной им продукцией (п.1 ст. 19 ФЗ-161).

Схожа ситуация и у учреждений, за которым имущество закрепляется на праве оперативного управления. По общему правилу порядок распоряжения имуществом строится следующим образом: (1) казенные учреждения не вправе распоряжаться никаким имуществом без согласия собственника (п. 4 ст. 298 ГК РФ), (2) автономное и бюджетное учреждение не вправе распоряжаться особо ценным движимым имуществом, закрепленным за ним собственником или приобретенным бюджетным учреждением за счет средств, выделенных ему собственником на приобретение такого имущества, а также недвижимым имуществом (п.2 и п. 3 ст. 298 ГК РФ).

Таким образом, наличие права хозяйственного ведения и оперативного управления также сами по себе ничего не дают в части режима распоряжения имуществом, так как свобода в распоряжении тем или иным видом имущества определяется не правом, на котором оно

закреплено за предприятием или учреждением, а видом юридического лица и видом конкретного имущества.

Поэтому, на наш взгляд, неверными можно считать позиции тех авторов, которые пишут, что право оперативного управления и право хозяйственного ведения отличаются набором правомочий, которыми наделяется правообладатель¹⁵³. Даже на уровне легальных дефиниций невозможно установить, чем данные права отличаются по содержанию, так как в этой части просто идет отсылка на объем, установленный законом. Все отличия, установленные в ст. 296 ГК РФ, касающейся оперативного управления, относительно распоряжения любым имуществом субъектом данного права только с согласия собственника, в действительности размываются специальными положениями закона, которые всё-таки допускают распоряжение без согласия собственника. Строго говоря, дефиниции, предложенные в Гражданском Кодексе, представляют собой не столько дефиниции соответствующих прав, сколько определяют объем правоспособности самих предприятий и учреждений, действующий по умолчанию.

Различный объем правомочий в рамках одного права, который зависит от вида имущества и типа учреждения/предприятия, на наш взгляд, не позволяет утверждать, что данным видам вещных прав присуще какое-то определенное самостоятельное содержание. Более того, если следовать логике законодателя, то содержание данных прав определяется законом, а именно статьями, касающимися порядка распоряжения данным имуществом (других вариантов просто нет), например, применительно к праву оперативного управления казенных предприятий это статья 19 161-ФЗ, в которой говорится о том, на какие сделки требуется согласие собственника, но в п. 1 данной статьи указано, что уставом может быть предусмотрено согласие и на другие сделки. В статье 18 того же закона содержится аналогичное правило применительно к хозяйственному ведению. Если исходить из того, что содержание данных прав, названных на уровне закона в качестве вещных, определяется свободой в распоряжении имуществом без согласия собственника, то получается, что объем таких прав можно определить уставом и сделать право хозяйственного ведения равным по содержанию оперативному управлению или еще более узким.

3.2.2. Роль ограниченного вещного права

Наиболее распространенными способами юридического обособления имущества являются конструкции юридического лица и ограниченного вещного права (например, залога). Данные способы могут использоваться отдельно друг от друга для достижения различных целей. Они также могут использоваться вместе, но только в том случае, когда используются

¹⁵³ Богатков С.А. Отличие права хозяйственного ведения от права оперативного управления // СПС КонсультантПлюс; Аникина М.С. Проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу // Российский юридический журнал. 2021. № 3. С. 179 - 187.; Смертин А. Н., Грешных А. А. Указ. соч. С. 105

последовательно и каждый из таких способов имеет свои собственные цели и обособляет свой собственный объем имущества. Например, обособив имущество юридического лица, можно внутри этого обособленного имущества обособить его часть при помощи залога. Залог имущества юридического лица позволяет установить приоритеты среди большой группы кредиторов юридического лица в отношении обособленного имущества, выделив группу залоговых кредиторов.

Обособление одновременно двумя способами для образования одной обособленной массы не имеет никакого смысла, как это было показано на примере юридических лиц, не являющихся собственниками своего имущества. Создавая какую-либо организационно-правовую форму, правопорядок имеет полную возможность установить любую по характеру и степени имущественную обособленность такого имущества просто в силу предписания закона.

Необходимо также обратить внимание на то, что, обладая полной свободой в установлении имущественной обособленности отдельных типов юридических лиц, правопорядок должен обеспечить понятность регулирования отношений для всех участников оборота, чтобы кредиторы понимали, на какое имущество они вправе претендовать, вступая в отношения с таким лицом. Указание на право оперативного управления и хозяйственного ведения, как это было показано выше, такого понимания никак не дает. Указание на конкретную организационно-правовую форму в целом такое понимание дает, но в силу запутанности и высокой отсылочности регулирования к специальным актам и исключениям затрудняет процесс такого понимания.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что существование права хозяйственного ведения и оперативного управления само по себе ничего не дает для целей имущественного обособления ни в части определения круга имущества, доступного для кредиторов лица, которое им обладает, ни в более широком смысле – в части правового режима как такового. Они могут быть заменены правом собственности без какого-либо сущностного изменения существующего подхода к регулированию, в том числе с сохранением иммунитета от взыскания и порядка распоряжения данным имуществом с согласия собственника в установленных законом и уставом случаях.

Поэтому можно считать, что права оперативного управления и хозяйственного ведения в их современном воплощении являются законодательным недостатком, который в части действия вещных прав на имущественное обособление не отличается от обычных юридических лиц – собственников своего имущества – чем-либо, кроме специальных законодательных ограничений, в действительности не связанных с вещными правами.

Кроме того, такое положение дел демонстрирует, что обособление имущества посредством юридического лица и ограниченного вещного права имеет смысл только тогда,

когда оно происходит последовательно для обособления части имущества внутри другого обособленного имущества, а не тогда, когда два способа используются для обособления одного и того же объема имущества, поскольку конструкции юридического лица самой по себе достаточно для установления любого характера обособления одного объема имущества.

3.3. Общая собственность

Термин общая собственность объединяет два понятия, которые по мнению некоторых исследователей¹⁵⁴, на самом деле, принципиально отличны по своей природе: долевая собственность и совместная. Мы согласны с таким мнением. Поскольку совместная собственность, в свою очередь, также представлена двумя режимами, имеющими существенные различия в вопросе имущественной обособленности, то она будет проанализирована в соответствующих параграфах главы 2 настоящей работы (совместная собственность членов крестьянского хозяйства в § 2 «Товарищества» и совместная собственность супругов в § 4 «Семейное имущество»). В данном разделе будет проанализировано соотношение долевой собственности¹⁵⁵ и имущественного обособления.

Применительно к долевой собственности идею о наличии у такого имущества свойства обособленности высказывали В.В. Подсосонная¹⁵⁶ и Е.И. Червец¹⁵⁷, указывая на наличие у такого имущества слабой формы подтверждающего обособления. Такой вывод связан с тем, что обращение взыскания на имущество, находящееся в долевой собственности, допускается только при отсутствии другого имущества. Мы не согласны с тем, что такой режим имущества свидетельствует о подтверждающем обособлении в рамках теории Г. Хансмана и Р. Краакмана, так как отсутствует группа кредиторов, которая имела бы приоритет в отношении такого имущества. Подробно данная ситуация будет рассмотрена применительно к простым товариществам.

Вместе с тем нельзя не признать, что специфический правовой режим имущества, находящегося в долевой собственности, полностью отсутствует.

Неоднократно в отечественной доктрине высказывалась позиция о том, что общая собственность фактически выполняет субъектообразующую функцию, приводит к возникновению коллектива сособственников, образующего единство в отношениях с третьими лицами. В.А. Белов и К.А. Блинковский указывают на схожесть отношений по поводу долевой собственности и корпоративных отношений, так как обладание долей в праве собственности,

¹⁵⁴ Белов В.А. Вещные гражданско-правовые формы : учебное пособие для вузов М. Юрайт. 2024. С. 189-191.

¹⁵⁵ Поскольку долевая собственность пайщиков инвестиционных фондов обладает крайне специфичным режимом, то она будет рассмотрена в § 1 главы 2 «Доверительное управление».

¹⁵⁶ Подсосонная В.В. Указ. соч.

¹⁵⁷ Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. С. 34-35.

равно как обладание долей в уставном капитале, приводит к возникновению у собственников комплекса прав и обязанностей, связанных с управлением данным имуществом¹⁵⁸.

Вместе с тем аналогия, проводимая автором, не вполне последовательна, так как если ей следовать до конца, то необходимо было бы прийти к выводу о том, что правосубъектностью обладает само имущество, находящееся в долевой собственности, поскольку в обществах с ограниченной ответственностью субъектами являются сами общества, а не коллектив участников. Несмотря на это, авторы указывают на правоспособность сообщества собственников¹⁵⁹.

Более того В.А. Белов сам указывает на крайне ограниченный характер правоспособности подобного субъекта, единственный элемент правоспособности такого коллектива – возможность иметь имущество на праве собственности и распоряжаться им¹⁶⁰.

Верным представляется подход В. Флуме, который указывает на принципиальное отличие юридических лиц от общностей собственников – первые ведут собственную деятельность, являются носителями собственных прав и обязанностей, что не присуще объектам, находящимся в долевой собственности¹⁶¹. Однако отсутствие собственных потребностей у имущества очевидно только применительно к простым объектам и не столь очевидно для сложных объектов, требующих постоянного обслуживания. В таких случаях закон предусматривает возможность создания особого юридического лица, служащего коллективному интересу собственников: товарищество собственников жилья и товарищество собственников недвижимости. Иногда для обслуживания таких интересов правопорядок предлагает создание соответствующих юридических лиц (раздел VI ЖК РФ и ст. 123.12 – 123.14 ГК РФ).

Такое решение правопорядка представляется крайне удачным и последовательным, так как установив возникновение самостоятельного коллективного интереса и связанного с ним имущества, т.е. тех признаков субъекта права в широком смысле, которые мы выделяли ранее, законодатель предоставил не только возможность для формирования и выражения воли такой общности во вне, но и прямо допустил образование нового субъекта права, являющегося собственником своего имущества. Поэтому в таких случаях обособление имущества происходит как в обычном юридическом лице с тем исключением, что в отличие от хозяйственных товариществ здесь установлено сильное защитное и подтверждающее обособление. Товарищество не отвечает по долгам товарищей, а товарищи по долгам товарищества.

¹⁵⁸ Белов В.А., Блинковский К.А. Указ. соч. С. 212-213, 216-219.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Белов В.А., Блинковский К.А. Указ. соч. С. 213.

¹⁶¹ Филатова У. Б. Гражданско-правовое сообщество собственников: сравнительно-правовое исследование // Российская юстиция. 2015. № 2. С. 18-20.

Вместе с тем образование товарищества собственников недвижимости не является обязательным, поэтому вполне возможно и существование аналогичных по своему экономическому содержанию отношений, но без посредства самостоятельного субъекта права. В таком случае в соответствии со ст. 259.3 ГК РФ управление общим имуществом осуществляется решениями общего собрания собственников, которое по сути является гражданско-правовым сообществом¹⁶², но при этом не является органом какого-либо юридического лица. На основании решения общего собрания полномочия по управлению могут быть переданы управляющей компании, в результате чего возникает некий суррогат единоличного исполнительного органа, который существует в товариществах. Несмотря на то, что с точки зрения управления ничего не меняется, в части имущественного обособления юридически ситуация принципиально иная: вместо собственности отдельного лица существует долевая собственность и отсутствует имущественное обособление как таковое. Законодатель установил порядок выражения общего интереса собственников во вне, но сделал это без образования субъекта права. Таким образом, в долевой собственности даже в тех ситуациях, когда у общего имущества можно определить самостоятельный интерес, без специального указания закона не возникает защитного или подтверждающего обособления, а в качестве средства ограниченного участия такого имущества в обороте выступает договорное отношение всех собственников с управляющей компанией.

Вместе с тем субъектообразующий характер общей собственности можно заметить и в другом аспекте специфического статуса такого имущества. На особый режим имущества, находящегося в общей собственности в римском праве, обращает внимание А.Д. Рудоквас, когда пишет о том, что в виде исключения из принципа *sua res nemini servit* (своя вещь никому не служит) римская юриспруденция допускала существование сервитутов в ситуации, когда один земельный участок находился в единоличной собственности лица, а соседний в общей собственности, но с участием того же лица¹⁶³.

Возможно, однако, что это вовсе и не исключение из правила о том, что своя вещь никому не служит, а свидетельство того, что имущество не является «своим», иными словами, имущество, находящееся в долевой собственности не есть имущество «частично свое», а есть имущество «чужое», принадлежащее некому коллективному образованию, пусть даже последнее и не является самостоятельным субъектом права. Вероятно, в этом проявляется строгое следование правилу о том, что «принадлежит совокупности, а не отдельным лицам» (D. 1.8.6.1).

¹⁶² Подробней о гражданско-правовых сообществах и их правосубъектности см., например, Груздев В. В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 10. С. 61-71; Филиппова С. Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия // Закон. 2022. № 6. С. 30-41.; Цепов Г. В. Проблема омонимов, или Допустима ли унификация правового регулирования собраний? // Закон. 2016. № 12. С. 139-148.

¹⁶³ Рудоквас А.Д. Частные сервитуты в гражданском праве России // Вестник ВАС РФ. 2009. № 4 С. 198.

Совокупность (*universitas*), применительно к которой формулируется данное правило, не обязательно предполагает правосубъектность¹⁶⁴.

Несмотря на то, что в ситуации установления платы за сервитут по части такой платы будет возникать квази-договорное отношение одного лица с самим собой (как собственником господствующего участка и как сособственником служащего), это остается в рамках внутренних отношений между сособственниками и не требует формального признания группы сособственников или самого имущества субъектом. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что долевой собственности самой по себе не присуще защитное и подтверждающее обособление, но в ней проявляется специфический правовой режим, связанный с порядком пользования и управления таким имуществом. Специфика заключается в том, что за ним, также как за юридическим лицом, стоит гражданско-правовое сообщество в виде общего собрания собственников. Также специфичный характер правового положения проявляется в том, что имущество, находящееся в долевой собственности, не может быть названо ни одним из сособственников в полной мере своим.

Однако же данные выводы не касаются ситуаций, когда институтом общей собственности пытаются подменить правосубъектность. В иностранных правовых порядках, например, в праве Южной Кореи отмечаются попытки подменить регулирование коллективов и объединений как правосубъектных образований, через институты общей (коллективной) собственности, которые справедливо критикуются за их искусственный и неудобный характер¹⁶⁵.

§ 4. Имущественное обособление и базовые институты зарубежного права¹⁶⁶

Феномен имущественного обособления также надлежит рассмотреть в контексте его соотношения с базовыми институтами зарубежного права, которые отсутствуют в чистом виде в рамках российского права как на уровне позитивного права, так и на уровне доктрины. К таким базовым институтам мы относим хорошо известный отечественной доктрине институт траста, который, как будет продемонстрировано далее, в действительности охватывает собой достаточно разнородные по своей природе конструкции, а также теоретическое учение французской доктрины о патримонии (*patrimoine*) как имущественном комплексе, которому в отечественной доктрине было уделено значительно меньше внимания. Данные институты зарубежного права непосредственно связаны с проблемами имущественного обособления и правосубъектности.

¹⁶⁴ Ельяшевич В.Б. Указ. соч. С. 41.

¹⁶⁵ Мёнг С. Характеристики института общей собственности в Республике Корея // Правоведение. 2022. Т.66, № 3. С.270-273.

¹⁶⁶ Данный параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 28–48.

4.1. Имущественный комплекс (patrimoine)

Теория патримония состоит из двух элементов. Непосредственно из учения о патримонии как имущественном комплексе, которое было разработано во французской доктрине XIX века исследователями Ш. Обри и Ш. Ро, а также из более современной теории обособленного патримония (patrimoine d'affectation), которая возникла по причине того, что в правопорядке стали появляться такие конструкции, которые не вписываются в классическую теория патримония.

Несмотря на то, что теория патримония связана в первую очередь с вопросом правосубъектности, на что прямо указывают сами Ш. Обри и Ш. Ро¹⁶⁷, в отечественной доктрине достаточно распространено некорректное понимания патримония как конструкции вещного права, а обособленного патримония как расщепленной собственности¹⁶⁸.

Мы согласны, что patrimoine d'affectation приводит к расщеплению имущественной сферы субъекта права¹⁶⁹, что, на первый взгляд, противоречит положениям важной для французского права теории имущественной массы (patrimoine) Ш. Обри и Ш. Ро. Но мы не можем согласиться со следующим: «Проще говоря, один субъект права (фидуциар) стал обладать на праве собственности "своим", а также "своим, но обособленным имуществом", что полностью разрушило классическую концепцию права собственности Ш. Обри и Ш. Ро, выдвинувших три принципа института собственности (patrimoine): каждое лицо обладает собственностью; любая собственность относится к кому-то; одно лицо обладает лишь одной имущественной сферой»¹⁷⁰. Данное утверждение основано на совершенно ошибочном восприятии теории Ш. Обри и Ш. Ро, которое, вероятно, связано с интерпретацией более поздних исследователей.

Во-первых, понятие patrimoine нельзя отождествлять ни с собственностью, ни с каким-либо другим абсолютным правом в отношении имущества. Для обозначения собственности они используют термин «bien» и, более того, прямо указывают на то, что идея patrimoine вытекает непосредственно из идеи личности, и patrimoine является проявлением правосубъектности¹⁷¹.

Во-вторых, сами принципы, выделяемые авторами, имеют принципиально другое содержание даже вне зависимости от их интерпретации. Основные положения оригинальной теории патримония выглядят следующим образом: (1) только физические и юридические лица обладают patrimoine, (2) любое лицо обладает patrimoine, даже если в какой-то момент оно не

¹⁶⁷ Kasirer N. Op. cit. P. 472-473.

¹⁶⁸ Дорошенко Л.А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 104-117.; Зикун И.И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2018. № 6. С. 192-219.; Зикун И.И. Гражданско-правовой титул инвесторов на имущество инвестиционных фондов SICAV и SICAF // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 255-301.

¹⁶⁹ Зикун И.И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве С. 205.

¹⁷⁰ Зикун И.И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве С. 205-206.

¹⁷¹ Kasirer N. Op. cit. P. 472-473.

имеет никакой собственности, (3) лицо может обладать только одним patrimoine¹⁷². Отметим, что содержание второго принципа полностью исключает возможность отождествления patrimoine с правом собственности.

Ошибочное понимание patrimoine как права собственности можно встретить и в других работах: «отмечается, что теория унитарного права собственности фидуциарной собственностью разрушена, в связи с чем необходимо пересмотреть традиционное понимание собственности»¹⁷³, хотя в оригинальной работе, на которую ссылается автор, речь идет о переходе от унитарного patrimoine к фидуциарному¹⁷⁴.

О расщеплении собственности, на наш взгляд, некорректно говорить и потому что имущественный комплекс не разделяется между учредителем и управляющим, а образует самостоятельный имущественный комплекс. На примере «траста» по праву Квебека об этом прямо пишет М. Лупой: «Передача активов происходит не от учредителя к доверительному управляющему, а от одного патримония, принадлежащего учредителю, к другому, о котором больше ничего не говорится»¹⁷⁵.

С отношением к трасту, как к отдельному имущественному комплексу, исследователи связывают и предписание ст. 915 ГКК о том, что имущество может принадлежать лицам, государству и определенным целям¹⁷⁶. Конструкция траста в соответствии со ст. 1268 ГКК описывается как «собственность, присвоенная определенной цели» (property appropriated to a specific use).

Также patrimoine d'affectation может возникать и тогда, когда какое-либо новое лицо в виде управляющего не появляется вовсе. Например, в случае возникновения обособленного имущества индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью¹⁷⁷. Если мы не признаем, что обособленное имущество обладает самостоятельной правосубъектностью, то в этой ситуации мы даже при желании не сможем поставить вопрос о расщеплении права собственности, так как в этих отношениях участвует только одно лицо. Некоторые исследователи¹⁷⁸ также используют термин специальный патримоний (special patrimony), к

¹⁷² Оригинальный текст принципов: (1) Que les personnes physiques ou morales peuvent seules avoir un patrimoine, (2) Que toute personne a necessairement un patrimoine, alors meme qu'elle ne possederait actuellement aucun bien, (3) Que la meme personne ne peut avoir qu'un seul patrimoine, dans le sens proper du mot. Приведен по изданию Cours de droit civil français: d'après la méthode de Zachariae. Tome 9 / par MM. Aubry et Rau. P. 336 URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5493942t>.

¹⁷³ Дорошенко Л.А. Указ. соч. С. 109.

¹⁷⁴ Barrière F. La fiducie-sûreté en droit français // McGill Law Journal. 2013. V. 58, No. 4. P. 869–904.

¹⁷⁵ Lupoi M. Trusts in mixed jurisdictions // Pravovedenie. 2023. Vol. 67 No. 1. 21–55. P. 37

¹⁷⁶ Popovici A. Quebec's Partnership: une société distincte. // Journal of Civil Law Studies. 2013. Vol. 6 P. 341

¹⁷⁷ Подробней см. § 3 главы 2 настоящей работы.

¹⁷⁸ Gretton GL. Trusts Without Equity // International and Comparative Law Quarterly. 2000. Vol. 49(3). P. 609

частным случаям которого относят помимо траста также древнеримские примеры обособленного имущества - пекулий и приданое (*dos*)¹⁷⁹.

Вместе с тем мы, безусловно, согласны с тем, что фидуция, как и другие институты французского права, например, отдельное имущество индивидуального предпринимателя, приводят к образованию обособленного имущества (*patrimoine d'affectation*) и, как следствие, возникновению нескольких имущественных масс (*patrimoine*) у одного лица, что прямо противоречит третьему принципу, выделяемому Ш. Обри и Ш. Ро (одно лицо может обладать только одной имущественной массой *patrimoine*).

Видится, что выходов из такого противоречия может быть два. Первый заключается в том, чтобы признать несовершенство изначальной теории патримония и дополнить её представлением о возможности существования обособленного патримония (*patrimoine d'affectation*), усмотрев для последнего самостоятельное теоретическое обоснование и признав целесообразность его существование. Второй заключается в том, чтобы, строго следуя оригинальной теории, признать, что образование обособленного патримония на уровне позитивного права должно приводить к признанию за ним самостоятельной правосубъектности с собственным полноценным патримонием, а *patrimoine d'affectation* использовать для обозначения фактического положения такого имущества, существующего в качестве недостатка юридической техники.

Для целей обоснования первого подхода в доктрине теория имущественного комплекса (*patrimoine*) противопоставляется теории целевого имущества *Zweckvermögen*, разработку которой приписывают А. Бринцу и Беккеру¹⁸⁰. Указывается, что принципиальным отличием их теории является отход от обязательной привязки имущественного комплекса к субъекту и допущение существования целевого имущества, которое принадлежит не лицу, а самой цели. На наш взгляд, такое противопоставление не является верным, так как в теории А. Бринца целевое имущество (*Zweckvermögen*) не существует на уровне с юридическими лицами как какая-то самостоятельная категория, как это пытаются представить исследователи, противопоставляющие её теории патримония. В действительности она является альтернативой конструкции юридического лица, которая основана на представлении о юридическом лице как юридической фикции, при этом сам А. Бринц указывает на то, что такое целевое имущество для его участия в обороте требует его фиктивного олицетворения¹⁸¹.

¹⁷⁹ Подробней об имущественном обособлении в римском праве см. Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве.

¹⁸⁰ Popovici A. Op. cit. P. 362; Courtier A. L'entreprise individuelle sans risque et le patrimoine d'affectation : le miroir aux alouettes ? // Management & Avenir. 2014. Vol. 74. P. 145-158.

¹⁸¹ Brinz A. Lehrbuch der Pandekten. 2,1: Erbrecht P. 990-992 URL: <https://mdz-nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bvb:12-bsb10565236-6>

Вышеприведенные нами идеи Б. Виндшейда, который также придерживался теории бессубъектного имущества, в равной мере свидетельствуют в пользу такого вывода: даже если мы воспринимаем такое имущество как бессубъектное, то желательно олицетворять такое имущество, так как именно оно является точкой прикрепления прав и обязанностей¹⁸². Более того, П. Леполь, на которого среди прочего ссылаются авторы, предлагающие такое противопоставление теории патримония теории целевого имущества (*Zweckvermögen*), обращается к работам Беккера и Б. Виндшейда именно в контексте рассуждений о фиктивности юридических лиц как таковых¹⁸³.

Также исследователи, которые пытаются обосновать существование *patrimoine d'affectation*, не приводят никаких аргументов практического характера, которые бы объясняли, почему обособленный патримоний представляет какую-либо самостоятельную ценность в качестве правового института, а не является недостатком правового регулирования. Тот факт, что к его возникновению приводят полезные для правопорядка конструкции, сам по себе не свидетельствует, что законодатель выбрал для них правильную форму.

Таким образом, первый вариант разрешения противоречия представляется нам неверным по двум причинам: (1) теоретические наработки, которые приводятся авторами в обоснование конструкции обособленного патримония, в действительности никак не подкрепляют такой подход, а скорее наоборот свидетельствуют о том, что такое имущество должно признаваться субъектом, (2) для этого нет никакой практической потребности. Более того, в таком подходе видится большая методологическая ошибка, которая заключается в том, что исследователи пытаются подстроить оправданную и устоявшуюся теоретическую конструкцию под конструкции позитивного права, не анализируя критически сами законодательные решения.

С целью обоснования правильности именно второго способа разрешения противоречия и, как следствие, утверждения о том, что концепция патримония Ш. Обри и Ш. Ро в полной мере состоятельна в её оригинальном виде мы можем привести следующие аргументы. Как справедливо указывает И.А. Покровский в сфере имущественных отношений все лица для права являются в первую очередь экономическими единицами: «В особенности в сфере имущественного оборота право мыслит людей прежде всего в качестве некоторых абстрактных центров хозяйственной жизни. Понятие субъекта права, таким образом, есть вообще некоторое техническое, условное понятие, которое как таковое вполне применимо и к лицам юридическим»¹⁸⁴.

¹⁸² Виндшейд Б. Указ. соч. С. 110-112.

¹⁸³ Lepaulle P. Op. cit.

¹⁸⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права : монография М. Статут, 2020. С. 147.

То обстоятельство, что категория субъекта права сама по себе носит вспомогательный характер, позволяет упростить описание права и систематизировать представление о правоотношении, уже было проанализировано выше. Поскольку прием олицетворения является эффективным и удобным способом упорядочивания отношений с участием обособленных масс юридических лиц, то без видимых причин отказываться от такой возможности не следует, особенно там, где формируется такой абстрактный центр прикрепления прав и обязанностей.

Утверждение И.А. Покровского о том, что в сфере имущественных отношений право мыслит людей в качестве абстрактных центров хозяйственной деятельности, может быть также дополнено тем, что во многом также мыслят и другие участники оборота без привязки к юридической конструкции правоотношения. Выражается это в том, что при выборе контрагента, ключевой его характеристикой как должника в правоотношении является его имущественная состоятельность, определяемая объемом доступного имущества для удовлетворения требований и объемом обязательств, которыми обременено такое имущество.

Поскольку взаимосвязанная общность имущества и обязательств и есть патримоний, то для других участников оборота имеет значение, в отношении с каким патримонием они вступают. Соответственно, для получения такой информации такую общность необходимо как-то индивидуализировать в обороте, а сделать это можно только фактически олицетворив такое имущество в обороте. Патримоний, составляющий паевой инвестиционный фонд, индивидуализируется управляющей компанией путем указания на конкретный фонд, в интересах которого она действует; физическое лицо, являющееся генеральным директором общества, указывает, что оно действует не как физическое лица, а как единоличный исполнительный орган общества.

Без какой-либо подробной аргументации, но в целом разделяют подход о правосубъектности и другие исследователи. Д. Греттон указывает на то, что возникновение специального патримония связано с возникновением субъекта или квази-субъекта, а также на уровне естественного языка в отношении траста используются такие формулировки, которые свидетельствуют о принадлежности какого-то имущества именно трасту, так, как если бы траст был юридическим лицом¹⁸⁵. Апелляция данного автора к естественному языку, на наш взгляд, также является достаточно сильным аргументом в пользу того, что олицетворение обособленного патримония есть самое разумное разрешение данной проблемы.

Аналогичным образом воспринимают обособленный патримоний, но в отношении индивидуальных предпринимателей с ограниченной ответственностью, и другие исследователи¹⁸⁶.

¹⁸⁵ Gretton G. Op. cit. P. 617.

¹⁸⁶ Bailly-Masson C. L'intérêt de la personnalité morale // La revue des sciences de gestion. 2008. No. 230. P. 99.

В приведенных аргументах, на наш взгляд, заключается ценность концепции патримония, которая должна приводить исследователей не к тому, чтобы пытаться её опровергнуть опираясь на примеры из позитивного права, а к тому, чтобы оценивать такие законодательные решения не только на предмет их адекватного содержания, но и на предмет оптимальной юридической формы, выбранной законодателем для их реализации.

Таким образом, на наш взгляд, противоречие конструкции обособленного патримония общей теории патримония должно быть устранено путем признания нового субъекта права. Дополнительное обоснование и практическая польза от такого решения приведена в § 3 главы 2 настоящего исследования на примере фигуры индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью, имущество которого рассматривается французскими юристами в качестве *patrimoine d'affectation*.

4.2. Траст и его аналоги

В отечественной доктрине принято рассматривать траст в контексте вещного права, однако мы попытаемся обосновать, что в действительности это не вполне верно. Л. Смит против понимания траста как расщепленной собственности: «Траст общего права был создан не путем изменения идеи собственности; он не был создан каким-либо решением о разделении права собственности на "юридический титул" и "эквивалентный титул". Скорее, он был создан в результате искажения обязательственного права, в частности, огромного расширения общепризнанной возможности ответственности третьих лиц за вмешательство в обязательства»¹⁸⁷. В отечественной доктрине достаточно подробную аргументацию об отсутствии неразрывной связи между трастом и расщепленной собственностью приводит А.Д. Рудоквас¹⁸⁸.

Также следует оговориться, что классический траст и его аналоги из континентальных и смешанных правопорядков обладают принципиально разным характером имущественной обособленности.

4.2.1. Классический траст

Признаки имущественной обособленности в классическом трасте менее выражены, чем в континентальных аналогах траста и трастах, существующих в смешанных правопорядках. Поэтому в классическом трасте в меньшей степени проявляются признаки правосубъектности или существования отдельного патримония. Фактическое отсутствие патримония не позволяет признать классический траст юридическим лицом, а делает его специфическим институтом,

¹⁸⁷ Smith L. D. Trust and Patrimony // *Revue générale de droit*. 2008. Vol. 38(2). P. 392.

¹⁸⁸ Рудоквас А. Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии // *Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сборник статей к 50-летию А. О. Рыбалова* / отв. ред. К. И. Карачкова; науч. ред. А. Д. Рудоквас. М.: Статут, 2023. С. 172-173.

который принципиально отличается от любого континентального аналога¹⁸⁹. Хотя в некоторых аспектах он всё-таки близок к юридическому лицу: траст как «суррогат искусственного юридического лица», в котором имущественное обособление достигается за счет хитрого использования доктрины справедливости¹⁹⁰.

Имущественное обособление в трасте, на самом деле, во многом похоже на обособленность залога, так как основной приоритет – это приоритет требований бенефициара к трасти в части имущества, составляющего траст¹⁹¹.

Л. Смит указывает на то, что восприятие траста как обособленного имущественного комплекса (*patrimoine*) характерно для шотландского траста, а траст общего права имеет специфику, связанную с тем, что хотя имущество классического траста недоступно личным кредиторам, оно недоступно и кредиторам самого траста – они не могут предъявить требование именно к имуществу траста (*Jennings v. Mather*, [1902] 1 К.В. 1 (С.А.))¹⁹². При этом добровольно получить удовлетворение из этого имущества они все-таки могут. Кредитор траста в некоторых случаях может добраться до имущества траста, но сделать это может не путем прямого обращения взыскания на имущество траста, а путем принуждения управляющего к исполнению распоряжения имуществом траста в свою пользу и это не всегда будет иметь чисто формальный характер, так как такое требование производно от самой возможности управляющего распоряжаться таким имуществом¹⁹³.

Данные обстоятельства свидетельствуют о некорректности выводов тех авторов, которые делают общие выводы о том, что траст образует патримоний¹⁹⁴, в то время как в действительности классический траст патримоний не образует, но его могут образовывать аналогичные конструкции, которые будут рассмотрены далее.

Л. Смит приводит достаточно убедительную аргументацию, обосновывающую, почему траст общего права не может быть признан субъектом права. Первой и главной причиной, которая была указана выше, является то обстоятельство, что траст, по общему правилу, не содержит в себе никаких обязательств (долгов), все приобретенные долги являются личными долгами управляющего¹⁹⁵. Вторым аргументом является то, что траст в системе общего права является самостоятельным институтом именно потому, что используется для тех случаев, когда стандартные конструкции вещного права и права юридических лиц непригодны.

¹⁸⁹ Smith L. D. Op. cit. P. 381.

¹⁹⁰ Ollikainen A. Asset partitioning in the trust [PhD thesis]. University of Oxford. 2018. P. 2

¹⁹¹ Sukhninder P. Equity & Trusts // 4th Edition, Pearson Education Limited. 2020 P. 375, см также Reid K. Patrimony not Equity: The Trust in Scotland // Valsan, Remus. Trusts and Patrimonies. Edinburgh University Press, 2015.

¹⁹² Smith L. D. Op. cit. P. 386.

¹⁹³ Smith L. D. Op. cit. P. 388.

¹⁹⁴ Gretton G. Op. cit.

¹⁹⁵ Smith L. D. Op. cit. P. 395-402.

Поскольку траст не имеет собственных кредиторов, которые могли бы напрямую претендовать на имущество траста, все кредиторы – личные кредиторы управляющего, поэтому речи о защитном и подтверждающем имущественном обособлении быть не может. Обособленность имущества траста на этом этапе заключается только в том, что такое имущество, являясь собственностью управляющего, недоступно всем его кредиторам. Отметим, что А. Олликайнен описывает такое положение имущества через конструкции защитного и подтверждающего обособления¹⁹⁶, но нам такое описание представляется некорректным по вышеуказанным причинам (все кредиторы – личные кредиторы управляющего). Более того, применение таких категорий приводит к ошибочному представлению о характере имущественной обособленности, поскольку утверждение о том, что траст обладает защитным имущественным обособлением означает, что личные кредиторы управляющего должны иметь приоритет над требованиями кредиторов траста при обращении взыскания на личное имущество управляющего, но это не так.

Вместе с тем отсутствие подтверждающего и защитного обособления в моменте существования трастового имущества не означает, что при использовании траста вовсе не происходит имущественного обособления, так как выделение привилегированных кредиторов происходит в отношении такого специфического актива, как возмещение, которое причитается управляющему из имущества траста.

Неся расходы личным имуществом для целей управления трастом (добровольно или по решению суда) управляющий автоматически получает активы в виде права изъять соответствующее имущество из траста. В этом аспекте логика Л. Смита, который пытается обосновать отсутствие патримония, становится несколько спекулятивной, так как он, с одной стороны, указывает, что по общему правилу в случае банкротства управляющего имущество, полученное в качестве возмещения, должно быть распределено пропорционально, но сразу же указывает, что правом справедливости всё-таки установлен приоритет требований кредиторов траста в отношении имущества управляющего, получаемого из траста¹⁹⁷. На то, что такой приоритет возникает именно в момент банкротства также указывает К. Рейд¹⁹⁸.

Наличие приоритета требований кредиторов траста в отношении имущества траста, а если быть точнее, в отношении того возмещения, которое причитается управляющему в связи с принятием на себя таких обязательств в интересах траста, было установлено в решении *Jennings v. Mather* [1902] 1 K.B. 1 (C.A.)¹⁹⁹. Таким образом, право справедливости ввело фактически подтверждающее обособление в слабой форме – личные кредиторы вправе претендовать на

¹⁹⁶ Ollikainen A. Op. cit.

¹⁹⁷ Smith L. D. Op. cit. P. 389-390.

¹⁹⁸ Reid K., Op. cit. P.20-21.

¹⁹⁹ Ollikainen A. Op. cit. P. 34.

возмещение из трастового имущества, только после удовлетворения требований кредиторов траста. Необходимость такого обособления была убедительно показана судьей в деле *In Re Richardson* 1911 2 KB 705, в котором он указал, что представляется абсурдной ситуация, при которой чем больше долг «траста» (формально долг управляющего, но в отношении которого он может получить компенсацию из имущества траста) тем выгоднее становится положение личных кредиторов самого управляющего, если они будут делить это имущество пропорционально с кредитором траста²⁰⁰.

Также может, но не обязательно должно, проявляться сильное защитное имущественное обособление в виде ограниченной ответственности управляющего имуществом траста. Несмотря на то, что такое ограничение фактически носит договорный характер, но для его установления достаточно указания на то, что управляющий заключает какой-то договор именно в качестве трасти, а не лично. Такое правило установлено решениями *In Re Robinson's Settlement* [1912] 1 Ch 717 и *Warborough Investments Ltd vs Berry and Others*²⁰¹.

Более того, в праве справедливости разработана конструкция, при которой имущество обособляется внутри самого траста, пример такой конструкции зафиксирован в деле *Ex Parte Garland* [1804], где имущество, входящее в траст, бенефициарами которого являлись жена и дети наследодателя, фактически было разделено на пулы активов в зависимости от того, для каких целей траста оно причитается, в результате чего ответственность по долгам бизнеса была ограничена частью траста, относящейся к этому бизнесу, а иное имущество оказалось недоступно кредиторам²⁰².

4.2.2. Аналоги траста

Применительно к конструкции траста в соответствии с законодательством Квебека, который относится к смешанной правовой системе, находящейся под влиянием систем общего и континентального права, И. Кэрон указывает на то, что теоретически конструкция траста может быть альтернативно обоснована через расщепленную собственность или через правосубъектность²⁰³. Несмотря на то, что данные выводы И. Кэрона сделаны применительно к старому Квебекскому трасту, действовавшему с 1888 года по 1991 год, на наш взгляд, такой методологический подход к решению проблемы траста актуален и применительно к актуальному квебекскому трасту, и к иным подобным конструкциям в других правовых порядках.

Отметим, что исследования старого квебекского траста представляют ценный теоретический материал по следующим причинам: (1) они представляют собой попытку

²⁰⁰ Ollikainen A. Op. cit. P. 35.

²⁰¹ Ollikainen A. Op. cit. P. 41-42.

²⁰² Ollikainen A. Op. cit. P. 42-43.

²⁰³ Caron Y. The Trust in Québec // McGill Law Journal. 1980. Vol. 25 No. 4. P. 421-444.

осмысления конструкции общего права посредством цивилистических конструкций и в рамках принципов континентального права; (2) из-за скудности нормативного регулирования, которое не раскрывало правовую природу явления, а давало лишь общее (внешнее) описание, напоминающее английский траст, значимость теоретического исследования имела высокое практическое значение.

Примером иного подхода является теория Д. Меттарлина, которая заключалась в том, что право собственности учредителя траста приостанавливается (*suspended ownership*) и на период действия траста возникает особое вещное право на управление трастом (*real right relating to the administration of the property*). При наступлении определенных условий, право собственности переходит к бенефициару, а при ненаступлении особое вещное право прекращается, и полная собственность учредителя восстанавливается²⁰⁴. В качестве недостатка такой теории указывается на её противоречие закону, так как он содержит прямое указание на то, что учредитель передает собственность, соответственно, она не может остаться у него²⁰⁵.

Л. Смит указывает на то, что восприятие траста как обособленного имущественного комплекса (*patrimoine*) характерно для шотландского траста, который он в этом контексте противопоставляет классическому трасту²⁰⁶. На то, что трасты в смешанных и континентальных юрисдикциях образуют патримоний указывают также и другие исследователи²⁰⁷.

Вместе с тем представляются крайне странными попытки таких исследователей прямо противопоставить концепцию патримония олицетворению траста. Так, например, Г. Вархаген указывает на то, что имущество траста не может быть признано юридическим лицом по формальным причинам (из-за отсутствия регистрации) и лишь на этом основании отбрасывает концепцию персонализации имущества траста, а далее использует концепцию патримония для обоснования имущественных приоритетов в рамках концепции траста как простого обязательства²⁰⁸. Делает он это таким образом, как будто-то концепция патримония в действительности не связана с проблемой правосубъектностью, а существующие в рамках неё приоритеты являются чем-то естественным для данной конструкции в отрыве её от правосубъектности. С.Г. Колесникова повторяет данные тезисы и соглашается с ними, несмотря на то что также усматривает только одно возражение против правосубъектности таких трастов – отсутствие их регистрации в качестве корпораций²⁰⁹.

²⁰⁴ Caron Y. Op. cit. P. 429.

²⁰⁵ Caron Y. Op. cit. P. 430.

²⁰⁶ Smith L. D. Op. cit. P. 386.

²⁰⁷ Verhagen H. *Trusts in the Civil Law: Making Use of the Experience of "Mixed" Jurisdictions* // *European Review of Private Law*. 2000. Vol. 8. No. 3. pp. 477-498.; Reid K. Op. cit.; Колесникова С. Г. О проникновении института доверительной собственности (траста) в систему романо-германского права // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2007. № 5(274). С. 29-40.

²⁰⁸ Verhagen H. Op. cit. P. 492-496.

²⁰⁹ Колесникова С. Г. Указ. соч. С. 35, 39.

В доктрине отмечается, что первым предложил воспринимать имущество траста в качестве отдельного имущественного комплекса, не имеющего собственника (*patrimoine affecté*), французский исследователь П. Леполь²¹⁰ и, что более важно, позднее именно он предложил считать траст ординарным юридическим лицом²¹¹. Однако первый тезис о том, что траст образует патримоний, но не является юридическим лицом, важно понимать в контексте соответствующей публикации П. Леполя, который в начале работы довольно подробно рассматривает проблему фиктивности юридического лица и высказывается в поддержку теории целевого имущества, а также после фразы «траст – обособленный патримоний, но не юридическое лицо» делает оговорку, что в континентальной системе права понятие «лицо» играет важную роль, но является не более чем удобным приемом, оправданным лишь постольку, поскольку он полезен²¹².

Таким образом, на наш взгляд, возражения, которые приводятся против позиции П. Леполя о том, что траст в континентальной системе права эффективней всего воспроизвести через конструкцию субъекта права, в действительности сводятся к терминологическому разногласию, обусловленному разным целеполаганием. Нам представляется, что всякий раз, когда поднимается вопрос о введении аналога траста, речь никогда не идет о том, чтобы ввести институт, полностью аналогичный трасту во всем его многообразии и теоретическом обосновании. Объясняя специфику траста при его сравнительно правовом исследовании Д. Греттон справедливо отмечает, что функционал траста не может быть однозначно идентифицирован, поэтому что траст является функционально разнообразным: «трасты – это квази-доходы, квази-узуфрукты, квази-завещания, квазикорпорации, квазиценные бумаги, схемы коллективного инвестирования, механизмы управления банкротством, механизмы заимствования и т. д.»²¹³. В этом смысле траст представляет собой скорее специфическую форму, а не функциональное содержание.

Во-первых, потому что это невозможно без восприятия права справедливости как подсистемы права²¹⁴. Здесь необходимо оговориться, что под восприятием права справедливости мы подразумеваем не восприятие специфического характера фидуциарных обязательств, органичность которых континентальному праву обоснована А.Д. Рудоквасом²¹⁵, а придание

²¹⁰ Caron Y. Op. cit. P. 431

²¹¹ Lepaule, "La Notion de 'trust' et ses applications dans les divers systemes juridiques", in Unidroit, Actes du congrès international de droit privé (1951), vol. 2, 206. приводится по Caron Y. Op. cit. P. 431.

²¹² по Caron Y. Op. cit. P. 431

²¹³ Gretton G. Op. cit. P. 599

²¹⁴ См., например, Багаев В.А. Функциональный метод и сравнение английского и российского вещного права // Закон. 2021. № 1. С. 78.

²¹⁵ Рудоквас А.Д. Континентальные трасты» и концептуализация «фидуциарных обязательств» в цивилистической традиции / Вопросы частного права : сборник статей к 50-летию юбилею А. А. Павлова / составители и ответственные редакторы : А. Г. Карапетов, Т. А. Саргсян. – М. Статут. 2023. С. 284-306

абсолютного характера относительно правоотношениям между бенефициаром и трасти. Вторых, что возможно более важно, в действительности не стоит цели привнести в правопорядок траст во всем его многообразии, а стоит цель ввести только одну или несколько конструкций, которые в иных правопорядках образуются путем траста.

Континентальные правопорядки, включая российский, например, не пытаются воспроизвести в рамках фидуции или доверительного управления такие конструкции, которые называются подразумеваемый траст (implied trust или imputed trust), а рассматривают аналоги только выраженного траста (express trust). Подразумеваемый траст возникает тогда, когда никакое из лиц прямо не выражает волю на создание траста и не заключает никакой договор по этому поводу. Примерами таких подразумеваемых трастов (constructive trust) могут быть: (1) «совместное» имущество пар, не состоящих в браке, когда один из партнеров обогащается за счет другого (Supreme Court of Canada in *Pettkus v Becker*); (2) или суд усматривает возникновение фидуциарных обязанностей между коммерческими организациями, когда они объединяются для совместной деятельности (Canadian case *LAC Minerals Ltd v International Corona Resources Ltd*); (3) заключение агентом договора в собственных интересах, когда он изначально действовал в интересах клиента, (4) имущество приобретенное на средства от взятки (decision of the Privy Council in *A-G for Hong Kong v Reid*), позволяет получить приоритетные требования в отношении имущества, получившегося в результате смешения этого имущества с другим имуществом²¹⁶.

Для решения подобных вопросов континентальным порядком не требуется создавать функциональный аналог траста, так как в континентальном правопорядке есть свои достаточно эффективно действующие институты версионного и кондикционного исков²¹⁷.

В подтверждение данного тезиса может быть приведена «Конвенция о праве, применимом к доверительной собственности и ее последующем признании» (далее – «Гаагская конвенция о трастах»), так как в статье 3 данного документа прямо зафиксировано, что она применяется только к трастам, созданным в добровольном порядке и в письменной форме. В том время как «конструктивный траст – это формула, в которой находит свое выражение совесть справедливости. Если имущество было приобретено при таких обстоятельствах, что обладатель правового титула не может с чистой совестью сохранить бенефициарный интерес, справедливость превращает его в доверительного собственника»²¹⁸.

Все примеры трастообразных конструкций в континентальном праве направлены на достижение только двух функций: управления имуществом профессионалом или, во всяком

²¹⁶ Sukhninder P. Op. cit. P. 364-366.

²¹⁷ Так, например, критерии возникновения constructive trust в деле *Sorochan v Sorochan* в точности повторяют критерии неосновательного обогащения по российскому праву, хот в других делах они могут отличаться по: Sukhninder P. Op. cit. P. 364-367.

²¹⁸ Sukhninder P. Op. cit. P. 362.

случае, тем лицом, которое должно справиться с этим лучше, чем бенефициар/учредитель управления; обособления имущества с той или иной степенью. Представляется, что именно о таком наборе функций пишет А.Д. Рудоквас, предлагая «закрепить целевое назначение определенного имущества»²¹⁹, а не о тех функциях, которые выполняет подразумеваемый траст. Поэтому речь и не идет о полном аналоге траста, а только о его отдельных функциях, которые и целесообразно реализовать через конструкцию субъекта. Более того, нет в континентальных правовых порядках никакого риска, связанного с тем, что траст будет разрушен как самостоятельный институт, так как в них он не только не существует, но и для его существования нет никакой основы. Целью континентального права является создание собственных конструкций, которые бы выполняли отдельные функции траста и вписывались в систему права, были бы обоснованными доктринально и обладали предсказуемым регулированием на практике.

Более того нет никакой уверенности, что с вышеобозначенным набором функций траст общего права может справиться лучше, чем его континентальные аналоги, особенно учитывая, что, как пишет М. Лупой, траст является таким же непоследовательным, как все английское частное право, но в этом и заключается его сила²²⁰. Представляется, что при встраивании непоследовательного института в относительно стройную систему континентального права вся имеющаяся его сила может быть утрачена.

Также следует отметить, что даже в рамках общего права выдвигаются предложения по реформированию траста и приданию ему правосубъектности (придание статуса сущности без придания статуса лица). Среди предпосылок для этого указывается на то, что для обывателя создается иллюзия, что, вступая в отношения с трастом, он претендует именно на имущество траста, а управляющий действует в качестве агента траста²²¹. Также указывается на недостаток подтверждающего имущественного обособления при банкротстве управляющего и предлагается наделять приоритетом требования кредиторов траста в отношении трастового имущества²²².

Таким образом, на наш взгляд, в настоящий момент, в силу специфики отношений с кредиторами (все обязательства «траста» являются личными обязательствами управляющего) предопределенными особым пониманием обязательства в рамках подсистемы права справедливости, оснований для правосубъектности траста в общем праве действительно нет, однако трастоподобные конструкции в континентальных и смешанных юрисдикциях следует по общему правилу реализовывать через конструкцию правосубъектного образования, как это

²¹⁹ Рудоквас А.Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии / Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сборник статей к 50-летию А.О. Рыбалова / отв. ред. К.И. Карачкова; науч. ред. А.Д. Рудоквас. Москва: Статут, 2023. С. 175.

²²⁰ Lupoi M. Op. cit. P. 24.

²²¹ Rights of Creditors Against Trustees and Trust Funds. Consultation Paper issued in 1997 by the English Trust Law Committee. URL: <https://www.ucl.ac.uk/laws/sites/laws/files/tlccreditorsrightsagainsttrusteesreport.pdf> (дата обращения: 01.06.2024).

²²² Там же.

предлагают П. Леполь и И. Кэрон. В целом это допускает и Л. Смит с той оговоркой, что такую конструкцию нельзя считать полноценным аналогом траста.

§ 5. Функции защитного и подтверждающего обособления

Нами обосновано, что институты правосубъектности и юридического лица носят вспомогательную функцию, а сущностную функцию выполняет имущественная обособленность и её частный случай – ограниченная ответственность. Особенно учитывая, что юридическое лицо может не обладать ограниченной ответственностью: «ограниченная ответственность предполагает создание отдельного субъекта (в самом широком смысле этого слова). Однако она не вытекает из создания такого субъекта и не является его следствием»²²³, представляется важным осветить, какие функции выполняют защитное и подтверждающее обособление сами по себе.

Проблема ограниченной ответственности как таковая не является предметом широкого изучения в отечественной доктрине. Функции подтверждающего имущественного обособления, а также слабого защитного имущественного обособления, которые возникают при обособлении сущностей, за исключением некоторых тезисов работ Е.И. Червец²²⁴, являются вовсе не изученными в отечественной доктрине. Вместе с тем именно эти аспекты имущественного обособления были хорошо изучены Г. Хансманом и Р. Краакманом, а также другими зарубежными исследователями, что обуславливает значительную степень реферативности настоящего параграфа, который, однако, важен для понимания результатов исследования в целом.

Также следует отметить, что чуть большей изученностью в отечественной доктрине, в первую очередь благодаря Р.С. Бевзенко, обладает проблема подтверждающего обособления и его оправданности, которая возникает в случае установления залога²²⁵.

Под функциями имущественного обособления предлагается понимать те преимущества, которые использование данных конструкций придает гражданскому обороту с точки зрения справедливых и обоснованных решений. Как и любое другое правовое средство, имущественное обособление связано с недостатками, некоторые из которых присущи данному институту как таковому, а некоторые просто создают благоприятную почву для злоупотреблений.

²²³ Kuntz T. Asset Partitioning, Limited Liability and Veil Piercing - Review Essay on Bainbridge/Henderson, Limited Liability // *European Business Organization Law Review*, Forthcoming. 2017. P. 8

²²⁴ Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. С. 31.

²²⁵ Бевзенко Р. С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: Очерк догмы, теории и политики права // *Вестник гражданского права*. 2017. Т. 17, № 4. С. 10-44.

При рассмотрении того, с какими преимуществами и недостатками связано имущественное обособление, мы осознанно вынесем за скобки два аспекта:

1. **Преодоление имущественной обособленности.** Различные способы преодоления имущественной обособленности: прокалывание корпоративной вуали, практика привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности при банкротстве организации и другие аналогичные инструменты, которые позволяют в качестве исключения из общего правила получить доступ к личным активам. На наш взгляд, наличие подобных средств доступа к личным активам участников корпораций никак не подвергает сомнению факт обособленности имущества данных организаций. Прокалывание корпоративной вуали связано с тем, что фактически никакого самостоятельного юридического лица не было, а создавалась лишь видимость разделения активов. Субсидиарная ответственность, на наш взгляд, представляет собой самостоятельную ответственность за причинение вреда. Поскольку данные вопросы в целом достаточно изучены в отечественной доктрине, то мы не будем рассматривать данный аспект.

2. **Проблема недобровольных кредиторов.** Проблема имущественной обособленности и ограниченной ответственности в контексте вопроса об ответственности перед недобровольными кредиторами. Основной причиной самостоятельного рассмотрения данной проблемы является то, что большинство аргументов в пользу имущественного обособления применимы только к договорным (добровольным) кредиторам. Более того, на наш взгляд, решение об имущественном обособлении в отношениях с договорными кредиторами не обязательно должно быть в точности таким же и при решении вопроса о недобровольных (в первую очередь деликтных кредиторах). Поскольку данный вопрос представляет самостоятельную проблему, то он будет рассмотрен отдельно.

5.1. Преимущества подтверждающего и защитного обособления

Р. Познер рассматривает исключительно феномен ограниченной ответственности и те эффекты, которые он дает, но не учитывает, какие функции при этом может выполнять подтверждающее обособление и слабая форма защитного²²⁶. Следует отметить вклад Г. Хансмана и Р. Краакмана в разработку экономико-правового обоснования феномена подтверждающего имущественного обособления. Если все экономические выгоды существования сильной формы защитного имущественного обособления (ограниченной ответственности) уже были достаточно подробно изучены, то обратной стороне имущественного обособления не было уделено так много внимания.

²²⁶ Познер Р. Указ. соч. С. 521-551.

Поскольку, как правило, любое обособление связано с порядком ответственности перед кредиторами – конструкции защитного и подтверждающего обособления, которые предполагают установление приоритета в отношении определенного имущества для различных кредиторов, то и функции будут прямо связаны с такими приоритетами. Г. Хансман, Р. Краакман и Р. Сквайер выделяют 6 преимуществ, которые даёт подтверждающее имущественное обособление, при это слабая форма имущественного обособления даёт только первые 3 из них, а сильная все 6: (1) снижение информационных издержек кредитора, (2) снижение агентских издержек менеджмента, (3) снижение административных расходов на банкротство, (4) защита ценности действующего предприятия, (5) накопление капитала и диверсификация активов, (6) обеспечение оборотоспособности долей/акций²²⁷.

Снижение транзакционных издержек представляет собой основную функцию имущественного обособления. Однако то снижение транзакционных издержек, которое Р. Познер упоминает применительно к ограниченной ответственности (сильному защитному обособлению), и снижение транзакционных издержек, которое выделяют Г. Хансман и Р. Краакман применительно к подтверждающему обособлению обладают совершенно разным содержанием. Р. Познер говорит в первую очередь о снижении транзакционных издержек за счет того, что ограниченная ответственность является стандартным договорным условием, которое действует по умолчанию и тем самым в большинстве случаев снижает издержки на согласование данного условия²²⁸.

В действительности реальное снижение транзакционных издержек происходит за счет снижения расходов на проверку и мониторинг финансовой состоятельности контрагента и несмотря на то, что, по мнению Г. Хансмана и Р. Краакмана, эта функция достигается в большей степени за счет подтверждающего обособления²²⁹, на самом деле в одинаковой мере выполняют как защитное, так и подтверждающее обособление, в зависимости от того, чьё финансовое состояние интересует конкретного кредитора (личное или бизнеса).

При этом большую часть положительного эффекта можно получить, имея даже слабую форму имущественной обособленности, т.е. простой приоритет. Поскольку если у кредитора общества есть приоритет над всеми личными кредиторами при обращении взыскания на имущество общества, то ему достаточно отслеживать только платёжеспособность самого общества, а рост задолженности перед личными кредиторами не оказывает на него прямого негативного эффекта, так как свою часть он получит в приоритетном порядке.

²²⁷ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1344-1350

²²⁸ Познер Р. Указ. соч. С. 521-551

²²⁹ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1346

Вместе с тем нельзя утверждать, что личное состояние участника общества вовсе безразлично для кредитора бизнеса по следующим причинам: во-первых, при слабой форме защитного обособления личные кредиторы (даже имея меньший приоритет требований) могут инициировать процедуру банкротства бизнеса, что может негативно повлиять на отношения, которые были запланированы в качестве долгосрочных, во-вторых, кредитор может вступить в отношения с бизнесом, беря в расчет, в том числе и личное имущество владельца. Данные риски полностью могут быть устранены за счет придания сильной формы подтверждающего обособления. Однако второй аспект может сохраниться, если кредитор получит личное обеспечение владельца.

При этом, как справедливо отмечает Р.С. Бевзенко, ссылаясь на исследование, проведенное Дж. Фрэнксом и О. Суссманом, мониторинговая концепция проявляет свою несостоятельность в том, что в более чем половине случаев кредитные организации требуют предоставления личного обеспечения, фактически отказываясь от преимущества в виде снижения мониторинговых трансакционных издержек²³⁰. Таким образом, имущественное обособление в этой части имеет обратную сторону, недостатки от которой зачастую перевешивают преимущества.

Снижение агентских издержек заключается в том, что для кредитора является более предсказуемой с точки зрения последствий конструкция, при которой менеджер каждого предприятия может связывать имущество долгами только применительно к своему обособленному предприятию, не затрагивая другие предприятия с теми же участниками. Данная функция позволяет сбалансировать риски владельца предприятия, которые возникают у него в тех ситуациях, когда происходит разделение владения и управления (данная функция будет рассмотрена далее)²³¹.

Снижение административных расходов при банкротстве заключается в том, что поскольку банкротство одного отдельного предприятия не влияет на другие, то оно может проще и эффективнее пройти процедуру банкротства²³². Две вышеуказанные функции авторы приписывают подтверждающему обособлению, однако поскольку в приводимых авторами примерах описывается не обособленность имущества предприятия от личного имущества его участников, а обособленность нескольких предприятий между собой, то представляется предельно очевидным, что когда мы говорим о разных группах бизнес-кредиторов, обособленность между ними одинаковым образом может достигаться как путем подтверждающего, так и защитного обособления.

²³⁰ Бевзенко Р. С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением. С. 18

²³¹ Там же.

²³² Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1346-1348

Вместе с тем в данном контексте необходимо отметить, что в настоящий момент достаточно популярным направлением исследований является обоснование возможности банкротства группы компаний, поскольку предполагается (вполне обосновано), что без такого инструмента бывает крайне затруднительно защитить интересы кредиторов надлежащим образом²³³. Таким образом, несмотря на очевидный тезис об удобстве отдельного банкротства, это прямо влечет и соответствующие издержки.

Действительно, специфической функцией подтверждающего обособления является **сохранение стоимости действующего предприятия**, которая выполняется посредством установления защиты от ликвидации, что характерно для сильной формы подтверждающего обособления. Защита от ликвидации предполагает невозможность личных кредиторов предъявлять требования непосредственно к имуществу предприятия или инициировать ликвидацию данного предприятия с целью получения доступа к его имуществу. При наличии защиты от ликвидации личные кредиторы могут обратиться с взысканием на доли/акции и далее реализовать эти права в тех пределах, которые допускаются действующим законодательством.

Все вышеуказанные функции в итоге должны приводить к снижению стоимости кредита в самом широком смысле.

Накопление капитала и диверсификация инвестиций. Если Р. Познер, говоря об ограниченной ответственности, указывал на косвенные негативные последствия различного уровня благосостояния акционеров – предположение о том, что при неограниченной ответственности кредиторы предприятия будут предъявлять требования к наиболее состоятельным акционерам, то Г. Хансман и Р. Краакман обращают внимание на то, что более критичное и непосредственно затрагивающее интересы акционеров негативное обстоятельство несостоятельности отдельных акционеров устраняет именно подтверждающее обособление (особенно в сильной форме), так как при отсутствии последнего состоятельные акционеры не только несли бы риск повышенной опасности предъявления к ним требований кредиторов предприятия, но и стоимость их акций/долей прямо и непосредственно была бы связана с состоятельностью других акционеров, личные кредиторы которых могли бы предъявлять требования к имуществу предприятия²³⁴.

Оборотоспособность акций. Р. Познер утверждал, что ограниченная ответственность необходима для того, чтобы акции могли отчуждаться без согласия других акционеров, так как

²³³ Напольская П. В. Банкротство группы компаний: future is coming // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 10. С. 132-157.; Карелина С. А. Признаки группы компаний в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): проблемы правовой регламентации // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 4(56). С. 10-18.

²³⁴ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1353

именно она помогает устранить риски, связанные с платежеспособностью самого акционера²³⁵. Социальным последствием этого является то, что ограниченная ответственность позволяет осуществлять инвестиции лицам, различным по своему достатку, так как более состоятельные акционеры не чувствуют в отношении себя повышенную угрозу предъявления требований кредиторов. П. Халпер, однако, отмечает, что даже в ситуации неограниченной ответственности рынок акций может существовать, однако в таком случае изменится его структура – стоимость акций в значительной мере будет определяться платежеспособностью акционеров²³⁶.

Вместе с тем Г. Хансман и Р. Краакман верно указывали, что в действительности неограниченная ответственность позволяет добиться **высокой оборотоспособности акций** (включая возможность отчуждения без согласия других акционеров), а именно наличие подтверждающего обособления в сильной форме. Тем более, что, по мнению авторов, ограниченная ответственность не является необходимым элементом, а её функции могут быть выполнены более слабой формой защитного обособления – пропорциональной ответственностью²³⁷. При пропорциональной ответственности платежеспособность других акционеров действительно не влияет на объем возможного взыскания, каждый участник отвечает только в своей части, однако пропорциональная ответственность сохраняет следующие недостатки, которые устраняет ограниченная ответственность: (1) при пропорциональной системе в заведомо более опасном положении находятся мажоритарные участники, так как именно к ним будут обращаться кредиторы в первую очередь, в то время как попытки взыскать что-то с миноритариев не будут оправданы с точки зрения затрат на взыскание; (2) именно ограниченная ответственность позволяет привлекать большие инвестиции, так как даже при пропорциональной ответственности существует риск возникновения неограниченных по объему убытков от инвестиций.

Еще одной специфической функцией ограниченной ответственности **является более удачное распределение финансовых рисков**. Ограниченная ответственность является не средством устранения риска дефолта предприятия, а средством перенесения данного риска на кредиторов, что является более справедливым и сбалансированным решением²³⁸. Перенесение риска на кредитора является более оправданным, так как при такой ситуации каждый из участников и акционеры, и кредиторы имеют ограниченную ответственность и четко осознают границы своих рисков. Кредиторы (особенно банки) всегда могут диверсифицировать свои

²³⁵ Познер Р. Указ. соч. 531

²³⁶ Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. An Economic Analysis of Limited Liability in Corporation Law // University of Toronto Law Journal. 1980. Vol. 30. No. 2. P. 118.

²³⁷ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1350

²³⁸ См., например, Easterbrook F. H., Fischel D. R. Limited Liability and the Corporation // The University of Chicago Law Review. 1985. Vol. 52(1). P. 89–117.; Posner R.A. The Rights of Creditors of Affiliated Corporations // University of Chicago Law Review. 1975. Vol. 49 No. 3., Познер Р. Указ. соч. С. 531.

риски, в то время как акционеры без ограничения их ответственности никак не могли бы осуществить такую диверсификацию. Вместе с тем альтернативой ограниченной ответственности может быть страхование личной ответственности, поскольку в таком случае риск неплатежеспособности общества переносится на страховую компанию. Исследователи, проводя экономический анализ ограниченной ответственности, указывают, что в действительности, кто бы не принимал риск, принятие этого риска всегда является «платным» и так или иначе закладывается в сумму сделки²³⁹.

Ограниченная ответственность представляет собой лишь общее правило, и акционеры могут отказаться от неё, с целью удешевления кредита путем предоставления личного обеспечения.

Ограниченная ответственность может рассматриваться как подразумеваемое условие о страховании внутри коммерческого договора, так как оно предполагает принятие контрагентом на себя части риска, который лежит на должнике²⁴⁰. При этом некоторые авторы утверждают, что в определенных случаях кредиторы являются более подходящими и дешевыми «страховщиками», чем профессиональный страховщик, так как в большей степени осведомлены о специфике своей индустрии. При этом в качестве кредиторов рассматриваются в том числе сотрудники, так как они лучше страховой компании осведомлены о происходящем на предприятии²⁴¹.

В дополнение к указанным преимуществам также указывается, что ограниченная ответственность делает возможным осуществление вложений в высокорисковые проекты²⁴².

Также необходимо отметить, что ограниченная ответственность, помимо собственных преимуществ, которые она непосредственно предоставляет, также помогает избежать достаточного количества сложностей, которые могли бы возникнуть в её отсутствие: (1) невозможность установить справедливый и эффективный способ реализации солидарной или даже пропорциональной ответственности в ситуации с большим количеством участников общества, (2) определение круга лиц, которые несут субсидиарную ответственность по долгам предприятия в публичных обществах и др.

К позитивным свойствам имущественной обособленности, на наш взгляд, также следует отнести **справедливое распределение рисков случайной гибели имущества**. Данная функция наиболее ярко может быть проиллюстрирована при сравнении модели ответственности наследников наследственным имуществом и в пределах стоимости наследственного имущества. Несмотря на то, что в момент открытия наследства данные модели имеют идентичное денежное

²³⁹ Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. Op. cit. P. 129.

²⁴⁰ Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. Op. cit. P. 138.

²⁴¹ Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. Op. cit. P. 139

²⁴² Kuntz T. Op. cit. P. 1.

выражение, в процессе итоговый результат может стать разным. Если ответственность строится в пределах наследственного имущества, то риск гибели данного имущества будет лежать на кредиторах наследодателя, а не на наследнике и его личных кредиторах, в то время как вторая модель (ответственность в пределах стоимости на момент открытия) не предполагает обособления имущества, и следовательно, риск гибели данного имущества полностью лежит на наследнике и равномерно распределяется на кредиторов наследодателя и личных кредиторов наследника.

5.2. Недостатки подтверждающего и защитного обособления

Имущественное обособление имеет и обратную сторону, которая представлена набором недостатков или трудностей, которые им вызваны. Г. Хансман и Р. Краакман приводят следующий набор недостатков: (1) оппортунизм должника – возможность произвольного перемещения активов между различными пулами имущества. Данная проблема особенно актуальна в отношении компаний одного лица и с увеличением числа участников фактически утрачивается, (2) повышение правоприменительных и административных издержек, так как контроль за перемещением активов между разными пулами, а также недобросовестное использование юридических лиц, требуют средств борьбы с ними, и такие средства борьбы не обладают высокой степенью предсказуемости их применения, (3) сложность личного банкротства при слабой форме имущественного обособления, так как при предъявлении требований личного кредитора к общему имуществу необходимо сразу же определить его достаточность и понять, можно ли за его счет удовлетвориться или необходимо открывать банкротство предприятия, (4) диверсификация требований кредиторов (имеется в виду, что когда отсутствует разделение активов и несколько предприятий образуют одну общую массу, доступную для взыскания, то получается, что эта масса в большей степени диверсифицирована), (5) неликвидность инвестиций, которая применима к миноритарным владельцам неторгуемых акций/долей (миноритариям тяжело получить свою долю), (6) эксплуатация контролирующими лицами²⁴³.

Выделение трех последних недостатков представляется нам несколько странным: (1) диверсификация требований кредиторов в действительности имеет место только в тех ситуациях, где бизнес должника реально диверсифицирован, а это, как правило, свойственно только крупным компаниям, которые в большинстве случаев, и так являются достаточно надежными должниками. Более того, диверсификация рисков договорных кредиторов происходит за счет того, что они имеют не одного контрагента, от которого зависит их деятельность, а несколько; (2) затруднительное положение миноритариев, с одной стороны, и, наоборот, концентрация всех

²⁴³ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Law and the Rise of the Firm. P. 1350-1354.

рычагов управления в руках контролирующих лиц не являются какими-то специфическими негативными последствиям имущественной обособленности. Данные проблемы сохранились бы, и если бы обособления не происходило, поэтому они, на наш взгляд, являются прямыми следствиями возможности непаритетного участия как такового.

Основными, на наш взгляд, негативными следствиями имущественного обособления являются: недобросовестное или просто крайне неэффективное разделение активов – рост сложных структур, в том числе с прямой целью сокрытия имущества от личных кредиторов. Естественно, что современные правовые порядки используют различные средства борьбы с таким поведением, однако сами эти средства, как правило, имеют достаточно абстрактные критерии и правила применения и поэтому не обеспечивают желаемого уровня предсказуемости, который позволяли бы полагаться на них при оценке рисков.

Также одну из проблем представляет проблема риска небрежности (*moral hazard*), хотя он в большей степени проявляется по отношению к недобровольным кредиторам, так как может быть связан с причинением вреда из-за недостаточного инвестирования в безопасность, всё же может затронуть и договорных кредиторов. Особенно если деликтные кредиторы будут иметь приоритетные требования при банкротстве, как это частично реализовано в российском праве. Указывается на то, что в большей степени влиянию данного риска подвержены именно небольшие компании²⁴⁴.

Сильные формы подтверждающего обособления могут существенно ухудшить положение личных кредиторов, если они будут использоваться исключительно для сокрытия имущества²⁴⁵. В сущности, это частный случай оппортунизма должника, который со времен римского права представлял проблему, которая не находила однозначного решения: с одной стороны, отсутствие у кредиторов наследника права на сепарацию имущества объяснялось тем, что любой должник всегда может ухудшить положение своего кредитора, приняв на себя новый долг (*D. 42.6.1.2*), но, с другой стороны, отсутствие подтверждающего обособления у имущества пекулия можно было бы объяснить страхом перед оппортунизмом отца семейства – боязнью, что он может передать всё имущество в пекулий для сокрытия его от взыскания по долгам личных кредиторов²⁴⁶.

Вместе с тем, на наш взгляд, использование конструкции юридического лица для сокрытия личного имущества от личных кредиторов может проявиться только в незначительном количестве случаев: во-первых, это имеет смысл только тогда, когда личные кредиторы по тем или иным причинам не могут обратить взыскание на доли/акции должника, во-вторых, если возможность обращения присутствует, то у должника нет особых рациональных стимулов к

²⁴⁴ Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. *Op. cit.* P. 148.

²⁴⁵ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. *Law and the Rise of the Firm.* P.1351-1352.

²⁴⁶ Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве. С. 86.

передаче имущества в юридическое лицо, так как единственным результатом будет понижение приоритетности требований личных кредиторов, что для должника само по себе не влечет никакой выгоды.

Как указывалось выше, ограниченная ответственность как стандартное договорное условие служит цели снижения транзакционных издержек. Вместе с тем встречается и противоположная точка зрения, которая заключается в том, что по умолчанию должен действовать режим неограниченной ответственности, а об ограниченной ответственности каждый раз нужно договариваться, во всяком случае, если речь идет об ответственности компании с небольшим количеством участников, а не публичной компании²⁴⁷.

В большинстве случаев, когда происходит обособление имущества по модели сущности, возникает симметричное обособление, так как каждая из групп кредиторов получает в том или ином виде приоритет своих требований в отношении определенного имущества, поэтому такое обособление в целом не вызывает вопросов с точки зрения справедливости такого режима как такового. Однако в случаях с обеспечительными конструкциями и некоторыми организационно-правовыми формами возникает ассиметричное обособление – приоритеты получает только одна группа кредиторов, фактически в ущерб интересам остальных кредиторов.

Применительно к приоритетам, возникающим при залоге, данный вопрос рассматривался Р.С. Бевзенко, который пришел к выводу, что установление такого приоритета будет несправедливым по отношению к некоторым группам кредиторов: последующим добровольным кредиторам, которые не знали о наличии установленных обеспечений, а также недобровольным кредиторам, которые не имеют альтернативных механизмов защиты (например, не защищены страхованием)²⁴⁸. С целью устранения возникающей несправедливости правопорядки, включая российский, устанавливают различные механизмы сглаживания такой ситуации: обязательно страхование, ограничение действия приоритета применительно к отдельным группам кредиторов, установление процента от стоимости заложенного имущества для удовлетворения требований таких кредиторов и др.

Вместе с тем в качестве дополнительного механизма выравнивания баланса интересов между обеспеченными и необеспеченными кредиторами также может быть рассмотрен подход, предлагаемый Р. Сквайером, который заключается в переходе от ассиметричного обособления при залоге к симметричному. Симметричное обособление предполагает (помимо установления приоритетов залоговых кредиторов в отношении заложенного имущества) также установление приоритетов незалоговых кредиторов в отношении имущества, не являющегося предметом

²⁴⁷ Halpern P., Trebilcock M., Turnbull S. Op. cit. P. 148-149.

²⁴⁸ Бевзенко Р. С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением. С. 25.

залога²⁴⁹. Не смотря на то что аргументы, приводимые им, сами по себе не вызывают какие-либо возражений и видятся вполне обоснованными, представляется, что полный переход к такой модели требует разрешения вопроса с «частичным» обеспечением, т.е. такими ситуациями, когда размер обеспечения сильно меньше размера обеспечиваемого обязательства. Нам кажется, что в такой ситуации симметричное обособление будет значительно ухудшать положение залогового кредитора. Полагаем, что данный вопрос требует дополнительного самостоятельного изучения.

5.3. Проблема недобровольных кредиторов

Проблема ограниченной ответственности перед недобровольными кредиторами стоит особняком, так как все приведенные аргументы, не только обосновывающие полезность ограниченной ответственности, но и её природу как стандартного договорного условия, со всей очевидностью, не могут быть распространены на недобровольных кредиторов. Как было указано выше, основным аргументом в пользу ограниченной ответственности является её справедливость, так как все участники почти всегда осознают предельный объем средств, которыми они рискуют, вступая в договорные отношения. Если исходить из экономической рациональности поведения таких участников, то каждый из них в зависимости от степени риска закладывает стоимость этого риска в цену, т.е. получает компенсацию за принятие такого риска. Более того, договорные кредиторы фактически могут самостоятельно регулировать баланс между рисками и потенциальным вознаграждением, в то время как недобровольные кредиторы, как правило, возможности получить компенсацию за риск лишены.

Г. Хансман и Р. Краакман указывают на следующие проблемы, с которыми связано существование ограниченной ответственности за деликты: (1) Использование корпоративных структур крупными компаниями для выделения потенциально опасных видов деятельности в отдельные юридические лица с целью минимизации возможных потерь²⁵⁰, (2) повышение рисков причинения вреда из-за безрассудного поведения (*moral hazard*)²⁵¹.

5.3.1. Недобровольные кредиторы

Круг лиц, которые могут быть отнесены к недобровольным кредиторам, и причины, по которым они могут быть к ним отнесены, являются разнообразными, поэтому для целей определения баланса интересов простого указания на то, что недобровольными кредиторами являются любые «недоговорные» кредиторы, недостаточно. По-разному может быть оценено положение работника, которому причинен вред, и случайного лица, которому также причинен вред, а также лица, в результате действий которого обогатилось другое лицо, которое потом не

²⁴⁹ Squire R. Op. cit.

²⁵⁰ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts. P. 1881.

²⁵¹ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts. P. 1889.

смогло в полной мере удовлетворить требование о неосновательном обогащении. Также и договорные кредиторы могут быть значительно ограничены не только в возможности согласования условий, но и в целом в свободе выбора контрагента.

Данный вопрос достаточно подробно рассмотрен В.И. Григорьевым²⁵², поэтому мы не будем подробно на нем останавливаться, а лишь оговоримся о том, что мы полагаем целесообразным рассматривать в качестве недобровольных кредиторов только деликтных кредиторов (вне зависимости от того, связывали ли их какие-то договорные отношения с причинителем вреда). Сложность, однако, как отмечают Р. Краакман и Г. Хансман, могут вызвать те случаи, когда вред причинен услугой/товаром, в отношении которого приобретатель/заказчик понимал или должен был понимать наличие риска причинения вреда²⁵³. Мы, также как и В.И. Григорьев, не видим никаких политико-правовых и экономических оснований, чтобы в контексте недобровольных кредиторов рассматривать налоговые требования и требования в рамках публичной ответственности²⁵⁴.

Р. Познер указывает, что недобровольные кредиторы в некоторых случаях также получают некоторую компенсацию за несение подобного риска, например, премия за несения риска получения увечий на производстве при ограниченной ответственности работодателя может быть уже заложена в заработную плату²⁵⁵. Однако нам представляется, что такая форма устранения негативных последствий неадекватна характеру отношений, так как представляет собой страхование наоборот: работодатель выплачивает «премию» работнику, чтобы переложить на него риск собственной неплатежеспособности в случае причинения вреда работнику, который не факт, что может правильно обеспечить защиту своих интересов в случае возникновения такой ситуации. В этом смысле концептуально более правильной является осуществление выплаты такой «премии» в пользу страховщика, чтобы именно он покрыл соответствующие издержки (в отечественном праве фактически так это и устроено).

5.3.2. Методологические сложности

Все попытки найти более справедливое решение и хоть как-то обосновать возможность ограниченной ответственности перед недобровольными кредиторами в настоящий момент скорее выглядят как шаги к невозможности однозначного обоснования той или иной позиции с точки зрения экономического анализа права. В связи с этим предлагается продемонстрировать сложность проблемы и возможности обоснования кардинально противоположных решений, а

²⁵² Григорьев В.И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российском законодательстве и доктрине? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 12. С. 162-199.

²⁵³ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts. P. 1921

²⁵⁴ Григорьев В.И. Указ. соч. С. 172-177.

²⁵⁵ Познер Р. Указ. соч. С. 535.

далее перейти к освещению основных аргументов без попыток доказать или опровергнуть каждый из них в отдельности.

Получение удовлетворения от множества должников. Г. Хансман и Р. Краакман предлагают установить в отношении таких требований пропорциональную ответственность акционеров²⁵⁶, С. Байнбрич и Т. Хендерсон указывают, что такой подход связан со значительными издержками, необходимостью получить взыскание с огромного круга акционеров²⁵⁷. Т. Кунтз однако справедливо указывает, что затруднительность получить взыскание со всех акционеров не должна являться препятствием для отказа им в возможности получить удовлетворение со стороны легкодоступных мажоритарных кредиторов, но обращает внимание на другой аспект: большой по объему риск может стать разорительным для акционеров, что станет стимулом для сокращения крупного участия²⁵⁸.

Противоположные результаты одного решения. Ограниченная ответственность за деликты является стимулом одновременно для двух противоположных тенденций: снижение инвестиций в безопасность и общее увеличение инвестиций в такие компании (так как опасность и рисковость объектов повышают потенциальную прибыль, а риски за счет ограниченной ответственности снижаются). Следует, однако, отметить, что возможность обособления активов внутри группы компаний не позволяет добиться положительного эффекта от притока инвестиций, так как инвестиции привлекаются на холдинговую компанию, а ответственность ограничена имуществом выделенной компании²⁵⁹.

5.3.3. Возможные решения

Лучшим решением, которое видят Г. Хансман и Р. Краакман, является система пропорциональной ответственности участников за деликты, главными аргументами в пользу такого решения выступают: (1) справедливость такого решения в отношениях с лицами, которым причинен вред (риски недостаточности обособленного имущества несут не сами пострадавшие, а бенефициары предприятия), (2) справедливое распределение во внутренних отношениях (каждый отвечает только за себя – нет солидарной ответственности), (3) сохраняются стимулы к вложениям в безопасность, и соответственно, не возникает риск *moral hazard*.

Г. Хансман и Р. Краакман осознают, что при отсутствии ограниченной ответственности небольшие компании не смогут осуществлять деятельность, которая связана с высоким риском возникновения большого вреда, однако они в этом видят положительную сторону, связанную с тем, что такие небольшие компании фактически субсидируются жертвами их деликтов и поэтому

²⁵⁶ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts.

²⁵⁷ Kuntz T. Op. cit. P. 12.

²⁵⁸ Kuntz T. Op. cit. P. 12-14.

²⁵⁹ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts. P. 1883

в принципе не имеют права на существование²⁶⁰. Равным образом, по их мнению, неограниченная ответственность поможет сократить число публичных компаний «неконтролируемым менеджментом в рискованных индустриях»²⁶¹.

Проблема определения времени, на которое фиксируется круг обязанных субсидиарно акционеров²⁶². На наш взгляд, попытки Г. Хансмана и Р. Краакмана решить эту проблему выглядят как аргументированный поиск плохого решения из множества ужасных²⁶³.

Более того, в их позиции обнаруживаются и явно ошибочные заключения, например, что неограниченная ответственность позволяет безболезненно понизить приоритетность деликтных кредиторов при банкротстве, так как последние могут претендовать на личное имущество, что, в свою очередь, приведет к удешевлению кредита для самой организации, так как риски договорных кредиторов снизятся, и это отразится на стоимости кредита²⁶⁴. Нам кажется, что такой тезис не учитывает то обстоятельство, что статус личного кредитора может быть хуже, чем статус ординарного кредитора при банкротстве компании.

Особенно учитывая, что они отдают себе отчет в том, что введение неограниченной ответственности будет стимулировать акционеров к использованию схем снижения собственной ответственности за счет сокрытия личного имущества, передачи долей лицам, обладающим низким уровнем собственных активов и др. Однако в последнем они не видят большой проблемы, так как, по их мнению, все эти тактики ухода от ответственности и так используются даже при ограниченной ответственности, а неограниченная ответственность поможет избавиться от самых простых и эффективных тактик создания фиктивных личностей²⁶⁵.

Осознавая большой недостаток своего подхода, связанный с тем, что потенциально он может приводить к ситуациям, когда акционер, обладающий небольшой долей владения (как в процентном, так и абсолютном выражении) может столкнуться с предъявлением к нему требований, существенно превышающих долю его владения и, что более важно, возникших по причинам не находящимся даже отдаленно в сфере его контроля (по причине незначительности корпоративных прав). Г. Хансман и Р. Краакман указывают, что в таких ситуациях судам надлежит в каждом конкретном случае выяснять, какое решение будет справедливым²⁶⁶.

²⁶⁰ Hansmann H. and Kraakman R. *Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts*. P. 1888

²⁶¹ Hansmann H. and Kraakman R. *Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts*. P. 1908

²⁶² Hansmann H. and Kraakman R. *Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts*. P. 1896

²⁶³ Они предлагают использовать критерий появления информации о возможности предъявления деликтных требований, вместо критерия определения момента причинения вреда (так как он не работает когда вред причиняется длительными процессами – дела по асбесту), вместо момента предъявления требований, так как он стимулирует к резкой массовой продаже акций при возникновении какого-то явного события (например, Бхопальская катастрофа) или наоборот приводит к продаже акций лицами информированными о причинении вреда даже, если это не известно широкому кругу лиц.

²⁶⁴ Hansmann H. and Kraakman R. *Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts*. P. 1902.

²⁶⁵ Hansmann H. and Kraakman R. *Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts*. P. 1912.

²⁶⁶ Hansmann H. and Kraakman R. *Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts*. P. 1916-1917.

Вместе с тем указанные авторы также допускают, что альтернативные механизмы снижения негативных последствий неограниченной ответственности за деликты могут в действительности оказаться не менее эффективными, хотя сами они убеждены в том, что пропорциональная неограниченная ответственность – лучший вариант. Они выделяют следующие группы альтернативных подходов: (1) формирование покрытия для ситуаций потенциальной ответственности, (2) возложение персональной ответственности на иных лиц, чем акционеры (фактически на менеджмент) (3) расширение сферы применения доктрины прокалывания корпоративной вуали²⁶⁷.

Р. Познер, вероятно, полагает лучшим решением сохранить ограниченную ответственность, но, осознавая несправедливость такого решения по отношению к недобровольным кредиторам, указывает на то, что государственное регулирование в целом должно принимать меры, направленные на устранение негативных социальных последствий банкротства, и приводит следующие возможные меры: установление требований к допустимому соотношению собственных и заемных средств, ограничения на участие в рискованных предприятиях, введение повышенных требований по аналогии с теми, что установлены для банков²⁶⁸.

Мы согласны с общим подходом, однако конкретные меры, предложенные Р. Познером, представляются спорными, так как действия, направленные на снижение транзакционных издержек, могут привести к неадекватному росту административных издержек. Нам представляется более универсальным механизмом страхование, которое тот же Р. Познер предлагает использовать для опасных объектов²⁶⁹.

Примеры реализации данного подхода обнаруживаются в российском праве, в первую очередь, путем лицензирования определенных видов деятельности и установления обязательного страхования.

Однако более важной нам представляется следующая выдвигаемая ими мысль: «если признать, что акционеры в принципе могут нести личную ответственность за корпоративные деликты, то логично будет использовать общие принципы деликтного права, а не формальности корпоративной структуры, для определения объема их потенциальной ответственности»²⁷⁰. На наш взгляд, проблема деликтных кредиторов является в первую очередь проблемой деликтного права, а не корпоративного.

²⁶⁷ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts. P. 1926.

²⁶⁸ Познер Р. Указ. соч. С. 535.

²⁶⁹ Posner R.A. The Rights of Creditors of Affiliated Corporations // University of Chicago Law Review. 1975. Vol. 43. P. 520.

²⁷⁰ Hansmann H. and Kraakman R. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts. P. 1932.

Ни пропорциональная, ни даже солидарная ответственность участников/акционеров не является гарантией возмещения вреда и в этом смысле жертва причиненного вреда никогда не знает, насколько платежеспособное лицо причинит ему вред.

Ответственность физических лиц также называют ограниченной из-за возможности банкротства²⁷¹, поскольку физические лица отвечают не всем своим имуществом, а только лишь всем имуществом, которое имеется у них в данный момент, а так как они отвечают только своим наличным имуществом, то после банкротства невыплаченная часть долга погашается. Вместе с тем российское законодательство с целью защиты интересов недобровольных кредиторов, как правило, не освобождает физическое лицо от таких долгов после банкротства (ст. 213.28 Закона «О банкротстве»).

Таким образом, мы полагаем, что проблема ответственности перед недобровольными кредиторами как в части вопроса об ограниченной ответственности юридических лиц, так и в части взаимосвязанного с ним вопроса о приоритете требований залоговых кредиторов над требованиями недобровольных кредиторов, являются перспективным направлением для дальнейшего изучения.

§ 6. Иные функции имущественной обособленности

Помимо описанных выше функций, преимуществ и недостатков имущественного обособления в узком смысле, т.е. как защитного и подтверждающего обособления в отношениях с кредиторами, имущественное обособление в широком смысле в силу придания ему специфического правового статуса, не обязательно связанного с ответственностью перед кредиторами, может выполнять и иные функции.

6.1. Разделение обладания и управления

Также имущественное обособление бывает связано с разделением экономической принадлежности объекта и полномочий по управлению им. Наиболее очевидным образом такое разделение происходит при имущественном обособлении юридических лиц. При этом степень обособленности в части управления может значительно варьироваться: на краях данного спектра находятся, с одной стороны, общества, состоящие из одного лица, которое также является генеральным директором, и такое разделение будет чисто формальным, а с другой стороны, командисты и владельцы привилегированных акций полностью утрачивают какой-либо контроль за деятельностью общества, оставаясь бенефициарами деятельности таких организаций.

²⁷¹ Easterbrook F. H., Fischel D. R. Op. cit. P. 90.

Такое разделение в юридических лицах, собственниках своего имущества, как разделение права на получение прибыли и полномочий по управлению представляется естественным. При этом в зависимости от конкретной ситуации передача функций по управлению путем передачи имущества юридическому лицу, может быть даже более важной функцией, чем возникновение имущественного обособления.

Первостепенное значение данная функция должна выполнять в доверительном управлении и некоторых трастах²⁷², а защитное обособление в них выполняет скорее вспомогательную функцию, направленную на защиту интересов бенефициара в первую очередь от действий самого управляющего. Значение защитного обособления имеет наименьшее значение в ситуациях, когда управление устанавливается только для обеспечения сохранности имущества. В таких случаях, однако, большее вспомогательное значение имеет подтверждающее обособление, которое необходимо для защиты бенефициара от самого себя. На значимость функции «защиты от самого себя» также обращает внимание Е.И. Червец²⁷³.

Также разделение полномочий по управлению имуществом и юридической принадлежностью прав происходит в следующих случаях имущественного обособления: общая собственность пайщиков паевого инвестиционного фонда, залог долей участия в ООО, когда права участника передаются залогодержателю.

6.2. Техническое обособление

Как правило, техническое обособление является необходимым условием для существования юридического обособления, вместе с тем в некоторых случаях техническое разделение (обособление) имущества может выполнять самостоятельную роль, которая не приводит к юридическому обособлению, т.е. приданию имуществу какого-либо специфического режима, но имеет юридическое значение.

Техническое обособление может выполнять вспомогательную функцию для целей определения содержания внутренних отношений между сторонами обязательства, например, для целей контроля за целевым использованием пожертвования или средств, предоставленных по целевому займу/кредиту. Аналогичным образом техническое обособление имеет значение для целей определения взаимных обязательств между сторонами договора простого товарищества; для целей определения того, какое имущество является совместным в рамках российского права, а также определения взаимных обязательств супругов в иностранных правовых системах, где вместо режима общности устанавливается так называемый режим отложенной общности; для целей определения обязательств наследника перед кредиторами наследодателя и др. Приведенные

²⁷² Мы безусловно признаем, что фактически данные конструкции могут использоваться не в соответствии с их изначальным смыслом, а только для получения имущественного обособления, в том числе для сокрытия имущества.

²⁷³ Домшенко (Червец) Е. И. Личные фонды: возможности и риски обособления имущества. С. 116.

примеры будут более подробно проанализированы далее в соответствующих разделах исследования.

Техническое обособление может также применяться для целей контроля за деятельностью организаций со стороны правопорядка как такового. Так правопорядок может предписывать создавать различного рода фонды, которые не обособлены для целей ответственности перед кредиторами, но обязанность по поддержанию активов в этих фондах позволяет поддержать общую финансовую устойчивость организации, что имеет благоприятное значение для оборота в целом.

Вместе с тем необходимо отметить, что в некоторых случаях техническое обособление не имеет какого-либо гражданско-правового значения вовсе, например, это касается обособленного учета у филиалов и представительств, а также других случаев, когда оно имеет значение только для целей бухгалтерского и налогового учета.

6.3. Имущественные иммунитеты

Специфический правовой режим, который связан с имущественной обособленностью, присущ также имуществу, в отношении которого установлен имущественный иммунитет. Такой режим установлен в отношении имущества физических лиц (ч. 1 ст. 446 ГПК) и может устанавливаться законом в отношении имущества организаций (ч. 2 ст. 446 ГПК). Характер имущественного обособления в таких случаях, однако не является однородным, поэтому должен быть рассмотрен отдельно.

Что касается имущества физических лиц, указанного в ч. 1 ст. 446 ГПК, оно не может быть описано в категориях защитного и подтверждающего имущественного обособления, так как такой режим не предполагает выделение нескольких групп кредиторов – это режим исполнительного иммунитета, который блокирует принудительный доступ любых кредиторов к такому имуществу. Важно отметить, что каких-либо ограничений на добровольное распоряжение таким имуществом не установлено, поэтому именно такой иммунитет является исполнительским. Исходя из перечня имущества, указанного в соответствующей норме, можно сделать вывод, что установление такого иммунитета имеет ярко выраженную социальную функцию, так как направлено в первую очередь на сохранение за должником минимального объема имущества, необходимого для поддержания жизнедеятельности: «Такое правовое регулирование, запрещая обращать взыскание по исполнительным документам на определенные виды имущества в силу его целевого назначения, свойств и признаков, характеризующих субъекта, в чьей собственности оно находится, обусловлено стремлением федерального законодателя путем предоставления гражданину-должнику имущественного (исполнительского)

иммунитета сохранить ему и лицам, находящимся на его иждивении, условия, необходимые для достойного существования»²⁷⁴.

Конституционный Суд также указывает на конституционно-правовую природу исполнительского иммунитета²⁷⁵. Полагаем, что в этой части следует согласиться с тем, что данный инструмент хоть и непосредственно связан с гражданско-правовыми последствиями, но не имеет под собой никакой другой подоплеки, кроме воли правопорядка на защиту конституционных прав физических лиц прямым запретом на принудительное обращение взыскания на определенное имущество. При этом включение или невключение того или иного имущества в данный перечень может быть предметом юридических дискуссий, которые в настоящий момент происходят, например, применительно к пределам действия иммунитета в отношении единственного жилого помещения.

Имущественный иммунитет в отношении имущества организаций более разнообразен по предпосылкам его установления и характеру действия. Часть иммунитетов имеют схожий характер с иммунитетом физических лиц, так как имеют конституционно-правовые предпосылки установления и делают имущество недоступным для всех кредиторов: имущество богослужебного назначения²⁷⁶, некоторое имущество центров исторического наследия президентов РФ²⁷⁷, права на секретное изобретение (п. 6 ст. 1405 ГК РФ). Такой иммунитет также может быть квалифицирован как исполнительский в полном смысле.

Схожий в некоторых аспектах правовой режим установлен для имущества, в отношении которого установлен запрет на взыскание для всех кредиторов, но он отпадает при недостаточности другого имущества (например, имущество, находящееся в общей собственности, или доли в уставном капитале). Такой иммунитет можно назвать «слабым». Сходство в части имущественного обособления между таким имуществом и имуществом, на которое установлен полный запрет на взыскание (исполнительский иммунитет) заключается в том, что такое обособление, как правило, не предполагает выделения разных групп кредиторов, а также распространяется только на случаи принудительного обращения взыскания. Цель установления таких приоритетов, вероятно, заключается в том, чтобы принудительное обращение взыскания на имущество должника без особой необходимости не становилось проблемой для третьих лиц.

²⁷⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова».

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Ч. 5 ст. 21 Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».

²⁷⁷ Ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 13.05.2008 № 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий».

Слабый имущественный иммунитет в некоторых случаях может также выполнять вспомогательную функцию по отношению к защитному и подтверждающему имущественному обособлению в тех случаях, когда такое имущество (как правило, это доли участия или паи) устанавливает права в отношении обособленного имущества, имеющего своих собственных кредиторов, но так происходит не всегда. Так, например, имущество, находящееся в долевой собственности, доступно кредиторам только при недостаточности иного имущества, при этом такое имущество не имеет собственных кредиторов. Доли участия в ООО также доступны личным кредиторам только при недостатке иного имущества, однако то имущество, которое стоит за правами на доли, имеет собственных кредиторов, которые имеют приоритетные требования в отношении имущества такого общества.

В то же время, применительно к имуществу организаций, в большинстве случаев полный запрет не устанавливается, а имущество резервируется для определенных кредиторов или видов расходов, что приводит к разделению кредиторов на группы и делает возможным применение категорий защитного и подтверждающего обособления: (1) компенсационный фонд нотариальной палаты²⁷⁸, (2) фонды лотерей²⁷⁹, (3) фонд обязательного страхования вкладов²⁸⁰, (4) компенсационный фонд СРО арбитражных управляющих²⁸¹, (5) депонированное имущество и др. Такие иммунитеты имеют явный обеспечительный характер, который во многом схож с залогом, но с существенным отличием, которое заключается в том, что требования таких кредиторов в отношении обособленного имущества имеют не приоритетный, а исключительный характер. В отличие от исполнительского иммунитета такие ограничения также распространяются и на добровольное отчуждение и обременение имущества, поэтому представляется, что применение термина «исполнительский иммунитет» к иммунитетам такого рода представляется не в полной мере корректным, так как исполнительским иммунитетом не исчерпывается специфический режим обособления такого имущества. По этой же причине некорректно отождествление имущественных и исполнительских иммунитетов в целом.

Правовая природа такого резервирования имущества для определенных кредиторов или видов обязательств, приводящая к обособлению имущества, никак не рассмотрена в доктрине. Представляется, что она более сложная, чем у исполнительских иммунитетов, за которыми, видимо, не стоит ничего кроме воли законодателя на установление определенных ограничений для защиты конституционно-правовых ценностей. В то же время такое обособление имущества устроено значительно более простым образом, чем обособление по модели правосубъектного

²⁷⁸ Статья 18.1 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1).

²⁷⁹ Статья 17 Федерального закона от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях».

²⁸⁰ Ч. 5 ст. 33 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

²⁸¹ Ч. 12 ст. 25.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

образования, так как такое имущество активно не вовлекается в оборот, подобно имуществу правосубъектных и квази-правосубъектных образований (например, паевых фондов и инвестиционных товариществ), а обязательства, которые могут удовлетворяться за счет такого имущества, в полной мере являются обязательствами собственника данного имущества, и нет необходимости усматривать в них новый субъект приложения прав и обязанностей.

Как отмечалось выше, больше всего такое обособление напоминает обособление по модели обеспечительной конструкции (залога), императивно установленной предписанием закона.

Поэтому мы полагаем, что, не имея возможности признать такое обособление залогом в соответствии с позитивным правом, оно должно восприниматься как обособление *sui generis*. Вместе с тем, учитывая явно обеспечительный характер такого обособления, а также то обстоятельство, что перечень способов обеспечения является открытым, относительные имущественные иммунитеты могут восприниматься в качестве способа обеспечения, императивно установленного законом, а также обязательства могут считаться обеспеченными, в том числе для целей применения статьи 319.1 ГК РФ.

В целях систематизации подхода к описанию различных видов имущественных иммунитетов они могут быть типизированы следующим образом:

Абсолютные иммунитеты – иммунитеты, которые действуют в равной мере против всех кредиторов, такие иммунитеты, как правило, являются исполнительскими, так как распространяются именно на случаи принудительного обращения взыскания и не затрагивают случаи добровольного исполнения обязательства. Абсолютные иммунитеты могут быть сильными или слабыми.

— **Сильный иммунитет** в целом делает какое-то имущество недоступным для кредиторов, в том числе в случае банкротства, такой иммунитет имеет, например, имущество, определенное в ч. 1 ст. 446 ГПК РФ. Цель установления такого иммунитета – защита правопорядком определенных конституционно-правовых ценностей, как правило, связанных с обеспечением минимального уровня обеспеченности жизнедеятельности.

— **Слабый иммунитет** делает какое-либо имущество доступным для взыскания только при наличии определенных условий, как правило, при недостаточности другого имущества. Такой иммунитет имеет, например, имущество, находящееся в общей собственности, доли участия в хозяйственных обществах и др. Цель установления такого иммунитета – сделать принудительное обращение взыскания, по возможности, менее обременительным для третьих лиц.

Относительные иммунитеты – иммунитеты, которые действуют только против некоторых кредиторов лица, такие иммунитеты, как правило, накладывают ограничения не только на возможность принудительного обращения взыскания, но и накладывают ограничения на добровольное распоряжение каким-либо обособленным имуществом. Цель установления такого иммунитета заключается в защите интересов определенных групп кредиторов.

Необходимо обратить внимание, что ранее в доктрине В.В. Ярковым было предложено деление иммунитетов организаций на абсолютные и относительные²⁸², содержание которых текстуально полностью соответствует сильным и слабым иммунитетам, которые предложены нами, поэтому необходимо уточнить, с чем связано предложение новой терминологии, несмотря на то что она уже используется другими авторами²⁸³. Из работы В.В. Яркова сложно сделать вывод о том, рассматривает ли он в качестве относительных иммунитетов те ситуации, когда имущество резервируется для определенных кредиторов. Складывается впечатление, что нет, автор выносит за скобки такие случаи, с чем мы полностью согласны, так как природа таких иммунитетов отличается, но лексически термин «относительный иммунитет» (в том смысле, что в отношении разных кредиторов он действует по-разному) в большей степени применим именно к таким случаям.

Поэтому, на наш взгляд, сильные и слабые иммунитеты должны рассматриваться в качестве разновидностей абсолютных иммунитетов, так как они действуют одинаково в отношении всех кредиторов, а относительные иммунитеты, которые действуют только в отношении некоторых кредиторов и образуют самостоятельную группу иммунитетов наравне с абсолютными.

Таким образом, имущественное обособление может выполнять, помимо обеспечительной функции, также функцию защиты определенных конституционно-правовых ценностей путем установления запрета на осуществление принудительного взыскания на определенное имущество.

²⁸² Ярков В. В. Имущественные иммунитеты от взыскания в предпринимательских отношениях // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 10. С. 9-12.

²⁸³ Малюшин К.А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы, понятия и системы. М. : Инфотропик Медиа, 2011. 238 с; Гуреев В. А. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве –М. Деловой стиль, 2019. 127 с.

ГЛАВА 2. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОТДЕЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ ИМУЩЕСТВЕННОГО ОБОСОБЛЕНИЯ

§ 1. Доверительное управление²⁸⁴

Доверительное управление представляет наибольший интерес для целей исследования проблемы обособленного имущества, так как имущество, находящееся в доверительном управлении и особенно имущество, составляющее паевой инвестиционный фонд, не только обладает явными признаками имущественной обособленности, но и активно выступает в имущественном обороте, не являясь при этом формально правосубъектным образованием.

Несмотря на некоторое количество работ, в том числе монографий²⁸⁵, по теме доверительного управления имуществом в российском праве, изученность данного института, особенно в аспекте имущественной обособленности, является недостаточной. В частности, на необходимость самостоятельного исследования проблемы принадлежности прав и обязанностей, возникающих из договоров, заключаемых в процессе доверительного управления «в рамках одного, а то и нескольких самостоятельных исследований» указывал А. В. Егоров в 2002 г.²⁸⁶, однако с тех пор по данному вопросу была опубликована лишь одна небольшая статья О. Р. Зайцева²⁸⁷.

1.1. Имущественное обособление в отношениях с кредиторами

Непосредственно в части имущественного обособления как построения ответственности перед кредиторами обособленного имущества, текущее законодательное регулирование дает вполне однозначный ответ о характере такого обособления: «Долги по обязательствам, возникшим в связи с доверительным управлением имуществом, погашаются за счет этого имущества. В случае недостаточности этого имущества взыскание может быть обращено на имущество доверительного управляющего, а при недостаточности и его имущества на имущество учредителя управления, не переданное в доверительное управление» (п. 3 ст. 1022 ГК РФ).

²⁸⁴ Параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К.Ю. Проблема принадлежности прав и обязанностей, возникающих при осуществлении доверительного управления // Право и политика. 2024. № 8. С. 57-67.

²⁸⁵ См., например, Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом; Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. М., 2018. 304 с.; Илюшенко А.А. Договор доверительного управления имуществом подопечного / под. Ред. Ю.В. Трунцевского. М.: Юрист, 2007. 192 с.

²⁸⁶ Егоров А.В. К вопросу о понятии посредника при сделках с заинтересованностью // Вестник ВАС РФ. № 5. 2002. С. 128

²⁸⁷ Зайцев О.Р. О стороне в договорах, заключенных доверительным управляющим // Законодательство и экономика. 2005. № 10. С. 41-42

Вместе с тем, хотя некоторые авторы спорно утверждают, что в силу п. 3 ст. 1022 ГК РФ достигается защитное имущественное обособление²⁸⁸, представляется, что такая конструкция, при которой просто устанавливается очередность имущественных масс, за счет которых удовлетворяются долги, связанные с доверительным управлением, представляет собой настолько слабую форму имущественной обособленности, что она граничит с её полным отсутствием. Слабость данной формы заключается в том, что при предъявлении требований к личному имуществу доверительного управляющего или учредителя управления их личные кредиторы не будут иметь какого-либо приоритета перед кредиторами обособленного имущества.

При доверительном управлении имуществом паевого инвестиционного фонда в силу ст. 16 Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (далее – «**Закон об инвестиционных фондах**») такая же проблема остается в отношении доверительного управляющего, но в отношении учредителя управления (пайщика) уже установлено сильное защитное имущественное обособление, так как кредиторы обособленного имущества не имеют каких-либо требований к личному имуществу учредителя управления.

Подтверждающее имущественное обособление проявляется более явно, чем защитное, так как обращение взыскания на имущество, находящееся в доверительном управлении, по личным долгам доверительного управляющего не допускается ни при каких обстоятельствах, что представляет собой сильную форму подтверждающего имущественного обособления. По общему правилу также не допускается обращение взыскания по личным долгам учредителя управления, однако существует принципиальная разница в исключении из этого правила для ординарного доверительного управления и управления имуществом паевого фонда: в ординарном доверительном управлении в случае банкротства учредителя управления доверительное управление прекращается и на данное имущество может быть обращено взыскание, а при доверительном управлении ПИФ при банкротстве пайщика обращение взыскания допускается только на паи, а не на само обособленное имущество.

Степень защитного имущественного обособления во втором случае сильнее и сила данного обособления заключается в важном элементе имущественной обособленности, который выделяют Г. Хансман и Р. Краакман – защита от ликвидации.

В части действия подтверждающей имущественной обособленности при ординарном доверительном управлении существует законодательная неопределенность в вопросе о наличии приоритета у кредиторов обособленного имущества на такое имущество: мыслимы два варианта, в зависимости от того, предшествует ли прекращению договора доверительного управления в случае банкротства учредителя управления с необходимостью предварительное исполнение

²⁸⁸ Подсосонная В.В. Указ. соч.

обязательств по долгам обособленного имущества. На данную неопределенность косвенно указывает Е.И. Червец²⁸⁹. Более правильным, представляется подход, когда прекращение доверительного управления будет приводить к акселерации обязательств, однако кредиторы по доверительному управлению не будут иметь приоритета в отношении такого имущества перед личными кредиторами, так как кредиторам по доверительному управлению также еще доступна имущественная масса управляющего. Предоставление дополнительного приоритета кажется в такой ситуации излишним.

Представляется, что такое различие в степени подтверждающего имущественного обособления у двух его разновидностей прямо связано с тем, какая степень имущественной обособленности необходима для достижения целей, которые свойственны данным разновидностям управления чужим имуществом, поскольку ординарное доверительное управление устанавливается в интересах одного лица, а доверительное управление ПИФ, как правило, в общих интересах объединения инвесторов. Соответствие наличие коллективного интереса требует наличия защиты от ликвидации для целей защиты других пайщиков.

1.2. Проблема принадлежности прав и обязанностей

Обычно от принадлежности прав и обязанностей конкретному лицу зависит то имущество, на которое вправе претендовать кредиторы по соответствующим обязательствам. Как было указано выше, при доверительном управлении имущественные массы, на которые вправе претендовать кредитор, установлены предписанием закона и поэтому прямо не связаны с вопросом о принадлежности обязательств конкретному лицу. Такое положение дел, безусловно, вызывает вопросы с точки зрения теоретического обоснования такого порядка ответственности, которые будут рассмотрены далее, однако, на наш взгляд, неопределенность по вопросу принадлежности прав и обязанностей не ограничена проблемой ответственности и влечет иные трудности практического характера.

В отсутствие признания правосубъектности за обособленным имуществом, находящимся в доверительном управлении, такие права и обязанности могут быть прикреплены или к учредителю управления, или к доверительному управляющему, однако закон не дает прямого ответа на вопрос, предлагая вместо этого противоречивые положения: (1) п. 3 ст. 1012 ГК РФ, в котором указано, что доверительный управляющий заключает договор «от своего имени», (2) п. 2 ст. 1020 ГК РФ, который говорит о том, что права, приобретенные в результате доверительного управления, включаются в состав имущества, переданного в доверительное управление.

На данную проблему обращал внимание ряд исследователей. (1) А.В. Егоров: «конструкция отечественного доверительного управления имуществом своеобразна и

²⁸⁹ Червец Е.И. Траст как один из способов обособления имущества... С. 215

неоднозначен ответ на вопрос, является ли, собственно, доверительный управляющий стороной сделки, как носитель субъективных прав и обязанностей из нее»²⁹⁰, (2) О.Р. Зайцев также посвятил одну небольшую по объему работу описанию части противоречий, связанных с принадлежностью прав и обязанностей²⁹¹, а позднее пришел к следующему выводу «действующая общая модель ДУ фактически пытается соединить две несоединимые конструкции – ДУ на основе перехода прав и ДУ на основе представительства»²⁹². Тот же автор ставит вопрос о том, одна ли модель применима к ординарному доверительному управлению и доверительному управлению паевым фондом²⁹³.

В доктрине можно встретить позицию, что носителем прав и обязанностей является доверительный управляющий²⁹⁴. Связано это, вероятно, с тем, что решающее значение придается используемой в п. 3 ст. 1012 ГК РФ формулировке «от своего имени». Разграничение «от своего имени» / «от имени другого» характерно для проблемы разграничения отношений прямого и косвенного представительства (во втором случае термин представительство используется условно) при разграничении отношений по договору поручения и комиссии.

Недостаток такого решения связан с полным игнорированием п. 2 ст. 1020 ГК РФ, который говорит о том, что имущество, приобретенное в результате доверительного управления, включается в состав имущества, переданного в доверительное управление, а так как бесспорно, что собственником таких вещей является учредитель управления, то и к обязательственным правам должен применяться аналогичный собственности режим – принадлежность учредителю управления.

Фразу «от своего имени» следует же понимать иным, чем в договоре комиссии образом, как это предлагает В.А. Дозорцев: «правило о выступлении управляющего от своего имени служит его интересам, выражая его самостоятельность при принятии решений, свободу от вмешательства собственника, недопустимость отмены им полномочий управляющего. Одновременно управляющий обязан указать, что он выступает не в личном качестве, а представляет имущество, находящееся в управлении»²⁹⁵.

При этом теоретически возможен вариант толкования, который способен согласовать положения ст. 1012 и 1020 ГК РФ, при котором под «имуществом» в ст. 1020 ГК РФ понимаются только активы, которые принадлежат учредителю управления, а п. 3 ст. 1012 ГК РФ свидетельствует о том, что обязанным по договорам является доверительный управляющий.

²⁹⁰ Егоров А.В. К вопросу о понятии посредника при сделках с заинтересованностью / Вестник ВАС РФ. 2002. № 5. С. 128.

²⁹¹ Зайцев О.Р. О стороне в договорах, заключенных доверительным управляющим.

²⁹² Зайцев О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом.

²⁹³ Там же.

²⁹⁴ Беневоленская З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. М. 2018. С. 112.

²⁹⁵ Дозорцев В.А. Указ. соч.

Иными словами, происходит разделение прав и обязанностей по таким договорам между учредителем управления и доверительным управляющим. О.Р. Зайцев, например, полагает такое разделение странным²⁹⁶.

Отметим, что нам такое разделение не представляется столь странным, так как оно похоже на разный режим прав и обязанностей, свойственный классическому трасту. Как уже было описано выше, классический английский траст составляют только активы (эти активы не доступны личным кредиторам управляющего), а все обязанности, принятые в связи с управлением имуществом траста, являются личными обязанностями самого управляющего, и кредиторы траста не могут предъявить требования в отношении имущества траста. Вместе с тем мы согласны с тем, что российское право не имеет предпосылок для разного режима прав и обязанностей, так как в соответствии со п. 3 ст. 1022 ГК долги, связанные с доверительным управлением, в первую очередь, погашаются за счет имущества, находящегося в доверительном управлении, что является существенным отличием от классического траста, в котором такое разделение оправдано.

При таком разделении повышенный интерес возникает применительно к вещным обязательствам, т.е. такими обязательствами, в которых обязанным считается собственник объекта. В судебной практике имеется пример ситуации, когда возник спор о том, кто является обязанным по обязательствам об оплате коммунальных услуг: пайщики или доверительный управляющий. В данном случае суд справедливо указал, что «В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 10 Федерального закона от 29.11.2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» прямо устанавливает, что ПИФ не является юридическим лицом, из чего можно сделать вывод о том, что он не является вообще субъектом гражданского права, и как следствие, у него отсутствует способность от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48 ГК РФ)», однако далее сделал уже небесспорный вывод о том, что именно доверительный управляющий обладает «правосубъектностью применительно к обособленному имущественному комплексу паевого инвестиционного фонда», из чего, в свою очередь, уже сделал вывод, прямо противоречащий закону, о том, что управляющий является собственником обособленного имущества²⁹⁷. Существует аналогичная практика о принадлежности обязанностей по оплате коммунальных услуг управляющей компании²⁹⁸.

²⁹⁶ Зайцев О.Р. О стороне в договорах, заключенных доверительным управляющим.

²⁹⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2022 № Ф05-18102/2022 по делу № А40-1322/2022, здесь и далее ссылки на судебные акты приводятся в соответствии с информацией, размещенной в СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁸ Постановление ФАС Дальневосточного округа от 21.01.2003 № Ф03-А73/02-1/2903.

Таким образом, на уровне судебной практики также не поддерживается идея о разделении прав и обязанностей между учредителем управления и управляющим. Более того, суд даже склонен пойти на прямое противоречие с законом, но не признать разделение прав и обязанностей.

Следует также отметить, что в законодательстве всё же существует прямой ответ на вопрос о принадлежности прав и обязанностей, но местонахождение такого ответа не позволяет нам придать ему решающее значение: п. 12 ст. 3 Закона «об инвестиционных товариществах», применительно к ситуации внесения в инвестиционное товарищество имущества, находящегося в доверительном управлении, прямо указывает на то, что все права и обязанности, связанные с таким имуществом, принадлежат учредителю управления, но осуществляются и исполняются управляющим.

Несмотря на то, что в рамках текущего регулирования и в отсутствие формальной правосубъектности самого обособленного имущества, такой вариант представляется нам наиболее правильным (к такому же выводу склоняется О. Р. Зайцев²⁹⁹), далее будет продемонстрировано, что на уровне позитивного права и судебной практики он работает не всегда.

Кто может быть арендатором имущества, находящегося в доверительном управлении? Учредитель управления передает в доверительное управление недвижимое имущество и у доверительного управляющего возникает желание арендовать данное имущество – может ли он это сделать? Правила ГК о доверительном управлении не содержат прямого запрета на совершение подобной сделки, какие-либо политико-правовые препятствия также неочевидны (при условии, что мы исходим из того, что доверительный управляющий совершает эту сделку на рыночных условиях), но может возникнуть теоретическое препятствие, связанное с тем, что если мы на основании п. 3 ст. 1012 ГК РФ признаем, что носителем прав и обязанностей является доверительный управляющий, то получается, что он становится одновременно и должником, и кредитором в одном обязательстве.

Данный вопрос являлся предметом судебного рассмотрения и в рамках данного дела суды фактически пришли к выводу о том, что права и обязанности по такой сделке возникают у учредителя управления³⁰⁰. Аргументацию со стороны судов нельзя назвать исчерпывающей, так как суды сослались на ст. 1018 ГК РФ и полностью проигнорировали положения п. 3 ст. 1012 ГК РФ, фактически уклонившись от разрешения описанной выше коллизии между двумя нормами. Можно предположить, что такое решение было продиктовано желанием сохранить заключенный

²⁹⁹ Зайцев О.Р. О стороне в договорах, заключенных доверительным управляющим С. 42.

³⁰⁰ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.12.2011 № 09АП-31511/2011-АК по делу № А40-76017/11-75-313.

договор в условиях отсутствия прямого запрета и уклониться от разрешения общей теоретической проблемы. Более того, в тех ситуациях, когда договор аренды заключается с третьим лицом, судебная практика склоняется к обратному выводу, что обязанным по договору аренды является именно управляющий³⁰¹.

В связи с этим интересно другое: изменился бы подход суда, если арендатором выступил бы не доверительный управляющий, а учредитель управления? В таком случае ситуация была бы еще сложнее, помимо возможного совпадения должника и кредитора в одном лице, может возникнуть еще и проблема права аренды на свою вещь. Такую ситуацию можно подвергнуть критике по причине отсутствия экономического смысла, однако следует отметить, что на практике она является достаточно распространенной применительно к паевым фондам, когда последние используются с целью регулирования налоговой нагрузки. Нужно также отметить, что в таком случае проблема права аренды на свою вещь оказывается скрытой за маской такого неправосубъектного образования как паевой фонд, так как в ЕГРН отображается информация, что объект находится в долевой собственности пайщиков такого-то фонда, даже если этот пайщик один и о долевой собственности не может идти речи.

Поскольку формально отсутствуют какие-либо формальные основания признать имущество, находящееся в доверительном управлении, самостоятельным субъектом, то неизбежно нужно будет признать, что или в первом, или во втором случае возникает ситуация совпадения должника и кредитора в одном лице, которая в норме должна приводить к прекращению обязательства (ст. 413 ГК РФ). Вместе с тем, на наш взгляд, установление такого совпадения не означает однозначную невозможность существования подобной конструкции, так как в ст. 413 ГК РФ прямо говорится о том, что прекращение обязательства совпадением должника и кредитора не происходит в тех случаях, когда из существа обязательства следует иное. Представляется, что именно различный правовой режим права и обязанности, которые совпадают в одном лице, вызванный их имущественной обособленностью, может не позволять им прекратиться.

Таким образом, на наш взгляд, совпадение должника и кредитора в одном лице не должно являться препятствием для возможности заключения подобных договоров, вне зависимости от того, кого считать стороной обязательства.

Принадлежность прав и обязанностей в связи со сменой управляющего.

Вопрос о принадлежности прав и обязанностей по заключенным договорам также приобретает решающее значение в ситуации, когда потенциально возникает ситуация перемены лица в обязательстве. Такими ситуациями могут быть, в частности, следующие: (1) прекращение

³⁰¹ Определение Верховного Суда РФ от 21.02.2022 № 305-ЭС21-28867 по делу № А40-181026/2020, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.02.2023 № Ф10-5775/2022 по делу № А36-4354/2021.

отношений по доверительному управлению; (2) изменение фигуры доверительного управляющего, которое может происходить или по решению учредителя управления (пайщиков), или по решению самого управляющего.

Смена управляющего по его инициативе. В соответствии с п. 5 ст. 11 Закона «Об инвестиционных фондах» управляющая компания, если это предусмотрено правилами доверительного управления, вправе в порядке, установленном Банком России, передать свои права и обязанности по договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом другой управляющей компании. Несмотря на то что в данном пункте, строго говоря, речь идет о правах по договору доверительного управления, а не о правах, связанных с ним, Банк России указывает, что условием передачи прав и обязанностей другой управляющей компании требуется согласие кредиторов: «Управляющая компания обязана принять меры по получению от всех лиц, являющихся кредиторами по обязательствам, связанным с осуществлением доверительного управления паевым инвестиционным фондом, письменного согласия о переводе долга по таким обязательствам юридическому лицу, которому передаются права и обязанности управляющей компании по договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом»³⁰².

Вызывает вопросы сама используемая формулировка «обязана принять меры по получению согласия», а не «обязана получить согласие», но, как мы понимаем, судебная практика воспринимает данное правило, как обязанность получить соответствующее согласие, без которого невозможна смена управляющей компании как таковой³⁰³. Таким образом, для указанной ситуации Банк России и судебная практика исходят из того, что права и обязанности по договорам, заключенным в процессе доверительного управления, принадлежат управляющей компании паевого фонда.

Остается непонятным, рассматривается ли такая передача обязанностей как перевод долга на основании соглашения, который по общему правилу требует согласия кредитора, и указание ЦБ просто констатирует такую необходимость, или рассматривается, как исключение из общего правила о том, что переход долга в силу закона не требует согласия кредитора – в данном случае это не имеет какого-то практического значения, но будет иметь принципиальное значение для следующего.

Смена управляющей компании по решению пайщиков. Смена управляющей компании может происходить также в соответствии с пп. 2 п. 9 ст. 18 Закона «Об инвестиционных фондах» на основании решения общего собрания пайщиков. Отличие этой ситуации заключается в том,

³⁰² Постановление ФКЦБ РФ от 11.09.2002 № 37/пс «Об утверждении Положения о порядке передачи управляющей компанией своих прав и обязанностей по договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом другой управляющей компании».

³⁰³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.12.2018 № Ф10-5335/2018 по делу № А23-3420/2014.

что в таком случае прямо нигде не предусмотрено, что требуется согласие кредиторов на перевод долга.

Представляется логичным, что принадлежность прав и обязанностей не должна меняться в зависимости от того, по какой причине происходит смена управляющей компании, но нет, в этой ситуации мы обнаруживаем прямо противоположное решение: «принадлежащее владельцам инвестиционных паев Фонда право аренды земельного участка не прекратилось в связи с передачей прав и обязанностей по доверительному управлению Фондом другой управляющей компании. Таким образом, при передаче прав и обязанностей по договору доверительного управления Фондом не происходила смена собственника Здания, право собственности на Здание и право аренды земельного участка остаются у владельцев инвестиционных паев Фонда. Обязательства, подлежащие исполнению за счет имущества Фонда, и далее подлежат исполнению за счет имущества Фонда, но новой управляющей компанией»³⁰⁴. Иными словами, суд признал, что права и обязанности по договору аренды принадлежат самим пайщикам, а не управляющей компании.

Следует отметить, что в вышеприведенном судебном решении имеется указание на то, что первоначальная управляющая компания уведомила арендодателя о решении пайщиков и попросила дать согласие на перевод долга, т.е. они исходили из того, что права и обязанности принадлежат управляющему.

Интересно и другое, что в рамках отдельного дела, но с теми же участниками, рассматривался спор о взыскании с новой управляющей компании вознаграждения за управление в пользу прежней и несмотря на то, что суд правильно указал, что вознаграждение уплачивается за счет имущества самого фонда, он добавил, что обязанность лежит на управляющем, указав: «обязанность по выплате вознаграждения истцу за период осуществления последним доверительного управления Фондом лежит на ответчике»³⁰⁵.

В то же время есть и прямо противоположная практика, применительно к правам на пользование водным объектом³⁰⁶. В данном деле новая управляющая компания обратилась с заявлением о переоформлении права пользования водным объектом, однако получила отказ, так как суд указал, что разрешение выдано управляющей компании, а не каждому из физических лиц - членов паевого инвестиционного фонда, поэтому при смене управляющей компании требуется новое разрешение, а не переоформление старого. Таким образом, суд исходил из принадлежности права пользования водным объектом управляющей компании, а не пайщикам.

³⁰⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.11.2022 № 09АП-64515/2022 по делу № А40-116787/2022.

³⁰⁵ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.10.2023 по делу № А40-139347/23-117-874.

³⁰⁶ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2023 № 10АП-15915/2023 по делу № А41-5516/2023.

Если предположить, что судебная практика в данном случае также последовательно исходила из того, что права и обязанности принадлежат управляющему, то решение вопроса о необходимости согласия зависело от вышеописанной проблемы: следует ли рассматривать такой перевод долга как переход в силу закона, который по общему правилу не требует согласия кредитора? На наш взгляд, ответ должен быть утвердительный, так как по решению пайщиков происходит смена управляющей компании и сам факт смены таковой приводит к переходу прав и обязанностей, более того, представляется крайне необоснованным ставить в зависимость от воли кредиторов возможность пайщиков сменить управляющего.

Вместе с тем необходимо отметить и обратную сторону такого решения: смена управляющей компании непосредственно затрагивает интересы кредиторов, так как состоятельность управляющего определяет объем доступного кредиторам имущества, из которого они могут удовлетворить свои требования. Однако представляется, что данное обстоятельство не следует воспринимать в качестве значительного препятствия, так как контрагенты фонда в первую очередь должны рассчитывать именно на имущество, составляющее фонд, которое не изменяется по составу при смене управляющего. Тем более, финансовое положение управляющей компании само по себе трудно определить, так как она несет субсидиарную ответственность по «долгам» других фондов.

Публичные отношения. Самостоятельный вопрос связан с тем, кто должен являться субъектом нарушений, связанных с использованием имущества, находящегося в доверительном управлении. Представляется, что в данном вопросе судебная практика правильно исходит из того, что субъектом будет именно доверительный управляющий³⁰⁷. Представляется, что решение данного вопроса напрямую не связано с принадлежностью гражданских прав и обязанностей, так как связано именно с ненадлежащим порядком их осуществления, обязанность по которому в силу специфики отношений лежит именно на управляющем.

1.3. Состав обособленного имущества

На нормативном уровне вопрос о составе обособленного имущества решается следующим образом: во-первых, в состав такого имущества входит то имущество, которое было передано учредителем управления в доверительное управление (п. 1 ст. 1012 ГК, п. 1 ст. 1018 ГК РФ, п. 1 ст. 10 Закона «Об инвестиционных фондах»), во-вторых, в состав такого имущества входят «права, приобретенные доверительным управляющим в результате действий по доверительному управлению имуществом» (п. 2 ст. 1020 ГК РФ) или аналогичная формулировка «имущества, полученного в процессе такого управления» (п. 1 ст. 10 Закона «Об инвестиционных фондах»).

³⁰⁷ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2021 № 10АП-23573/2021 по делу № А41-96344/2019.

Имущество, передаваемое в доверительное управление

Первая составляющая имущества, находящегося в доверительном управлении, не представляет сложностей для целей её определения, так как эта информация фиксируется в договоре (п. 1 ст. 1016 ГК РФ), но есть практическая и теоретическая проблема, связанная со следующим: может ли такое имущество передать не учредитель управления, а какое-то третье лицо за него? Специальное регулирование в части доверительного управления ни в ГК, ни в Законе «Об инвестиционных фондах» не содержит прямого ответа на вопрос о возможности передачи имущества третьим лицом, поэтому при такой постановке вопроса возникает соблазн обратиться к общим положениям о возможности исполнения обязательства третьим лицом (ст. 313 ГК РФ).

Руководствуясь ст. 313 ГК РФ можно прийти к однозначному выводу, о том, что такое исполнение возможно, так как п. 3 ст. 313 ГК РФ не свидетельствует о полной невозможности такого исполнения даже в тех случаях, когда из существа обязательства следует, что оно должно быть исполнено лично, ведь кредитор вправе принять такое исполнение, хотя также и вправе от него отказаться. Однако сама возможность применения ст. 313 ГК РФ к указанной ситуации не вполне очевидна ввиду того, что договор доверительного управления, как следует из нормативного материала и принято считать в доктрине, является реальным, что означает, что при передаче имущества в доверительное управление исполнения обязательства как такового вообще не происходит.

Однако следует отметить, что исследователи полагают необходимым *de lege ferenda* распространять правила ст. 313 ГК РФ и на осуществление действий по передаче имущества по реальным договорам³⁰⁸, хотя и без внесения изменений в нормативный материал, и примеры такого подхода встречаются в судебной практике.

Следует отметить и другое, ГК и Закон «Об инвестиционных фондах» прямо говорят о том, что именно учредитель управления передает имущество: «Учредитель доверительного управления передает имущество управляющей компании»³⁰⁹, «По договору доверительного управления имуществом одна сторона (учредитель управления) передает другой стороне (доверительному управляющему)»³¹⁰. Вероятно, таким формулировкам самим по себе нельзя придавать решающее значение, так как при описании любого договора, исполнение по которому однозначно допускается третьим лицом, в качестве должника будет указываться сторона договора, а возможность исполнения третьим лицом всегда вынесена за скобки.

³⁰⁸ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут. 2005. 636 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁹ П. 2 ст. 11 Закона «Об инвестиционных фондах».

³¹⁰ П. 1 ст. 1012 ГК РФ.

Таким образом, позитивное регулирование не дает ответа на вопрос о возможности передачи имущества за учредителя управления третьим лицом. Исходя же из логики регулирования, можно сделать следующие выводы:

1. Третье лицо, передавшее имущество, не становится учредителем управления, потому что учредитель управления сохраняет свой статус до конца действия договора доверительного управления и несет не только обязанности перед доверительным управляющим, но и отвечает по долгам, возникшим в результате управления имуществом. Более того, третье лицо может быть не осведомлено о том, что такая передача связана с доверительным управлением, так как если такое исполнение происходит в рамках переадресовки исполнения, то третье лицо не обязано выяснять внутренние отношения между кредитором и лицом, в адрес которого происходит исполнение, что подтверждается судебной практикой и общепризнано в доктрине.

2. Конструкция доверительного управления сама по себе не предусматривает оснований для перехода права собственности, поэтому, на наш взгляд, передача имущества в доверительное управление третьим лицом возможна, но только с одновременной передачей права собственности учредителю управления, при этом для передачи права собственности необходимо самостоятельное основание (купля-продажа, дарение и т.д.), поэтому при непосредственной передаче имущества от третьего лица к доверительному управляющему, такое имущество сначала становится собственностью учредителя управления и потом сразу же поступает в доверительное управление.

Имущество, приобретенное в результате доверительного управления

Сложнее обстоит вопрос с имуществом, приобретаемым в результате доверительного управления, поскольку закон прямо не определяет, какое имущество считать приобретенным в результате доверительного управления. Возможны четыре подхода: (1) считать полученным в результате доверительного управления всё, что получено по договорам, заключенным доверительным управляющим, действующим в качестве ДУ, (2) получено от использования имущества, переданного в ДУ, (3) при одновременном соответствии двум вышеуказанным критериям, (4) альтернативно при соответствии одному из двух первых критериев.

Не вызывает каких-либо вопросов, что ситуация, при которой нечто приобретается за счет имущества, находящегося в доверительном управлении и по договору, заключенному управляющим в качестве доверительного управляющего, то это приобретение должно включаться в обособленное имущество. Однако, возможно возникновение более сложных ситуаций.

Доверительный управляющий приобретает за счет имущества, находящегося в доверительном управлении, какое-то новое имущество, но не указывает в договоре, что действует в качестве доверительного управляющего. Согласно п. 3 ст. 1012 ГК РФ отсутствие в договоре указания на статус Д.У. приводит к тому, что доверительный управляющий обязывается лично и отвечает перед контрагентом своим имуществом, и при этом вопрос о принадлежности возникающих прав в такой ситуации прямо не разрешен. Полагаем, что в таком случае у учредителя управления должно возникать право собственности на такое приобретенное имущество и если управляющий осуществил регистрацию права собственности на себя, то учредитель управления (пайщик) вправе требовать признания права собственности за собой (или долевой собственности пайщиков). Подчеркнем, что речь именно о признании права, а не о передаче такого права.

Безвозмездное приобретение имущества. Представляется, что безвозмездная передача имущества в состав обособленного для целей управления им имущества возможна. Юридическим аргументом будет диспозитивный метод регулирования частных отношений и отсутствие прямого или косвенного запрета на такую передачу. Политико-правовым аргументом может быть отсутствие каких-либо негативных последствий, связанных с таким предоставлением. Также в пользу такой возможности говорит то, что она допускает применительно к ординарному доверительному управлению передачу имущества для обеспечения его сохранности и его защиты от неразумного поведения бенефициара, для чего необходимо третьим лицам предоставить право одарить такого бенефициара, но через обособленное имущество. Применительно к доверительному управлению ПИФ вопрос стоит несколько сложнее, так как получается смоделировать только одну ситуацию, в которой такая потребность может возникнуть – единственный пайщик желает пополнить фонд посредством безвозмездной передачи (в том числе от третьих лиц) имущества в обход процедуры оплаты новых паёв. Однако каких-либо частно-правовых аргументов против такого действия также нет.

Таким образом, на наш взгляд, должны альтернативно использоваться два критерия, при наличии одного из которых имущество должно включаться в состав обособленного имущества: использование имущества, составляющего фонд, и действие от имени доверительного управляющего (в том числе путем выражения воли на принятие имущества в состав фонда).

1.4. Проблема правосубъектности имущества, находящегося в доверительном управлении

На наш взгляд, неприменение приема олицетворения к имуществу, находящемуся в доверительном управлении, может быть связано со следующими обстоятельствами:

Исторически сложившаяся традиция. Современное доверительное управление, как известно, имеет следующие исторические корни: траст из общего права и фидуция из римского права. Однако ни то, ни другое не приводит к появлению какого-либо правосубъектного образования, но почему? Фидуция (*fiducia cum amico*) представляла собой обязательство личного характера, которое было направлено на сохранение имущества, на управление имуществом, как правило, в экстренной ситуации, поэтому данное имущество не входило в активный оборот и не нуждалось в олицетворении и подробном регулировании. Более того, конструкция фиктивной личности в римском праве не была разработана даже применительно к тем ситуациям, когда складывающиеся отношения были куда больше похожи на отношения с участием юридических лиц (пекулий, общества и т.д.)³¹¹. Однако фидуция в форме неправосубъектного обособленного имущества существует сейчас во Франции.

Поэтому куда более интересный вопрос заключается в том, почему не был признан юридическим лицом траст, который в большей степени вовлечён в гражданский оборот. Для этого, на наш взгляд, есть целый ряд причин, объясняющих такое положение. Первая связана с отсутствием в общем праве общего учения об отраслевой правосубъектности в привычном нам понимании и тем, что, как отмечалось в литературе, английские юристы в целом в меньшей степени склонны делить право на самостоятельные и независимые отрасли³¹². Вторая связана с тем, что траст, как один из основных инструментов права справедливости сильно шире по своему функционалу, чем доверительное управление, в частности, так называемый «подразумеваемый траст» (*implied trust*) возникает без выражения учредителем соответствующей воли для соблюдения баланса интересов вовлеченных лиц: например, право одного из сожителей на имущество, созданное/улучшенное при его участии, но зарегистрированное на другого сожителя и т.д.³¹³. Из характера таких отношений ясно, что в олицетворении траста нет необходимости. Третья и, пожалуй, основная связана с тем, что, как было рассмотрено выше, классический английский траст не образует самостоятельный патримоний, так как все обязанности, возникающие при управлении трастом, являются личными долгами управляющего.

Вместе с тем аналоги траста в смешанных и континентальных системах обладают, как правило, иным устройством, приводящим к образованию патримония и поэтому, как было обосновано выше, имеют все основания для того, чтобы признаваться правосубъектными образованиями. Таким образом, исторически сложившаяся традиция не признавать подобные конструкции правосубъектными образованиями ничем не оправдана применительно к доверительному управлению.

³¹¹ См., подробнее, Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве С. 74-88.

³¹² Белых В. С. Договорное право Англии : сравнительно-правовое исследование Москва : Проспект, 2022. 328 с.

³¹³ Pettit Ph.H. Equity and the Law of Trusts // 12th ed. Oxford. 2012. P. 193-195

Политико-правовая и экономическая обоснованность. Здесь необходимо отметить, что и в российском праве доверительное управление в достаточной степени может быть разнообразно по своему содержанию. Выше мы, как правило, обращались к доверительному управлению инвестиционными фондами или доверительному управлению иными значимыми средствами производства, где возникает такой сложный комплекс отношений, который вызывает желание применить прием олицетворения имущества для упрощения понимания и систематизации возникающих правоотношений. Вместе с тем доверительное управление может выглядеть и значительно проще: доверительное управление, направленное не на получение прибыли, а просто на обеспечение сохранности имущества.

В таких случаях имущество, как и полагается, выступает объектом управления и фактически не проявляет признаков субъекта. Поэтому реальной потребности в олицетворении имущества может не возникать, несмотря на наличие имущественной обособленности просто потому, что такое имущество фактически не вовлекается в оборот. Так, например, нет необходимости олицетворять жилой дом, находящийся в доверительном управлении с целью поддержания его в надлежащем состоянии, но такая необходимость может возникнуть, если доверительный управляющий или учредитель управления решит его арендовать.

Однако применительно к доверительному управлению паевым фондом, которое само по себе сопряжено с большим количеством регистрационных и формальных процедур, придание такому имуществу статуса субъекта целесообразно, так как особенность режима такого имущества повсеместно проявляется в деятельности, связанной с доверительным управлением.

Вместе с тем следует отметить и позитивную тенденцию, которая заключается в том, что в последнее время инструменты, которые могут быть восприняты в качестве функциональных аналогов траста в российском праве, создаются в форме правосубъектных образований, например, наследственный и личный фонды.

§ 2. Товарищества³¹⁴

Интересной с точки зрения имущественного обособления представляется конструкция товарищества, под общим названием которой объединены институты полного и командитного товарищества, являющиеся юридическими лицами, а также простое товарищество, представляющее собой договорное объединение без образования субъекта права. Также уместно

³¹⁴ Данный параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К.Ю. Обособление имущества в товариществах // Юридическая наука. 2024. № 7. С. 356-362.

в этой связи рассмотреть крестьянское (фермерское) хозяйство (далее также – «КФХ»), являющееся неправосубъектным договорным объединение.

2.1. Хозяйственные товарищества

Поскольку хозяйственные товарищества являются юридическими лицами, то в целом имущественное обособление в них строится точно так же, как в других юридических лицах с некоторыми исключениями.

Во-первых, в коммандитных товариществах характер защитного имущественного обособления зависит от статуса участника: (1) полные товарищи (как и товарищи в полном товариществе) несут полную субсидиарную ответственность по долгам товарищества своим личным имуществом, и их личные кредиторы не имеют никакого приоритета в отношении личного имущества, т.е. в отношениях с ними защитное имущественное обособление отсутствует в целом; (2) коммандисты не отвечают личным имуществом, поэтому в отношениях с ними действует сильная форма защитного обособления.

Во-вторых, подтверждающее обособление хоть и существует, но степень его несколько меньше, чем в хозяйственных обществах. Если в хозяйственных обществах личные кредиторы участника (акционера) непосредственно не обращают взыскание на имущество юридического лица, а обращают взыскание на сами доли/акции, то в товариществах ситуация иная. При недостаточности иного личного имущества личные кредиторы предъявляют требование о выделе части имущества товарищества, приходящегося на долю должника в складочном капитале, и обращают взыскание непосредственно на это имущество (ст. 80 ГК). Отметим, что такой порядок обращения взыскания скорее характерен для отношений общей собственности, а не для корпоративных отношений.

Ввиду вышеуказанного обстоятельства в товариществах, в отличие от обществ, фактически отсутствует такой элемент подтверждающего обособления, как защита от ликвидации, так как личный кредитор товарища не заменяет товарища в корпоративных отношениях, а вправе сразу предъявлять требования в отношении имущества.

Отсутствие сильного защитного обособления (ограниченной ответственности) в товариществах делает их непривлекательной формой для осуществления предпринимательской деятельности, что объясняет почти полное их отсутствие в обороте, но это не создает больших проблем, так этот риск принимается товарищами добровольно и осознанно. Отсутствие же слабого защитного обособления (приоритета личных кредиторов в отношении личного имущества товарища) создает повышенные риски для третьих лиц – личных кредиторов товарища.

Такой асимметричный характер обособления (сильное подтверждающее при отсутствии защитного) делает хозяйственные товарищества по российскому праву похожими на американские полные партнерства и делает отличными от английских полных партнерств. Г. Хансман, Р. Краакман и Р. Сквайер в качестве обоснования такой асимметрии указывают на то, что при наличии развитых обществ с ограниченной ответственностью партнерства являются инструментом для тех, кто хочет направить все свое личное имущество на достижение целей партнерства³¹⁵, но такая логика спекулятивна, так как при слабой форме защитного обособления партнер также рискует всем своим имуществом, её отсутствие отражается не на самом партнере, а на его личных кредиторах, которые никак не выражали согласие на такой риск. Понятно, что любой должник может принимать на себя любые обязательства, создавая для своих личных кредиторов дополнительные риски, в этом и есть риск выбора контрагента, но в случае с товариществами эти дополнительные долги может создавать даже не сам должник, а товарищество, в котором есть и другие участники.

Учитывая данные обстоятельства, представляется более справедливым наделять товарищества и общества, в которых участники несут личную ответственность, слабой формой защитного обособления, которая предоставляла бы приоритет личным кредиторам в отношении личного имущества.

2.2. Простое товарищество

В целом верным является вывод исследователей о том, что защитное обособление не возникает в случае создания и функционирования простого товарищества³¹⁶, но простого указания на то, что это следует из того, что товарищи отвечают личным имуществом, недостаточно, так как в соответствии со ст. 1047 ГК по договорным обязательствам простого товарищества, не связанного с предпринимательской деятельностью, товарищи несут пропорциональную, а не солидарную ответственность, что в соответствии с теорией Г. Хансмана и Р. Краакмана является слабой формой защитного обособления. Отсутствие защитного обособления, на наш взгляд, связано с отсутствием деления кредиторов и имущества на разные пулы в принципе, что будет доказано ниже.

Удивительно, что в нескольких работах, попытавшихся применить теорию Г. Хансмана и Р. Краакмана к институтам российского права, содержится одинаковый и при этом абсолютно неправильный вывод о наличии слабой формы подтверждающего имущественного обособления в простом товариществе, которая проявляется в том, что согласно ст. 255 ГК взыскание на

³¹⁵ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. The New Business Entities in Evolutionary Perspective // European Business Organization Law Review. 2007. Vol. 8. P. 4-5..

³¹⁶ Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. С. 37.; Подсосонная В.В. Указ. соч.

имущество, составляющее долевую собственность, может быть обращено только при недостаточности другого имущества³¹⁷.

Как уже указывалось выше, подтверждающее обособление имущества проявляется в том, что кредиторы «сущности» получают приоритет при удовлетворении своих требований за счет обособленного имущества (также это понимают и авторы, которые утверждают, что подтверждающее обособление присуще простому товариществу). Даже если ограничить анализ имущественного обособления в простом товариществе не «общим имуществом товарищей», а только имуществом, находящимся в их долевой собственности, хотя это необязательный элемент простого товарищества³¹⁸, то мы всё равно не обнаружим подтверждающего обособления.

Во-первых, тот факт, что обращение взыскания на общее имущество можно осуществить только при недостаточности другого имущества, не приводит к делению имущества на пулы и кредиторов на группы, а это является необходимым условием для применения конструкции защитного и подтверждающего обособления и само по себе исключает возможность их применения. Утверждения В.В. Подсосонной: «закон ограничивает возможность личных кредиторов участников общей собственности обратиться взыскание на имущество, составляющее общую собственность» и Е.И. Домшенко «закон ограничивает возможность личных кредиторов участников обратиться взыскание на обособленное – общее имущество» некорректны в данном контексте и вводят в заблуждение, так как закон точно так же ограничивает и кредиторов товарищества. Иными словами, порядок для личных кредиторов и кредиторов товарищества одинаковый.

Этим конструкция простого товарищества по российскому праву принципиально отличается от простого товарищества по немецкому праву³¹⁹, так как в последнем за счет имущества товарищества в первую очередь подлежат удовлетворению общие долги товарищей (§ 733 ГГУ).

Во-вторых, даже если бы «кредиторам» товарищества было бы предоставлено право обращать взыскание сначала на общее имущество, т.е. «имущество товарищества», то по большому счету это тоже никакого приоритета бы им не дало, так как, по сути, представляло бы собой поедание пирога с двух разных сторон без каких-либо приоритетов.

Однако нужно отметить, что несмотря на отсутствие деления имущества на пулы и неприменимость категорий защитного и подтверждающего обособления, при возникновении в простом товариществе общей собственности некоторые свойства обособленности всё же

³¹⁷ Подсосонная В.В. Указ. соч.; Домшенко (Черевец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. С. 38.

³¹⁸ Горева А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте // Вестник гражданского права. 2020. № 6. С. 30-66.

³¹⁹ Речь о неправосубъектном товариществе в его дореформенном виде.

возникают. Во-первых, в некоторой степени обеспечивается свойство имущественной обособленности, которое выделяли Г. Хансман и Р. Краакман – сохранение стоимости действующего предприятия (going concern value), только достигается оно не за счет защиты от ликвидации, а за счет того, что обращение взыскания на имущество, находящееся в общей собственности, происходит в последнюю очередь, т.е. за счет слабого имущественного приоритета, установленного законом.

Во-вторых, если воспринимать имущественное обособление шире, как наделение имущества специфическим правовым режимом, который не обязательно связан с порядком ответственности перед кредиторами, то можно обнаружить все те свойства, которые характерны общей собственности как таковой. В первую очередь это связано с тем, что общая собственность приводит к возникновению взаимосвязанных отношений между её участниками: «говоря о роли объекта права общей собственности, следует прежде напомнить, что субъекты, участвующие в общей собственности, вместе с общим имуществом образуют некоторое единство со сложной структурой»³²⁰. А.А. Горева также справедливо отмечает, что возникновение общей собственности защищает интересы других товарищей, так не позволяет никому из них распоряжаться объектом долевой собственности, ведь они могут лишь в установленном порядке распоряжаться долями в праве собственности³²¹.

Отсутствие подтверждающего имущественного обособления является принципиальным отличием простого товарищества от правосубъектных форм товарищества, более того, простое товарищество, в котором отсутствует подтверждающее имущественное обособление, не образует ни только юридического лица в соответствии с представлениями континентального права, но даже не образует какую-либо обособленную сущность.

Как справедливо отмечается в доктрине, интересы кредиторов простого товарищества защищаются не путем обособления имущества, а путем предоставления солидарной ответственности товарищей по долгам³²².

По этой причине мы также не можем согласиться с позицией В.А. Белова и К.А. Блиновского, которые усматривают признаки правосубъектности простого товарищества в том, что простое товарищество, так же как хозяйственное товарищество, «способно приобретать права и обязанности, реализуемые и исполняемые на счет общего имущества (само и для себя)»³²³. Категория общего имущества товарищей имеет значение только для внутренних отношений товарищей и никак не проявляет себя вовне, поскольку, вступая в отношения с простым товариществом, кредитор не имеет отношений с каким-либо обособленным

³²⁰ Белов В.А., Блиновский К.А. Указ. соч. С. 204.

³²¹ Горева А.А. Указ. соч. С. 50-51.

³²² Горева А.А. Указ. соч. С. 50.

³²³ Белов В.А., Блиновский К.А. Указ. соч. С. 218.

имуществом, а имеет отношения с каждым из товарищей в отдельности. Таким образом, такое обособление имущества имеет технический характер и необходимо для определения внутренних отношений сторон обязательства.

В то же время старое немецкое простое товарищество, которое в отличие от российского обладало слабой формой подтверждающего обособления, как это было указано выше, несмотря на формальное непризнание его правосубъектности на уровне закона, фактически правосубъектностью обладало, что и стало предпосылкой для признания его правосубъектности на уровне судебной практики³²⁴. После недавней реформы товариществ в Германии такое расхождение между буквальным текстом закона и фактическим положением дел было устранено, и теперь обладающее имущественной обособленностью товарищество признается субъектом права, а не обладающее обособленностью субъектом не признается. Создание того или иного вида товарищества происходит по усмотрению самих товарищей.

Таким образом, простое товарищество в российском праве ввиду отсутствия подтверждающего и защитного обособления не может быть признано ни субъектом, ни даже квазисубъектом с точки зрения российского правопорядка.

Французский правопорядок имеет интересную историю возникновения правосубъектных товариществ. В конце XIX века правосубъектность гражданских товариществ не была формально закреплена, однако используемые на уровне закона формулировки создавали ощущение, что права и обязанности принадлежат именно товариществу как субъекту, из-за чего Кассационный Суд Франции³²⁵ признал, что они обладают самостоятельной правосубъектностью и, как следствие, собственными имущественным комплексом (*patrimoine*)³²⁶. Признание гражданских товариществ правосубъектными на уровне судебной практики подвергалось критике на уровне доктрины, пока в 1978 году их правосубъектность не была закреплена на уровне закона³²⁷.

Более сложным устройством обладает конструкция товарищества в Квебеке. Несмотря на то что она имеет наименование *General Partnership* (что соответствует полному товариществу), в соответствии с ГКК оно не имеет формальной правосубъектности (ст. 2188 ГКК), поэтому может рассматриваться как аналог именно простого товарищества. В соответствии со ст. 2221 ГКК такое партнёрство обладает слабой формой защитного обособления, так как несмотря на неограниченную и солидарную ответственность партнеров по долгам партнерства, обращение взыскания на личное имущество допускается только при недостаточности имущества партнерства и после удовлетворения требований личных кредиторов партнера.

³²⁴ Горева А.А., Жестовская Д.А. Указ. соч. С. 125.

³²⁵ Popovici A. Op. cit. P. 346.

³²⁶ Popovici A. Op. cit. P. 346.

³²⁷ Chiron G. La personnalité morale des sociétés depuis le XIXe siècle en France, en Allemagne et en Angleterre // Droit. Université 2 Panthéon-Assas. 2008. P. 122.

Подтверждающее обособление (в слабой форме) проявляется так же, как и в хозяйственных товариществах по российскому праву, путем предоставления приоритета кредиторам партнерства за счет того, что обращение взыскания на долю в партнерстве предполагает учет пассивов и активов, приходящихся на эту долю (2226 ГКК). Подтверждающее обособление имеется и в отношении командистов (2241-2242 ГКК).

Наличие подобных форм имущественной обособленности, прямое деление на законодательном уровне кредиторов на группы (кредиторы товарищества и личные кредиторы) и предоставление приоритета данным группам в отношении разных пулов активов явно свидетельствует о признаках правосубъектности. Данное положение дел вынудило Апелляционный Суд Квебека в контексте вопроса о возможности банкротства самого партнерства прийти к признанию за такими товариществами качеств сущности и наличия автономного и отдельного имущественного комплекса (*patrimoine*), но без образования юридической личности (*legal personality*). Отсутствие персонификации, однако, не препятствует признанию принадлежности прав и обязанностей именно самому партнерству³²⁸.

Таким образом, примеры из зарубежных правовых порядков также свидетельствуют о желательности установления слабой формы защитного обособления, на отсутствие которой мы указывали применительно к хозяйственным товариществам по российскому праву.

2.3. Крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ)

Противоречивое и непоследовательное построение системы юридических лиц в российском праве привело к таким явлениям, когда объединение лиц, имеющее одно и то же название «крестьянское (фермерское) хозяйство» может быть юридическим лицом в соответствии со ст. 86.1 ГК РФ, а может представлять собой неправосубъектное объединение граждан в соответствии с Федеральным законом от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» (далее – **Закон «о КФХ»**). На первый взгляд правосубъектное и неправосубъектное КФХ отличаются между собой как простое и полное товарищества, однако правовое положение имущества КФХ существенно отличается от режима общего имущества простого товарищества.

Некоторые такие отличия не имеют принципиального значения для нашего исследования, поэтому мы их просто перечислим: КФХ, не являясь субъектом гражданского права, может быть субъектом публичных правоотношений (ч.4 ст. 1 Закона «о КФХ»); КФХ может состоять из одного лица; КФХ подлежит регистрации; КФХ имеет более упорядоченный порядок выступления вовне и др.

Существенные отличия заключаются в том, что, по общему правилу, имущество КФХ находится в совместной, а не долевой собственности его участников, что само по себе уже

³²⁸ Popović A. Op. cit. P. 355-357.

создает иной характер обособленности. Однако даже если имущество находится в долевой собственности, то Закон «о КФХ» содержит специальные положения, которые свидетельствуют об обособленности имущества: «по сделкам, совершенным главой фермерского хозяйства в интересах фермерского хозяйства, отвечает фермерское хозяйство своим имуществом»³²⁹, которое даёт совершенно иной уровень имущественной обособленности.

В аспекте **подтверждающего обособления** данное правило является специальным по отношению к общему, установленному ст. 255 ГК и поэтому имущество, находящееся в долевой собственности членов КФХ, приближается к кредиторам самого КФХ и остается удаленным от требований личных кредиторов. Однако это само по себе не создает полноценного подтверждающего имущественного обособления, так как, строго говоря, приоритета это всё-таки кредиторам КФХ не дает в случае, если требования личных кредиторов доходят до данного имущества. Несмотря на то, что в судебной практике можно встретить такие примеры толкования норм, которые можно расценить как признаки сильного подтверждающего обособления³³⁰, представляется более верной позиция, согласно которой такое имущество остается доступным для обращения взыскания по личным долгам³³¹. Вместе с тем необходимо отметить случаи, когда суды вовсе игнорируют буквальный текст закона и включают требования личных кредиторов в состав требований к имуществу КФХ³³².

В аспекте **защитного обособления** данное правило устанавливает сильную форму защитного обособления — личное имущество оказывается, по общему правилу, полностью недоступно кредиторам КФХ. Исключение составляет только случай субсидиарной ответственности гражданина, вышедшего из КФХ в течение 2 лет **в пределах стоимости доли**, который выбивается из общей логики ответственности членов КФХ. Следует отметить, что вопреки буквальному смыслу п. 3 ст. 9 ФЗ «о КФХ» суды применяют данное правило о субсидиарной ответственности в течение двух лет и к тем ситуациям, когда КФХ прекратилось не в связи с выходом участника³³³. Несмотря на буквальное несоответствие такой позиции тексту

³²⁹ ч.3 ст. 8 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

³³⁰ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2017 № Ф04-6447/2016 по делу № А70-2766/2015: В силу абзаца второго пункта 3 статьи 1 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» к предпринимательской деятельности фермерского хозяйства, осуществляемой без образования юридического лица, применяются правила гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из федерального закона, иных нормативных правовых актов Российской Федерации или существа правовых отношений. Согласно пункту 2 статьи 56 Гражданского кодекса Российской Федерации учредитель (участник) юридического лица или собственник его имущества не отвечает по обязательствам юридического лица, а юридическое лицо не отвечает по обязательствам учредителя (участника) или собственника, за исключением случаев, предусмотренных Кодексом или другим законом».

³³¹ Апелляционное определение Верховного суда Республики Алтай от 03.04.2019 по делу № 33-209/2019.

³³² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.12.2023 № Ф10-6277/2023 по делу № А48-11123/2021.

³³³ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2022 № 88-15569/2022 по делу № 2-1196/2021.

закона, такое решение представляется более справедливым, так как иное бы фактически позволяло бы в любой момент прекратить деятельность КФХ на основании решения и избежать какой-либо ответственности по долгам КФХ.

Однако на практике защитное обособление фактически работает не так хорошо, что достаточно подробно рассмотрено в работе Е.Н. Агибаловой³³⁴, однако это проблема ошибочной судебной практики, так как из закона явно следует ограниченная ответственность. Предельно однозначно она видна и при банкротстве КФХ (ч. 3 ст. 221 ФЗ «о банкротстве»). Также видны попытки применения к неправосубъектному КФХ по аналогии абз. 2 п. 4 ст. 86.1 ГК РФ о субсидиарной ответственности участников юридического лица КФХ³³⁵. Таким образом, неправосубъектное КФХ формально обладает сильной формой защитного имущественного обособления, которой не обладает не только простое товарищество, но и полное товарищество и правосубъектное КФХ.

Некоторыми авторами высказывалось недоумение по поводу того, почему для банкротства КФХ специальные правила предусмотрены, а для банкротства простого товарищества нет³³⁶, однако это вполне объяснимо тем, что данные конструкции не являются родственными по причине отсутствия нормативных предпосылок для имущественной обособленности простого товарищества.

Представляется важным отметить, что сами положения Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – «Закон «О банкротстве») противоречивы и могут ввести в заблуждение относительно того, о банкротстве каких КФХ в них идет речь. Закон «О банкротстве» содержит положения об особенностях банкротства крестьянского фермерского хозяйства, и учитывая, что в соответствии с ч. 2 и ч. 3 ст. 1 Закон «О банкротстве» закон распространяется на ситуации банкротства юридических и физических лиц, можно было бы предположить, что речь идет о банкротстве КФХ, являющихся юридическими лицам, но исходя из содержания этих положений и их места в структуре закона (раздел про банкротство граждан), можно сделать только однозначный вывод о том, что речь идет о КФХ, не являющемся юридическим лицом. В целом в доктрине уже неоднократно обращалось внимание на то, что субъектами банкротства могут быть формально неправосубъектные с точки зрения гражданского права образования³³⁷.

³³⁴ Агибалова Е.Н. Имущественная ответственность крестьянских (фермерских) хозяйств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 9. С. 48-55.

³³⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.12.2023 № Ф10-6277/2023 по делу № А48-11123/2021.

³³⁶ Анашкин С.П. Теория персонифицированной конкурсной массы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 10. С. 199.

³³⁷ См., например, Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / Я.О. Алимова, Н.Н. Викторова, С.С. Галкин и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М.: Проспект, 2016. 336 с.

Можно было бы предположить, что речь идет о юридико-технической неточности и в действительности данному параграфу следовало бы называться – банкротство индивидуального предпринимателя – главы КФХ, однако и по существу данный параграф представляет собой правила, касающиеся банкротства обособленной имущественной массы, не обладающей правосубъектностью, а не самого главы КФХ. Некоторые исследователи, согласные с тем, что должником следует признавать само КФХ, отмечают, что в судебной практике признают несостоятельным (банкротом) главу хозяйства, а в конкурсную массу включают имущество всего хозяйства³³⁸.

Таким образом, парадоксальность текущего регулирования деятельности КФХ заключается не только в том, что под одним названием крестьянское (фермерское) хозяйство может пониматься как правосубъектное, так и формально неправосубъектное образование, но и в том, что две эти формы обладают зеркально-противоположным характером имущественного обособления. Неправосубъектное КФХ обладает сильной формой защитного обособления и не имеет подтверждающего, а юридическое лицо КФХ, наоборот, не имеет защитного обособления, но обладает сильным подтверждающим обособлением.

В этой связи также совершенно непонятно, каким образом должен происходить переход от неправосубъектного КФХ к юридическому лицу КФХ в соответствии с абз. 1 п. 1 ст. 86.1 ГК. Будет ли в таком случае происходить какое-то квази-правопреемство или комплекс прав и обязанностей, возникших в связи деятельностью неправосубъектного КФХ, останется в прежнем статусе (прекращение и субсидиарная ответственность бывших участников в течение двух лет).

Текущее положение нельзя признать удовлетворительным. Представляется, что с целью совершенствования регулирования следует признать субъектом права текущее КФХ, которое хоть и не является юридическим лицом, но по своему фактическому положению является квази-субъектом, сам факт признания правосубъектности должен наделять такое имущество подтверждающим обособлением. При этом важно, чтобы в отличие от текущего правосубъектного КФХ, новое КФХ на базе Закона «о КФХ» имело защитное обособление, которое могло бы обеспечить необходимую защиту товаропроизводителям сельскохозяйственной продукции, поскольку правопорядок в целом признает высокорисковость данной сферы и обеспечить справедливое распределение рисков между кредиторами КФХ и личными кредиторами его участников.

³³⁸ Шишмарева Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих. М.: Статут, 2015. С. 128-129.

2.4. Инвестиционное товарищество

Закон «об инвестиционных товариществах» прямо определяет инвестиционное товарищество в качестве разновидности простого товарищества: «[закон об инвестиционных товариществах]» регулирует особенности договора простого товарищества, заключаемого для осуществления совместной инвестиционной деятельности (договора инвестиционного товарищества)³³⁹, а вслед за ним это делают и некоторые исследователи³⁴⁰. Некоторые, однако отмечают, что несмотря на квалификацию инвестиционного товарищества в качестве разновидности простого товарищества, оно имеет значительные отличия³⁴¹. На наш взгляд, в действительности правовой режим такого образования, как инвестиционное товарищество принципиально отличается от простого товарищества, особенно в аспекте имущественной обособленности, что делает данный институт похожим скорее на доверительное управление, чем на простое товарищество. Поэтому мы согласны с тем исследователями, которые также считают, что в инвестиционном товариществе нет почти ничего от товарищества простого³⁴², указывают на сходства с паевыми инвестиционными фондами и хозяйственными товариществами³⁴³.

2.4.1. Защитное и подтверждающее имущественное обособление

В инвестиционном товариществе, в отличие от простого товарищества, появляется подтверждающее имущественное обособление, так как происходит разделение кредиторов на общих и личных. Общие кредиторы имеют приоритет в отношении общего имущества, так как по смыслу ч. 2.3. ст. 4 и ст. 16 ФЗ-355, обращение взыскания происходит на долю в общем имуществе товарищества, которая внутри себя уже учитывает приходящиеся на неё обязательства товарищества, что означает существование подтверждающего обособления в достаточно сильной форме. Поэтому мы не согласны с Е.И. Червец в части того, что подтверждающее обособление в инвестиционных товариществах выражено также слабо, как в простом товариществе³⁴⁴.

³³⁹ Ч. 2 ст. 1 Закона «об инвестиционных товариществах».

³⁴⁰ См., например, Бондаренко В. В. Некоторые особенности правового статуса хозяйственного партнерства и инвестиционного товарищества // Юридическая наука: история и современность. 2012. № 11. С. 59-66.; Шушлебин В. В. Правовой статус инвестиционного товарищества // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2013. № 3(59). С. 231-236.

³⁴¹ Налетов К. И. Хозяйственные партнерства и инвестиционные товарищества - новые институты гражданского законодательства // Гражданин и право. 2012. № 9. С. 76.

³⁴² Мареев Ю. Л. Инвестиционное товарищество: попытка реанимации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 6. С. 82.

³⁴³ Якимова Е. С. Перспективы развития законодательства об инвестиционных товариществах // Современный юрист. 2014. № 2(7). С. 8; Семилютина Н.Г. Проблема соотношения гражданского законодательства и специального законодательства о рынке финансовых услуг (на примере Федерального закона «Об инвестиционном товариществе») // Журнал российского права. 2012. № 7 (187). С. 116–124.

³⁴⁴ Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество. С. 44-45

В части защитного обособления инвестиционного товарищества установлен дифференцированный режим, который зависит от характера требования и статуса товарища. Вне зависимости от характера требования защитное обособление отсутствует в отношении управляющих товарищей – они несут ответственность личным имуществом по всем обязательствам. По тем же причинам, что были описаны выше применительно к хозяйственным товариществам, мы рассматриваем отсутствие слабой формы защитного обособления в этом случае в качестве недостатка текущего регулирования.

Ответственность товарищей-вкладчиков строится в зависимости от характера обязательства: (1) налоговые требования распространяются на личное имущество, (2) внедоговорные требования распространяются на личное имущество только при наличии установленной вины товарища-вкладчика, (3) договорные требования не распространяются на личное имущество. Таким образом, сильное защитное обособление имущества товарищей-вкладчиков происходит только в отношении добровольных кредиторов. В этом аспекте мы полностью согласны с выводами, которые ранее сделаны Е.И. Червец³⁴⁵.

В таком защитном обособлении можно увидеть явную договорную природу ограниченной ответственности, так как вступая в отношения с инвестиционным товариществом его договорные кредиторы фактически принимают условие об ограниченной ответственности. Более того закон прямо предписывает указывать в договоре, что ответственность товарищей вкладчиков ограничена (п. 2 ч. 4 ст. 14 Закона «об инвестиционных товариществах»). Как указывает А.Н. Борисов первоначальный проект закона не содержал такого требования, которое было добавлено с целью информирования кредиторов об условиях ответственности³⁴⁶.

Закон называет такое условие существенным, однако в этом видится некоторая некорректность, так как в отсутствие специального регулирования это означает, что невключение подобных условий в договор будет приводить к незаключённости такого договора в соответствии с общим правилом ст. 432 ГК РФ, что, конечно же, противоречит логике регулирования, поскольку отсутствие такого положения должно приводит к неограниченной ответственности. То же касается и иных условий, определенных договором в качестве существенных.

В сравнении с обычным договорным ограничением ответственности, нетипичным является только то, что ответственность по договору ограничивается не денежным порогом, а определенным обособленным имуществом (так, как это происходит в юридических лицах). Отметим, что формулировки ч. 3 ст. 14 Закона «об инвестиционных товариществах» говорит

³⁴⁵ Домшенко (Червец) Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество. С. 44

³⁴⁶ Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе» (постатейный). М.: Деловой двор, 2012. С. 35.

именно об ответственности самим имуществом, а не его стоимостью: об это однозначно свидетельствует фраза «не отвечает иным своим имуществом», а указание на стоимость имущества следует понимать именно как текущую стоимость, в том смысле, что в случае случайной гибели такого имущества размер потенциальной ответственности снизится на сумму утраты.

2.4.2. Принадлежность прав и обязанностей

Не менее запутанным, чем в доверительном управлении является и вопрос о принадлежности прав и обязанностей, по договорам, заключенным в связи с деятельностью инвестиционного товарищества³⁴⁷.

Хотя управляющие товарищи наделяются в отношении общего имущества таким набором полномочий, который почти полностью соответствует по объему полномочиям собственника или доверительного управляющего, вместе с тем в государственных реестрах (ЕГРН и ЕГРЮЛ) информация о собственнике соответствующего актива будет отражаться аналогичным с ПИФ способом, который позволяет определить, что данное имущество принадлежит именно сообществу товарищей инвестиционного товарищества³⁴⁸.

Аналогичная доверительному управлению проблема возникает, в том числе из-за внутренне противоречивых положений закона, так в соответствии с ч. 8 ст. 9 Закона «Об инвестиционных товариществах» управляющий товарищ действует от имени товарищей, что подразумевает принадлежность прав и обязанностей всем товарищам одновременно, однако в соответствии с п. 2 ч. 23 ст. 9 того же закона управляющий товарищ при прекращении его полномочий передает права и обязанности по заключенным им в интересах товарищей договорам, что уже свидетельствует о принадлежности прав и обязанностей именно ему.

Более того фактически управляющие товарищи становятся кредиторами общего имущества товарищества в обязательствах по оплате вознаграждения.

2.4.3. Правосубъектность

Наличие имущественной обособленности, а также установленный порядок формирования выражения воли такого объединения ввне свидетельствует о том, что законодательно уже установлены основные свойства, характерные для субъекта права. По этой причине для оптимизации нормативного регулирования инвестиционное товарищество должно быть признано субъектом права. На наличие признаков правосубъектности указывают также и другие

³⁴⁷ Забавным представляется то, что обстоятельство, что как указывалось ранее в параграфе про доверительное управление, именно в Законе «об инвестиционном товариществе» содержится указание на то, что при доверительно управлении все права и обязанности принадлежат учредителю управления, но при этом вопрос о принадлежности прав в самом инвестиционном товариществе оказался прямо не разрешен.

³⁴⁸ Ч. 5 и 6 Ст. 10 Закона «об инвестиционных товариществах».

авторы, но обосновывают это через необходимость индивидуализации инвестиционного товарищества в обороте³⁴⁹.

Более того, в силу имущественной обособленности отдельных пулов имущества внутри инвестиционного товарищества также может быть поставлен вопрос о правосубъектности каждой из обособленных масс. Форма инвестиционного товарищества с обособленным имуществом в большей степени похожа не на ограниченное партнерство, а на ячеечную компанию³⁵⁰, в которой разные обособленные массы объединены единым центром управления, или на несколько паевых инвестиционных фондов, управляемых одной компанией.

Ввиду наличия большого количества источников, которые содержат информацию об истории введения института инвестиционного товарищества в российском праве, мы можем с высокой степенью уверенности утверждать, что отсутствие правосубъектности у инвестиционного товарищества явилось не сознательным решением, а произошло ввиду стечения нескольких ошибочных предположений и желания скопировать модели американского ограниченного партнерства (limited partnership). Попытаемся полностью проследить логику законодателя, обратившись к пояснительной записке к Закону «об инвестиционных товариществах»³⁵¹. Не будем рассматривать всё обоснование введения данной конструкции³⁵², рассмотрим только аргументы, касающиеся правосубъектности: (1) первый – отсутствие правосубъектности позволяет избежать двойного налогообложения, под которым вероятно понимается то, что само инвестиционное товарищество не является субъектом налоговых правоотношений, (2) второй, вероятно, решающий аргумент – это необходимость исполнения поручения Президента РФ по итогам заседания Комиссии при Президенте РФ по модернизации и технологическому развитию экономики России от 27 июля 2010 года³⁵³, согласно которому необходимо обеспечить «развитие законодательства, регламентирующего способы организации коллективных инвестиций без образования юридического лица».

Несмотря на то, что в настоящий момент сам протокол с поручениями недоступен, о его содержании можно судить по двум доступным документам: (1) отчет о результатах контрольных

³⁴⁹ Мареев Ю.Л. Указ. соч. С. 83.

³⁵⁰ См., например, Закон Британских Виргинских Островов о коммерческих компаниях, 2004 // СПС «Консультант плюс»

³⁵¹ Протокол от 1 августа 2010 г. № Пр-2279.

³⁵² Оно не выдерживает никакой критики и сводится к обоснованию негибкости и невостребованности конструкций командитного и простого товариществ из чего, однако, делается вывод не о необходимости реформирования данных конструкций, а о создании особой разновидности последней из них.

³⁵³ Протокол от 1 августа 2010 г. № Пр-2279.

мероприятий³⁵⁴, (2) стенограмма заседания³⁵⁵. Обратившись к соответствующим документам, можно в полной мере оценить идею, лежащую в основе такого подхода. Из данных материалов видно, что основная цель ненаделения статусом юридического лица – избежание двойного налогообложения, других аргументов, которые прямо были бы связаны с правосубъектностью высказано не было.

Потом в развитие этой идеи устно было предложено И.Р. Агамирзяном создать аналог *limited partnership*, поскольку для достижения поставленных целей предпочтительнее «форма *limited partnership*, являющаяся договором без образования юридического лица»³⁵⁶. Несмотря на ответ Д.А. Медведева: «Вообще все эти организационно-правовые формы, могу Вам сказать, я всё-таки много занимался правовой практикой, – всё это чушь. Если не будет правильного климата, будет этот договор называться *limited partnership* или он будет называться договором простого товарищества, договором о совместной деятельности, – это вторичные вещи»³⁵⁷, ключевой привязкой стала именно сама форма, а не её функционал и содержание.

Несмотря на то, что из дискуссии никак не следовало, что новая форма принципиально не должна иметь статуса юридического лица, именно этот тезис был воспринят в качестве главного признака новой формы и начал без особой надобности укрепляться новыми аргументами.

Вместе с тем надлежащим способом избежания двойного налогообложения, на наш взгляд, является изменение налогового законодательства, а не выстраивание гражданско-правового образования, выбивающегося из общей логики регулирования. Тем более, что само законодательство устанавливает в данном случае различный режим имущественной обособленности для целей договорных и налоговых требований (для налоговых требований защитное обособление отсутствует).

Помимо этого, указывается на недостатки хозяйственных обществ как инструмента инвестирования из-за «крайней степени зарегулированности условий формирования (изменения) уставного капитала», но средством решения этой проблемы вновь выбрано не совершенствование данного механизма, а создание еще более проблемного с точки зрения понятности и предсказуемости регулирования конструкта. В этом аспекте более удачным с точки зрения подхода было введение конструкции хозяйственного партнёрства, юридического лица, с очень диспозитивным регулированием внутренних отношений³⁵⁸. Более того, некоторые

³⁵⁴ Отчет о результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности расходования средств федерального бюджета, направленных на формирование инфраструктуры инновационной системы России» URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ae0/ae004a23a769292b0b700e7b361d456c.pdf?ysclid=lu1h4gocwh531631255> (дата обращения 14.08.2024).

³⁵⁵ Стенографический отчёт о заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/8474> (дата обращения: 14.08.2024).

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же.

³⁵⁸ Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах».

исследователи также отмечают, что осуществленное дерегулирование оказалось также чрезмерным и снизило гарантии для неквалифицированных инвесторов³⁵⁹.

Более того, компромиссным вариантом могло бы быть наделение инвестиционного товарищества статусом иного субъекта, отличного от юридического лица, потому что это бы, с одной стороны, позволило бы избежать двойного налогообложения и упростить процедуру внесения финансирования, а с другой, позволило бы формально признать инвестиционное товарищество или отдельную его обособленную массу точкой прикрепления прав и обязанностей, что полностью бы соответствовало характеру складывающихся отношений.

2.4.4. Перспективы инвестиционного товарищества

Одним из аргументов при создании инвестиционного товарищества было указание на непопулярность хозяйственных товариществ как организационно-правовой формы ведения деятельности, но из пояснительной записки к закону о внесении изменений в Закон «об инвестиционных товариществах»³⁶⁰ можно увидеть, что за почти 10 лет существования данной формы было создано около 80 инвестиционных товариществ. Одной из причин такого положения было названо отсутствие возможности сегрегировать портфели инвестиций в рамках одного инвестиционного товарищества и, как следствие, возможности осуществлять попроектные инвестиции. Это стало причиной введения в 2021 году инвестиционных товариществ с обособленным имуществом.

Как и предполагали некоторые исследователи, попытка «реанимации» инвестиционного товарищества в 2021 году не стала успешной³⁶¹. Несмотря на то, что с юридической точки зрения нам представляется необходимым придать инвестиционному товариществу статус правосубъектного образования, мы вполне допускаем, что это также не приведет к значительному росту привлекательности данной формы для целей коллективных инвестиций.

Форма инвестиционного товарищества с обособленным имуществом в большей степени похожа не на ограниченное партнерство, а на ячеечную компанию, в которой разные обособленные массы объединены единым центром управления. Сам по себе такой шаг представляется нам перспективным и создающим новые возможности, однако полагаем, что вряд ли это принципиально повлияет на масштаб использования данной конструкции, что подтвердит слова Д.А. Медведева о том, что дело не в организационно-правовой форме, а в правильном климате.

³⁵⁹ Семилютин Н.Г. Указ. соч. С. 120-124.

³⁶⁰ Пояснительная записка к законопроекту №1171688-7: Система обеспечения законодательной деятельности (duma.gov.ru) URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1171688-7?ysclid=lu2faxs6ee479843965> (дата обращения 14.08.2024).

³⁶¹ Мареев Ю.Л. Указ. соч. С. 90-91.

§ 3. Индивидуальные предприниматели³⁶²

3.1. Правовое положение в России

Большинство правопорядков не рассматривает индивидуальных предпринимателей в качестве самостоятельных субъектов права, отличных от физических лиц. Этой позиции придерживается и российское право. Однако такое решение не является единственно возможным, поскольку существуют примеры признания их самостоятельной правосубъектности. Так, в частности, право КНР рассматривает в контексте организаций без статуса юридического лица индивидуальных предпринимателей.

Отечественное законодательство тоже говорит о праве осуществлять предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, путем регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (ст. 23 ГК РФ). Общепринятой и в целом не подвергаемой сомнениям в доктрине является позиция о том, что один человек как индивидуальный предприниматель и как физическое лицо, не осуществляющее предпринимательскую деятельность – один и тот же субъект права. На наш взгляд, это не столь однозначно следует из буквального текста закона и в нем можно найти основу для самостоятельной правосубъектности индивидуальных предпринимателей, но в отсутствии имущественного обособления сущностных причин для самостоятельной правосубъектности индивидуального предпринимателя в настоящий момент нет.

Следует признать, что непризнание самостоятельной правосубъектности индивидуального предпринимателя означает, что регистрация лица в качестве такового, по большому счету, имеет сугубо административный характер – является условием осуществления предпринимательской деятельности, не оказывая какого-либо влияния на сферу частноправовых отношений. Это, на наш взгляд, подтверждается и п. 4 ст. 23 ГК РФ, который говорит о том, что к предпринимательским отношениям будут применяться соответствующие нормы и правила вне зависимости от регистрации. Представляется, что это также является еще одним примером того, как частноправовой институт имеет большее значение в сфере иных отраслей права, чем в гражданском праве³⁶³.

В отечественном правопорядке имущество индивидуального предпринимателя никак не обособлено: «Согласно статье 24 ГК РФ гражданин отвечает по своим обязательствам всем

³⁶² Данный параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество и правосубъектность // Ленинградский юридический журнал. 2024. № 1 (75). С. 28–48.

³⁶³ Подробнее о проблеме отсутствия имущественной обособленности индивидуального предпринимателя для целей налогового права см., например, Козлова Н. В., Филиппова С.Ю. Правовое положение индивидуального предпринимателя // Налоговед. 2019. № 7. С. 73-76.; Козлова Н. В., Филиппова С.Ю. Особенности гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя по законодательству Российской Федерации // Хозяйство и право. 2019. № 9(512). С. 31-40.

принадлежащим ему имуществом, за исключением имущества, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание. Указанная норма закрепляет полную имущественную ответственность физического лица независимо от наличия статуса индивидуального предпринимателя и не разграничивает имущество гражданина как физического лица либо как индивидуального предпринимателя»³⁶⁴. «Вместе с тем при обращении... взыскания на имущество должника - индивидуального предпринимателя по требованиям, связанным с его предпринимательской деятельностью (пункт 3 статьи 23 ГК РФ), необходимо соблюдать не только очередность, установленную статьей 69 Закона об исполнительном производстве, но и иные положения законов, определяющих очередность взыскания с учетом такого статуса должника, в частности нормы статьи 94 названного Закона»³⁶⁵.

Такое положение дел нашло подтверждение и со стороны Конституционного Суда: «Это согласуется с законоположениями, определяющими особенности правового статуса гражданина, занимающегося предпринимательской деятельностью без образования юридического лица: поскольку юридически имущество индивидуального предпринимателя, используемое им в личных целях, не обособлено от имущества, непосредственно используемого для осуществления индивидуальной предпринимательской деятельности, он отвечает по обязательствам, в том числе связанным с предпринимательской деятельностью, всем своим имуществом, за исключением того, на которое в соответствии с законом не может быть обращено взыскание (пункт 1 статьи 23, статьи 24 и 25 ГК Российской Федерации)³⁶⁶».

Вместе с тем следует отметить, что некоторые, чисто внешние исключения, признаки имущественного обособления встречаются в отечественном праве. Для целей обращения взыскания по налоговым обязательствам различаются счета, открытые в качестве индивидуального предпринимателя и физического лица: «В связи с этим принудительный порядок взыскания задолженности, предусмотренный статьей 46 Налогового кодекса, может применяться к физическим лицам, имеющим статус индивидуальных предпринимателей, в ограниченном объеме: в отношении задолженности по налогам, уплачиваемым в связи с ведением предпринимательской деятельности (например, налог на добавленную стоимость, налог по упрощенной системе налогообложения) и применительно к счетам в банке, открытым гражданином для ее ведения». Такие исключения, на наш взгляд, не имеют принципиального значения и не свидетельствуют о реальной обособленности.

В то же время, несмотря на то что другие правовые порядки, как правило, не признают самостоятельную правосубъектность индивидуальных предпринимателей, в некоторых

³⁶⁴ П. 55 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2001 № 88-О.

правопорядка имущество индивидуального предпринимателя обособляется, в первую очередь, с целью введения ограниченной ответственности для защиты интересов самого индивидуального предпринимателя.

3.2. Ограниченная ответственность

Введение ограниченной ответственности и имущественной обособленности применительно к индивидуальным предпринимателям обсуждалась в американской литературе. В качестве причины неограниченной ответственности автором прямо называлось «отсутствие какой-либо сущности, которая могла бы прикрыть владельца от ответственности»³⁶⁷, в связи с чем предлагается ввести в правопорядок конструкцию индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью (далее – «ИПОО»)³⁶⁸. Из предлагаемого автором регулирования можно сделать следующие выводы: (1) ИПОО в отличие от обычного индивидуального предпринимателя требует соблюдения формальностей и подачи соответствующего заявления в уполномоченный орган (и здесь нужно отметить, что в США лицо, по общему правилу, не должно соблюдать каких-либо формальностей для того, чтобы осуществлять деятельность в качестве индивидуального предпринимателя), (2) ИПОО фигурирует в качестве отдельной сущности, но не называется корпорацией, что, по сути, означает самостоятельную правосубъектность ИПОО, то есть его признание самостоятельной сущностью (entity), но не лицом (person)³⁶⁹.

Наибольший интерес в контексте данной проблемы представляет правопорядок Франции, так как именно в нем на протяжении полувека продолжают попытки добиться ограничения ответственности индивидуальных предпринимателей и каждый раз для этого используются различные правовые конструкции, которые демонстрируют свои преимущества и недостатки.

Первым шагом, предпринятым в 1985 году, было введение конструкции «общества с ограниченной ответственностью в одном лице». Такое решение представляется достаточно логичным и понятным, а также, что важно, позволяло оставить неприкосновенным принцип единства имущественной массы (patrimoine) за счёт создания нового субъекта права, юридического лица. По свидетельствам французских юристов это не решило проблему ответственности личным имуществом, так как банки всегда требовали личного поручительства, что, по сути, устраняло ограниченную ответственность³⁷⁰. Другие исследователи отмечают, что

³⁶⁷ Crusto M. F. Extending the Veil to Solo Entrepreneurs: A Limited Liability Sole Proprietorship Act (LLSP) // Columbia Business Law Review. 2001. Vol. 2. No. 381. P. 399.

³⁶⁸ Там же.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Ле Корр-Броли Э. Физические лица и французское право предприятий, находящихся в затруднительном положении / Правовое регулирование несостоятельности в России и Франции: Сборник статей / НИУ ВШЭ и университет Ниццы - Софии Антиполис. М.: Юстицинформ, 2016. С. 34.

данная конструкция не пользовалась популярностью и основной причиной была сложность их законодательного регулирования и необходимость соблюдения административных процедур³⁷¹.

Возможность отказа от ограниченной ответственности на уровне договора демонстрирует природу такого защитного обособления как стандартного договорного условия, которое могло бы быть создано и без специального указания закона. Видимо, по мысли законодателя, введение такого общего правила на уровне закона должно усилить переговорную позицию индивидуального предпринимателя за счет того, что общим правилом является ограниченная ответственность, а иной порядок уже будет являться результатом договоренности.

Ограниченная ответственность связана с проблемой ограничения ответственности перед недобровольными кредиторами. Проблему недобровольных кредиторов применительно к индивидуальным предпринимателям предлагается решать за счет введения обязательного страхования такой ответственности³⁷². Необходимо оговориться, что приведенные нами в первой главе настоящей работы аргументы против страхования в меньшей степени применимы к индивидуальным предпринимателям, так как с учетом масштабов их деятельности такие риски вполне страхуемые.

Другим направлением в защите личного имущества предпринимателя было введение конструкций, похожих на исполнительский иммунитет. Такими конструкциями являются: (1) семейное имущество (*bien de famille*), введенное в 1909 году и формально продолжающее свое действие, но фактически утратившее актуальность из-за того, что максимальная стоимость такого имущества из-за инфляции имеет незначительный размер; (2) заявление о невозможности обращения взыскания на личное недвижимое имущество (*declaration d'insaisissabilite*), введенное в 2003 году³⁷³.

Заявление о невозможности взыскания на личное недвижимое имущество имеет следующие отличия от российского варианта исполнительного иммунитета: (1) действует не по умолчанию, а требует совершения соответствующего заявления и придания публичности данной информации, (2) действует только в отношении коммерческих кредиторов, чьи требования возникли после публикации соответствующего заявления. Э. Ле Корр-Бролли оценивает такую конструкцию как попытку снизить негативные последствия принципа единства имущественного комплекса, не затрагивая его фундаментальных основ³⁷⁴. Такая конструкция имущественного обособления не похожа на обособление сущности, а скорее напоминает общий залог в пользу

³⁷¹ Ямова Ю.И. Статус индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью во французском праве // Право и политика. 2013. № 8. С. 982.

³⁷² Crusto M. F Op. site. P. 420.

³⁷³ Ямова Ю.И. Указ. соч. С. 982-983.

³⁷⁴ Ле Корр-Бролли Э. Указ. соч. С. 36.

неопределенного круга личных кредиторов и может быть отнесена нами к группе относительных имущественных иммунитетов.

Полноценное имущественное обособление (*patrimoine d'affectation*) имущества индивидуального предпринимателя как отдельной сущности, произошло в 2010 г. с введением конструкции индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью. Такое обособление связано с возникновением сильной формы как защитного, так и подтверждающего обособления, поскольку в банкротстве данные имущественные массы выступают раздельно и банкротство одной имущественной массы не затрагивают другую³⁷⁵. При этом, по-видимому, подтверждающее обособление имеет супер-сильную форму, так как коммерческое имущество оказывается полностью недоступно личным кредиторам из-за того, что не может быть обращено взыскание на доли/акции, ввиду отсутствия последних.

Для возникновения юридического обособления также требовалось обособление техническое: индивидуальный предприниматель мог получить статус индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью, если он в установленном порядке осуществлял оценку и обособление имущества, необходимого для предпринимательской деятельности – данной информации придавался публичный характер. Личные кредиторы при этом имели право оспорить отнесение того или иного имущества к предпринимательскому.

По свидетельствам исследователей данная реформа не привела к желаемому результату и не привела к образованию планируемого количества индивидуальных предпринимателей с ограниченной ответственностью³⁷⁶. В качестве возможной причины называлась несоразмерность затрат на получение статуса (оценку и обособление имущества), тем выгодам, которые это могло принести, так как при небольшой ценности «коммерческого» имущества (а данная норма была рассчитана именно на самые небольшие предприятия), кредиторы полагали данное имущество недостаточным и продолжали требовать личные обеспечения³⁷⁷.

В результате реформы статуса индивидуального предпринимателя 2022 года был устранен отдельный режим индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью, с заменой его общим правилом об ограничении ответственности всех индивидуальных предпринимателей их «коммерческим» имуществом, которое теперь не требует специальной индивидуализации в форме декларации, а определяется в соответствии с критериями, установленными законом (по сути, путем определения того, какое имущество может относиться к коммерческой деятельности). Также после реформы прямо закреплены исключения из

³⁷⁵ Ле Корр-Броли Э. Указ. соч. С. 35-38.

³⁷⁶ Ямова Ю.И. Указ. соч. С. 986-987; Courtier A. Op. cit. P. 154-155.

³⁷⁷ Ямова Ю.И. Указ. соч. С. 986-987; Courtier A. Op. cit. P. 154-155.

принципа ограниченной ответственности – ответственность по налоговым и иным обязательным платежам и случаи добровольного отказа на уровне договора от ограниченной ответственности.

Можно заметить, что такой подход к обособлению принципиально отличается от привычного, ведь как правило, имущественное обособление во всех иных рассмотренных нами ситуациях происходило путем закрепления строго определенного имущества за юридическим лицом или какой-либо иной сущностью. В данном же случае обособляется неопределенный, но определяемый в соответствии с установленными критериями набор имущества. Такой подход к обособлению имеет свои преимущества и недостатки.

3.3. Проблема самостоятельной правосубъектности

Сильная имущественная обособленность приводит к тому, что точкой прикрепления прав и обязанностей является само обособленное имущество, а всякий раз, когда возникает единство комплекса прав и обязанностей можно говорить о признании правопорядком правосубъектности такого образования в широком смысле. Более того, признание самостоятельной правосубъектности обособленного имущества позволило бы сохранить принцип единства имущественного комплекса (*patrimoine*), главная идея которого, на наш взгляд, заключается именно в определенности имущества, на которое вправе претендовать кредитор, вступая в отношения с должником.

С целью поддержания такой определенности индивидуальный предприниматель с ограниченной ответственностью должен указывать, что он действует именно в качестве такового³⁷⁸. Необходимость такого указания, очевидно, определяется тем, что для кредитора имеет принципиальное значение, в каком статусе действует должник, ведь вступление в отношения с предпринимателем или с простым физическим лицом для него совсем не одно и то же, и в плане последствий не отличается от того, что должником будет вообще какое-то третье лицо. Вместе с тем во французском правопорядке это правило реализовано не в полной мере, так как требуется только указание на то, что лицо действует в качестве предпринимателя с ограниченной ответственностью, хотя с 2013 года один предприниматель мог иметь несколько обособленных комплексов³⁷⁹, что, конечно, требует уточнения «от лица» какого из комплексов он действует.

В этом контексте обращение к исконному значению слова «*persona*» как «маска» крайне иллюстративно, так как для кредитора имеет большее значение не то, какой человек является его кредитором, а то под какой маской действует это человек. Именно эта маска становится точкой прикрепления прав и обязанностей и потому, на наш взгляд, дает основания для признания её

³⁷⁸ Ямова Ю.И. Указ. соч. С. 987.

³⁷⁹ Ямова Ю.И. Указ. соч. С. 987.

самостоятельной правосубъектности. Более того, по свидетельствам исследователей, уже римская юриспруденция в этом смысле смогла концептуализировать понятие *persona* таким образом, что одно лицо может нести на себе несколько *persona*³⁸⁰.

Проблема правосубъектности, однако в данном случае несколько усложняется из-за того, что её отсутствие у индивидуального предпринимателя само по себе может выполнять защитную функцию. Как отмечает Э. Ле Корр-Бролли, конструкция индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью лучше конструкции общества одного лица тем, что кредиторы предпринимателя хоть и могут потребовать предоставления в качестве обеспечения вещного обеспечения личным имуществом, но не могут потребовать личного поручительства, так как невозможно быть поручителем для самого себя³⁸¹. Вместе с тем такое частичное решение столь точечной проблемы, на наш взгляд, не оправдывает кардинальное отступление от принципа единства имущественного комплекса. Более того, мы полагаем, что отсутствие возможности предоставить личное обеспечение может само по себе предопределить нежизнеспособность данной формы, осуществления предпринимательской деятельности.

Вместе с тем можно усмотреть непоследовательность у французских исследователей, которые, на наш взгляд, верно интерпретируют теорию имущественного комплекса указывая, что «если активы и обязательства компании должны быть отделены от активов и обязательств партнеров необходимо признать, что появилось новое лицо, которому принадлежат эти активы и обязательства»³⁸², но по итогу, следуя формальному содержанию закона соглашаются с тем, что обособление может происходить иным образом и применительно к коммерческому имуществу индивидуального предпринимателя юридическое лицо не образуется³⁸³. Нам представляется более верным подход, в соответствии с которым образование автономного имущественного комплекса (*patrimoine*) означает возникновение юридического лица³⁸⁴.

Таким образом, мы полагаем, что индивидуальные предприниматели при наделении их имущества свойством имущественной обособленности становятся самостоятельными субъектами права, а термин *patrimoine d'affectation* следует воспринимать не как отступление от принципа единства имущественного комплекса, а как обозначение дефекта позитивного права, которое наделило имущество свойствами правосубъектности, но формально не признало последнее.

³⁸⁰ Пестов М. М. Указ. соч. С. 281.

³⁸¹ Ле Корр-Бролли Э. Указ. соч. С. 35.

³⁸² Chiron G. *Op. cit.* P. 120.

³⁸³ Chiron G. *Op. cit.* P. 124.

³⁸⁴ Bailly-Masson C. *Op. cit.* P.99.

§ 4. Семейное имущество³⁸⁵

Имущественная обособленность семейного имущества непосредственно связана с законным режимом имущества супругов – режимом совместной собственности. Поэтому имущественное обособление семейному имуществу присуще только в той степени, в которой оно присуще совместно собственности как таковой и при условии, что такой режим не отменен брачным договором. Также необходимо отметить, что режим совместной собственности супругов отличается от ранее рассмотренного режима совместной собственности членов КФХ.

В отличие от долевой собственности, при возникновении собственности совместной некоторые признаки имущественной обособленности всё же проявляются. В частности, происходит разделение имущества на несколько пулов активов, предназначенных для разных кредиторов: личные кредиторы – сначала обращают взыскание на личное имущество супругов, а общие кредиторы сначала на общее имущество супругов. Это уже больше похоже на разделение активов, однако само по себе не устанавливает приоритета для кого-либо из видов кредиторов, поэтому нужно понять, будет ли он возникать в случае столкновения таких требований.

4.1. Ответственность супругов по российскому праву

Признаки обособленности совместного имущества можно обнаружить на нормативном уровне, так как закон выделяет две группы кредиторов: личные кредиторы и общие. В соответствии со ст. 45 СК РФ личные кредиторы сначала обращают взыскание на личное имущество супруга, а общие кредиторы сначала на общее имущество супругов. В случае недостаточности той или иной имущественной массы личные кредиторы также вправе претендовать на долю супруга в совместном имуществе, а в случае недостаточности общего имущества супруги несут солидарную ответственность личным имуществом по общим долгам.

Концептуально такой же порядок, но с некоторыми отличиями, сохраняется и в случае банкротства одного из супругов. Согласно п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 сначала личные и общие требования удовлетворяются за счет личного имущества банкротящегося супруга в части, причитающейся ему в общем имуществе пропорционально, а потом оставшиеся общие долги удовлетворяются за счет части, причитающейся второму супругу. При таком подходе нельзя сказать, что какой-либо вид кредиторов имеет приоритет при удовлетворении требований за счет какого-либо пула активов.

Такое положение совместного имущества вызывает сомнения в том, что совместное имущество в действительности обособлено по следующим причинам: во-первых, в случае

³⁸⁵ Данный параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К.Ю. Обособленное имущество в римском праве // Российский журнал правовых исследований. 2023. Т. 10. №2. С. 74-88.

стечения общих и личных требований кредиторов никакая из этих двух групп кредиторов не имеет приоритета в отношении какой-либо части активов, а более выгодное положение общих кредиторов объясняется только тем, что и им в принципе доступен больший пул активов из-за солидарной ответственности обоих супругов; во-вторых, банкротство одного из супругов само по себе предполагает банкротство совместного имущества, в то время как банкротство действительно обособленных имущественных масс предполагает их самостоятельное банкротство³⁸⁶. По данным причинам мы не согласны с позицией, что совместное имущество действительно обособлено³⁸⁷.

Вместе с тем мы согласны с утверждением А.В. Егорова, что у супруга может быть личное имущество, а может быть и общее из-за чего происходит сепарация двух имущественных масс лица³⁸⁸, однако она не приводит к возникновению подтверждающего и защитного обособления, так как с точки зрения позитивного права обе эти массы полностью или частично доступны всем группам кредиторов без каких-либо приоритетов. Тем более, что как будет показано далее, некоторая сепарация «общего» и «личного имущества» бывает необходима не для целей юридического обособления, т.е. придания ему специфического правового режима, а для ведения внутреннего учета обязательственных отношений между супругами (техническое обособление).

Таким образом, единственное проявление имущественной обособленности совместной собственности супругов по российскому праву заключается в том, что личным кредиторам доступно не всё совместное имущество, а лишь доля, причитающаяся должнику в нем. Несмотря на то что по итоговому результату это похоже на режим долевой собственности, но из-за того, что в долевой собственности доли собственников в принципе не принадлежат должнику, здесь можно усмотреть подтверждающее обособление, так как супругу принадлежит всё совместное имущество в целом, но его личным кредиторам доступно не всё. Защитное имущественное обособление, очевидно, отсутствует, так как супруги несут солидарную ответственность по общим долгам, и их личные кредиторы никаких преимуществ не имеют.

Существует также некоторая неопределенность, связанная с определением общих долгов. Поскольку при вступлении в отношения с кредиторами один супруг не обязан как-либо обозначать, что он действует в общих интересах, то момент определения того является долг общим или личным сдвигается до момента возникновения спора. Общим долг будет признан, если будет

³⁸⁶ Например, банкротство юридических лиц, наследственной массы или КФХ по российскому праву, или банкротство имущества индивидуального предпринимателя во Франции.

³⁸⁷ Шевченко И. М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) // Закон. 2023. № 4. С. 121.

³⁸⁸ Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье.

установлена общность экономических интересов супругов и возможность совместного получения прибыли³⁸⁹.

Мы согласны с А.В. Егоровым в том, что подход, предложенный Верховным Судом, является в значительной степени произвольным и не основан на какой-либо конкретной теоретической модели совместной собственности супругов³⁹⁰.

4.2. Альтернативные подходы к семейному имуществу

В немецком праве существует три режима имущества супругов: режим общности³⁹¹, режим раздельного имущества, законный режим³⁹². Под законным режимом понимается так называемый режим отложенной общности, который предполагает раздельную собственность в период брака, но в момент его прекращения у супругов возникает обязательственное право требования на половину от общего прироста имущества³⁹³. Поскольку режим раздельного имущества и режим отложенной общности в целом не предполагают образование общего имущества и образование какой-либо третьей имущественной массы, то и имущественной обособленности там не обнаруживается.

Отметим лишь, что режим отложенной общности представляется нам крайне привлекательным с точки зрения баланса интереса супругов и их кредиторов, и поэтому обособленность семейного имущества как таковая не является решением необходимым для права. Обязательственные требования супруга при этом фактически субординируются по отношению к требованиям кредиторов другого супруга, так как само такое обязательство возникает только при наличии положительного прироста.

Анализируя проблему удовлетворения требований при банкротстве одного из супругов через призму моделей подлинной совместной собственности и отложенной общности, А.В. Егоров приходит к тому, что модель подлинной собственности в большей степени защищает интересы второго супруга, а модель отложенной собственности в большей степени защищает интересы кредиторов³⁹⁴.

³⁸⁹ Определение Верховного Суда РФ от 27.07.2022 № 305-ЭС20-8774(2) по делу № А40-119084/2017

³⁹⁰ Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье

³⁹¹ Обращаем внимание, что русский перевод Германского Гражданского Уложения (Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII - XIX, 1 – 715) имеет недостаток, связанный с тем, что применительно к законному режиму (Zugewinnngemeinschaft) и режиму общности (Gütergemeinschaft) используется один и тот же термин «режим общности», что может привести к смешению данных режимов.

³⁹² Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ // Семейное и жилищное право. 2021. № 2. С. 34 - 37.

³⁹³ Здесь нужно оговориться, что в некоторых право порядках существует режим абсолютной общности имущества супругов, который не предполагает существования личной собственности наравне с собственностью совместной, но мы вынесем его за скобки, так как он не предполагает деления долгов на совместные и личные и, как следствие, не представляет интереса для нашего исследования.

³⁹⁴ Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье.

Единственное, мы бы хотели обратить внимание на то, что утверждения А.В. Егорова о привлекательности той или иной модели для кредиторов нуждаются в уточнении, что речь идет о привлекательности для **общих** кредиторов, так как для личных она имеет прямо противоположный характер (поэтому и привлекательность для второго супруга можно воспринять как привлекательность для личных кредиторов этого супруга).

4.2.1. Общность имущества супругов по праву Германии

Обособленность имущества возникает только, если брачным договором устанавливается режим общности, который сам по себе не является однородным и предусматривает внутри себя некоторые вариации, влияющие на характер ответственности. Вариации определяются в зависимости от того, как происходит управление общим имуществом: одним из супругов (§ 1422-1449 ГГУ³⁹⁵) или совместно обоими супругами (§ 1450-1470 ГГУ).

Управление одним супругом. Если управление общим имуществом осуществляет один из супругов, то общее имущество обособляется только от имущества неуправляющего супруга. В отношениях с управляющим супругом обособление отсутствует, так как, во-первых, управляющий супруг отвечает солидарно по общим долгам (п. 2 § 1437 ГГУ), во-вторых, общее имущество отвечает по сделкам, заключенным управляющим партнером (п. 1 § 1438 ГГУ). Отсутствие обособленности общего имущества от имущества управляющего супруга подтверждается и положением кодекса о банкротстве, согласно которому в случае банкротства управляющего супруга общее имущество включается в конкурсную массу (§ 37 *Insolvenzordnung*³⁹⁶).

Однако это базовый подход, из которого существуют исключения, наиболее значимые из которых связаны с существованием особого имущества (*Sondergut*) и выделенного имущества (*Vorbehaltsgut*), которые исключаются из общего имущества. Данным имуществом супруги управляют самостоятельно, но в отношении особого имущества за счёт общего имущества, а в отношении выделенного за личный счет.

По общему правилу, общее имущество не отвечает по долгам, возникшим в связи с особым и выделенным имуществом неуправляющего партнера, в этом проявляется сильное имущественное обособление имущества неуправляющего супруга. Имущество же управляющего партнера такими свойствами не обладает в отношениях с общими кредиторами. Несмотря на это, нельзя сказать, что выделенное и особое имущество управляющего кредитора полностью

³⁹⁵ Если не указано иное, то здесь и далее ссылки на Германское Гражданское Уложение приводятся по Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. - 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII - XIX, 1 – 715. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

³⁹⁶ Ссылки на Германский Кодекс о Банкротстве приводятся в соответствии текстом соответствующего документа, размещенного на сайте федерального министерства юстиции Федеративной Республики Германия URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/insol/BJNR286600994.html#BJNR286600994BJNG035401311>.

сливается с общим имуществом: во-первых, оно отделено от личного имущества другого супруга даже, если в некоторых случаях допускается обращение взыскание на общее имущество, во-вторых, техническое обособление данного имущества требуется для определения компенсаций, которые должны быть осуществлены в пользу управляющего супруга или общего имущества, если одно имущество использовалось в интересах другого (§ 1445 ГГУ).

Совместное управление. Подтверждающее имущественное обособление в отношении обоих супругов возникает, если установлен порядок совместного распоряжения общим имуществом. В соответствии с § 1462 ГГУ общее имущество, по общему правилу, не отвечает по долгам, возникшим в связи с управлением особым и выделенным имуществом. Неочевидно обстоит вопрос с защитным обособлением.

Анализируя особенности банкротства совместного имущества Т.П. Шишмарева использует аккуратную формулировку о том, что в рамках данной процедуры за счет общего имущества удовлетворяются общие долги, прямо не высказываясь о том, может ли быть включено в эту массу личное имущество при недостаточности общего или могут ли быть предъявлены в отношении общего имущества требования личных кредиторов³⁹⁷. Однако отмечает, со ссылкой на немецких исследователей, что параллельно банкротству общего имущества может идти процедура банкротства одного из супругов³⁹⁸.

Формулировка п. 2 § 1459 ГГУ содержит указание на то, что как каждый из супругов солидарно отвечает по общим долгам, что является одним из признаков отсутствия защитного обособления. Несмотря на отсутствие защитного обособления всё же предусмотрена самостоятельная процедура банкротства общего имущества супругов, находящегося в совместном управлении (§ 333 Insolvenzordnung), хотя и с возможностью привлечения супругов к личной ответственности (§ 334 Insolvenzordnung). В связи с этим исследователи отмечают, что такой характер обособленности ставит общих кредиторов в привилегированное положение по отношению к личным кредиторам, так как последним доступно только личное имущество и наравне с общими кредиторами³⁹⁹.

Представляется, что такой режим банкротства имущественной массы, не обладает защитным обособлением, чем ставит личных кредиторов супругов в менее выгодное положение не только потому, что им в целом доступна меньшая имущественная масса, но и у них отсутствует приоритет в отношении личного имущества. В рамках немецкого права эта проблема

³⁹⁷ Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ С. 34 - 37.

³⁹⁸ Шишмарева Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ С. 34 - 37.

³⁹⁹ Brinkmann M. Die Bedeutung der §§ 92, 93 InsO für den Umfang der Insolvenz- und Sanierungsmasse / Köln; Berlin; Bonn; München: Heymanns, 2001, P. 173

не стоит столь критично по причине того, что данный режим не является популярным и в значительной степени устарел⁴⁰⁰.

4.2.2. **Общность имущества супругов по праву Франции**

Режим совместной собственности во Франции в целом схож с режимом имущества супругов по российскому праву.

Французское право имеет отличие в части режима личных долгов супругов, возникших до брака и во время него. В российском праве личные долги имеют одинаковый режим – взыскание по ним может быть обращено на личное имущество и на долю причитающуюся супругу при разделе общего имущества. Французский правопорядок предполагает более сложную схему: (1) личные долги, возникшие до брака, удовлетворяются только за счет личного имущества, а общее имущество по ним не доступно, только если не произошло смешение личного и общего имущества (ст. 1411 ФГК⁴⁰¹), (2) по личным долгам, возникшим в период брака взыскание может быть обращено «за счет этой общности, если только не имел место обман со стороны супруга-должника и недобросовестность со стороны кредитора, а также при условии выплаты возмещения в счет общности имущества, при наличии к тому оснований» (ст. 1413 ФГК).

В приведенном фрагменте также заключается другое отличие от российского права, которое заключается в том, что личным кредиторам доступно все имущество общности, а не только его часть, причитающуюся при разделе совместного имущества. Также важное условие заключается в том, что если за счет общего имущества было погашено личное обязательство, то в пользу общего имущества причитается компенсация от соответствующего супруга (ст. 1416 ФГК).

Также режим общности имущества во французском правопорядке имеет сходство с немецким правом, в аспекте наличия обязательства по осуществлению компенсаций в пользу общности или, наоборот, за счет общности: обязанность выплатить компенсацию в пользу общности за использованные её средств для личных целей (ст. 1437 ФГК); выплата компенсации супругу, чье личное имущество попало в общность (ст. 1436 ФГК).

Текстуально может сложиться впечатление, что общность имеет свои собственные долги и права требования, которые, однако, распространяются только на супругов и никак не затрагивают третьих лиц. При разделе имущества каждый из супругов рассчитывает суммы причитающиеся в пользу общности и причитающиеся супругам из общности (ст. 1468 ФГК), если сальдо в пользу общности, то он вносит свое имущество в общность, а если сальдо в пользу

⁴⁰⁰ Schwab D. Familienrecht / Grundrisse des Rechts. Verlag C.H.BECK Recht - Wirtschaft - Steuern. 2019. P. 278

⁴⁰¹ Здесь и далее ссылки на Гражданский Кодекс Франции (ФГК) приводятся в соответствии с Сервисом правовой информации Правительства Французской Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006070721/

супруга, то получает возмещение из имущества общности (ст. 1470 ФГК). В случае недостаточности общего имущества, то по общему правилу требования удовлетворяются пропорционально (1472 ФГК), а в случае положительного остатка после вычетов имущество общности делится пополам между супругами (ст. 1475 ФГК).

Важная оговорка содержится в ст. 1474 ФГК: «Изыятия из общего имущества супругов образуют действия по его разделу. Они не предоставляют осуществляющему их супругу никакого преимущественного права перед кредиторами супругов как собственников общности имущества, за исключением, когда это уместно, преимущества, вытекающего из ипотеки, установленной в силу закона».

Интересы кредиторов обеспечиваются за счет того, что им предоставляется право участвовать в процессе (ст. 1447 ФГК), а кредиторы общности имеют солидарные требования к супругам.

Несмотря на то, что такое имущество очень слабо, но проявляет признаки имущественной обособленности, нами не обнаружено во французской доктрине попыток увидеть в общности имущества самостоятельный имущественный комплекс (*patrimoine*) или обособленное имущество (*patrimoine d'affectation*). На наш взгляд, это вполне объяснимо тем, что общность как таковая не вступает в отношения с третьими лицами, а конструкции возмещения в пользу общности или за её счёт и служат более понятному описанию процессу расчета между супругами, что скорее свидетельствует о наличии лишь технического обособления.

4.3. Правосубъектность семьи

Как было показано выше, режим супружеского имущества, как правило, не предусматривает защитного и подтверждающего обособления, а в тех редких случаях, когда он устанавливается, он не настолько сильно выражен, чтобы ставить вопрос о правосубъектности семьи. Вместе с тем в доктрине достаточно часто ставится вопрос о правосубъектности семьи, в том числе о гражданско-правовой правосубъектности. Представляется, что предпосылки для этого могут быть различные.

Первое направление⁴⁰², в котором можно усмотреть предпосылки для правосубъектности семьи – режим общей (совместной) собственности, который предполагает возникновение некоего коллектива на стороне собственника и, как следствие, возникновение специфического порядка владения, пользования и распоряжения имуществом. Ранее сделанные нами выводы по поводу отсутствия реальных признаков правосубъектности у сообщества долевых собственников в целом применимы и к совместному имуществу, но с одной значительной оговоркой. Поскольку

⁴⁰² См., например, Шевченко И. М. Указ. соч. С. 119-122.; Егоров А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье.

режим совместной собственности предполагает также общность обязательств, то для кредиторов супругов имеет принципиальное значение в каком статусе супругом заключается договор, так как это определяет круг доступного им имущества (вправе ли они претендовать на «долю» другого супруга или нет).

Проблема банкротства совместной собственности супругов, как отмечает С.Б. Полич, связана с пониманием правового режима совместной собственности, а не с проблемой правосубъектности семьи⁴⁰³.

Средством обеспечения этого интереса может быть только указание на режим такого обязательства в договоре. Например, если какое-то обязательство является личным обязательством лица, состоящего в браке, то кредиторы должны быть информированы по этому поводу. Поскольку такая ситуация в большей степени похожа на обычное обязательство со множественностью лиц, то это также не является основанием для вывода о правосубъектности семьи.

Еще одно направление представлено достаточно абстрактными рассуждениями об общеправовой правосубъектности семьи⁴⁰⁴, в рамках которых без привязки к какой-либо отрасли права описываются социальные, экономические и культурных функции семьи. Однако в рамках данного направления мы также можем проследить влияние семьи как правовой ценности на вопрос о её гражданской правосубъектности.

Идея о том, что правосубъектностью обладает сама семья, не является новой: «Римская семья была полностью автономным юридическим лицом без внешних владельцев, не говоря уже о владельцах, имеющих своих личных кредиторов с условными требованиями к активам семьи⁴⁰⁵». В основу такого вывода авторы положили аргумент экономического характера, связанный с тем, что для общества, построенного преимущественно на натуральном хозяйстве, характерно, что «базовыми» экономическими единицами являются большие хозяйства расширенных семей. В качестве подтверждения того, что именно расширенная семья была эффективной экономической единицей, нами может быть приведена практика сохранения сыновьями-наследниками общности их имущества после смерти отца⁴⁰⁶.

⁴⁰³ Полич С.Б. Некоторые процессуальные проблемы применения законодательства о банкротстве граждан (физических лиц) // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / отв. ред. В. Ф. Яковлев. М., 2019. Вып. 25. С. 190-199.

⁴⁰⁴ См., например, Мохов А. А., Свиринов Ю. А. Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1. С. 5-11; Рабец А.М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы). Lex russica. 2022. № 75(11). С. 100-111.

⁴⁰⁵ Hansmann H., Kraakman R. H., Squire R. C. Incomplete Organizations: Legal Entities and Asset Partitioning in Roman Commerce. P. 15.

⁴⁰⁶ Франчози Дж. Указ. соч. С. 116.

На наш взгляд, более важным аргументом в пользу восприятия семьи в качестве субъекта являются свидетельства социально-культурного характера, которые приводит Д.В. Дождев, объясняя главенствующую роль отца семейства: человек мыслил себя как часть генеалогически определенной группы, в которой на отце семейства, как наиболее близком к прародителям члене семьи, лежала ответственность за всю семью⁴⁰⁷. Вероятно, существовала презумпция того, что воля отца семейства всегда соответствует интересам семьи в самом широком смысле. Поэтому именно на уровне семьи происходило имущественное обособление – имущество римской семьи образовывало исчерпывающий объем имущества, доступный кредиторам.

Важно отметить, что нет никаких сомнений, что римская юриспруденция формально в качестве субъекта имущественных правоотношений рассматривала отца семейства или во всяком случае через него олицетворяла семью для участия последней в гражданском обороте. Тем более что в отсутствие полноценного учения об абстрактных/юридических лицах юриспруденция того времени могла избрать такой подход для упрощения регулирования. В этом смысле также можно заметить расхождение между субъектом в широком и узком утилитарном смысле: фактически правопорядок на ранних этапах исходил из правосубъектности семьи, но де-юре правосубъектностью наделял только отца семейства, чтобы он действовал в интересах всех семьи.

Основным аргументом в пользу гражданской правосубъектности семьи в этом контексте выступает имущественная обособленность на уровне семьи. Однако по мере развития римского права уже в нём стали появляться институты, фактически обеспечивающие имущественную обособленность членов семьи, например, в форме пекулия. Пекулий представлял собой обособленное имущество, передаваемое в управление рабу или подвластному сыну. Несмотря на то, что и то и другое называется пекулием, предпосылки их возникновения, вероятно, были различны, как и удовлетворяемые им потребности: если пекулий раба имел под собой именно коммерческую природу и в архаичной форме позволял добиться ограниченной ответственности хозяина⁴⁰⁸, то пекулий сына прямо был не связан с возможностью осуществления предпринимательской деятельности, а скорей позволял в известной мере реализовать имущественную самостоятельность сына (добиться автономии малых семейных групп, как это определяет Дж. Франчози, чтобы потом прийти к признанию самостоятельности индивида⁴⁰⁹).

На наш взгляд, непредпринимательский характер пекулия сына подтверждается тем, что в наиболее развитом виде он был представлен в виде *peculium castrense* или *quasi castrense*,

⁴⁰⁷ Дождев Д.В. Указ. соч. С. 245-246.

⁴⁰⁸ См. Рудоквас А.Д. Пекулий и проблема юридического лица в римском праве / Посебна свеска IX Колоквијум романиста Централне и Источне Европе и Азије. Нови Сад, 24 – 26 октобра 2002. Зборник радова Правног факултета у Новом Саду. Година XXXVIII, бр.1, том I. Нови Сад. 2004. С. 73–78.

⁴⁰⁹ Франчози Дж. Указ. соч. С. 186.

которые предполагали получение сыном собственного имущества в результате службы (военной или гражданской)⁴¹⁰, а не предпринимательской деятельности, а также тем, что по свидетельствам многих авторов предпринимательская деятельность не являлась престижной⁴¹¹. Вероятно, в пекулий сына также входило приданое, которое он, будучи подвластным сыном, получал при вступлении в брак (D. 24.3.25, D. 24.3.53)⁴¹².

В этом смысле движение к защите интересов семьи через придание ей правосубъектности является нецелесообразным, так как такая правосубъектность носит архаичный характер и логика развития права показывает, что наилучшим образом интересы членов семьи защищаются путем признания правосубъектности за отдельными её членами.

§ 5. Наследственное имущество⁴¹³

Несмотря на большое количество публикаций, посвященных вопросу ответственности наследников по долгам наследодателя, его теоретическое обоснование нельзя назвать удовлетворительным. Вопрос ответственности наследников также осложняется текущим регулированием банкротства умершего лица. Наиболее значительный вклад по данному вопросу на данный момент внесен Е.Ю. Петровым⁴¹⁴, который, проведя достаточно подробное историческое и сравнительно-правовое исследование, предложил возможные пути совершенствования текущего регулирования, которые, среди прочего, предлагается критически осмыслить в рамках настоящей работы.

Использование терминологии, свидетельствующей об обособленности/разделении/сепарации имущества, применительно к наследственному имуществу не является чем-то новым. Так довольно давно устоялся термин «сепарация», который, вероятно, впервые был введен в отечественную цивилистику К.И. Малышевым⁴¹⁵ и был созвучен римскому институту *beneficium separationis*⁴¹⁶. Однако важно отметить, что термин сепарация при этом используется не в каком-то специфическом правовом значении как

⁴¹⁰ Подробнее об этом виде пекулия и эволюции его правового режима см.: Гарсидо Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. Москва, Статут. 2005. С. 259 - 260.

⁴¹¹ Foldi A. Remarks of the legal structure of enterprises in Roman law // *Revue internationale des. droits de l'antiquite*. 1996. № 46. P. 184

⁴¹² Здесь и далее ссылки на Дигесты Юстиниана будут приводиться путем указания на соответствующий фрагмент по изданию Дигесты Юстиниана / под ред. Л.Л. Кофанова.- т. 1-8.-М.: Статут, 2004.

⁴¹³ Данный параграф содержит материалы, опубликованные в статье: Ибрагимов К.Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников // *Актуальные проблемы российского права*. 2024. № 8 (19). С. 85-99.

⁴¹⁴ См., например, Петров Е.Ю. Наследственное право России: состояние перспективы развития (сравнительно-правовое исследование) / Е.Ю. Петров. М.: ООО «М-ЛОГОС», 2017. С. 125-139

⁴¹⁵ Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. С. 57.

⁴¹⁶ Подробнее об обособлении наследственного имущества в римском праве см. Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество в римском праве // *Российский журнал правовых исследований*. 2023. Т. 10. № 2. С. 74–88.

самостоятельный правовой институт, имеющий универсальный характер, а просто как характеристика фактического положения вещей.

5.1. Имущественное обособление и модели ответственности наследников

Проблема ответственности наследников по долгам наследодателя может решаться посредством трех базовых вариантов (или их комбинаций): полная общность активов и пассивов наследника и наследодателя; ответственность наследника в пределах стоимости наследственного имущества; ответственность в пределах наследственного имущества. Поскольку вариант с полной общностью активов и пассивов заведомо не предполагает какого-либо имущественного обособления и не применим к текущему российскому регулированию, то рассматривать далее мы его не будем.

Два оставшихся варианта (ответственность в пределах стоимости наследства, ответственность наследственным имуществом) предполагают ограниченную ответственность, которая является проявлением защитного имущественного обособления. Вместе с тем, как будет доказано нами далее, сама по себе ограниченная ответственность может быть не связана с имущественным обособлением и может иметь принципиально отличный характер от ограничения ответственности юридических лиц.

5.1.1. Ответственность в пределах стоимости имущества

Ответственность в пределах стоимости имущества предполагает, что долги наследодателя подлежат удовлетворению наследниками в размере, ограниченном стоимостью полученных ими активов. Данная конструкция схожа с римским институтом *beneficium inventarii*, позволяющим наследнику осуществить опись наследства при участии свидетелей и нотариуса для того, чтобы ограничить свою ответственность за долги наследодателя размерами описанного наследства⁴¹⁷. Такая конструкция позволяет сбалансировать интересы всех участников: (1) положение наследника, как правило, не ухудшается, а может только улучшиться; (2) положение личных кредиторов также не ухудшается, так как наследник не получает долгов больше, чем получает активов; (3) положение кредиторов наследодателя, на первый взгляд, также принципиально не ухудшается, так как объем доступных им активов не изменяется, иными словами, если бы наследодатель не умер, то его имущества все равно было бы недостаточно для погашения всех долгов.

Такая модель ответственности наследников предполагает ограниченную ответственность наследников по долгам наследодателя, однако не предполагает имущественного обособления ни в каком виде. Все активы и пассивы смешиваются в единую имущественную массу наследника:

⁴¹⁷ Покровский И.А. История римского права [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/elib/books/25/> (дата обращения: 19.10.2023).

(1) имущество не делится на разные пулы; (2) никакой из типов кредиторов не получает приоритет в отношении отдельного имущества; (3) наследственное имущество не проявляет никаких свойств субъекта права.

Отсутствие имущественного обособления в такой ситуации вносит некоторые коррективы в распределение рисков, которое существовало до момента смерти наследодателя. Во-первых, на наследников возлагается риск случайной гибели наследственного имущества в том смысле, что они будут обязаны отвечать в пределах стоимости погибшего имущества, в том числе того, о котором они не знали. Аргумент о том, что возложение риска на собственника есть нормальное положение вещей, в указанной ситуации не вполне работает, так как собственник, как правило, всегда осведомлен о составе своего имущества, что нельзя сказать о наследнике. Это же приводит к снятию соответствующего риска с кредиторов наследника, для которых становится доступно новое имущество.

Во-вторых, может ухудшаться положение кредиторов наследодателя, так как в отсутствие обособления имущества и недостаточности имущества наследника они будут вынуждены конкурировать с кредиторами наследника и зависеть от поведения лица (наследника), которого они не выбирали в качестве контрагента. Достаточно подробно все негативные последствия такого положения дел для кредиторов наследодателя описаны в работе Л.Д. Зазулиной⁴¹⁸.

Таким образом, ответственность в пределах стоимости имущества не создает обособленного имущества, но за счет ограничения ответственности позволяет добиться почти того же результата в аспекте защиты личных кредиторов, что и защитное обособление (с учетом оговорок о перераспределении рисков, которые обозначены выше). Ничего похожего на подтверждающее обособление в такой модели ответственности не усматривается из-за чего страдают интересы кредиторов наследодателя.

5.1.2. Ответственность наследственным имуществом

Ответственность наследственным имуществом предполагает, что ответственность перед кредиторами наследодателя строится таким образом, как если бы наследственное имущество само по себе выступало носителем обязанностей перед кредиторами. В результате чего образуется две обособленные имущественные массы, каждая из которых имеет свой пул кредиторов. Такой подход имеет свои прообразом древнеримский институт выделения наследственного имущества *beneficium separationis*, но имеет принципиальные особенности в его восприятии отечественным правом.

⁴¹⁸ Зазулина Л.Д. Защита прав кредиторов в случае смерти должника по законодательству России и Франции // Нотариус. 2020. № 2. С. 46.

Ответственность наследственным имуществом не следует понимать таким образом, который бы приводил к невозможности наследника направить собственные деньги на погашение долгов наследства, ведь это по-прежнему было бы возможно как исполнение третьим лицом с целью сохранить обладание отдельными вещами, входящими в наследство. Подробнее остановимся на элементах имущественного обособления, которые проявляются при такой модели ответственности наследников:

Защитное имущественное обособление. Применительно к наследственному имуществу оно заключается в том, что кредиторы наследодателя не претендуют на личное имущество наследника, что можно считать классической ограниченной ответственностью, которая должна приводить к тем же результатам, как и при ответственности в пределах стоимости наследственного имущества. Однако такая ограниченная ответственность обладает принципиальным отличием в части распределения риска случайной гибели наследственного имущества. Как таковой риск случайной гибели, естественно, лежит на наследнике, но его отраженное действие будет оказывать разное влияние на разные группы кредиторов.

При ответственности по модели «в пределах стоимости имущества», которая предполагает общность наследственного и личного имущества, случайная гибель наследственного имущества будет приводить к равному распределению её последствий на всех кредиторов и в любом случае нести негативные последствия для наследника. При модели ответственности наследственным имуществом гибель наследственного имущества, по логике вещей, должна была бы оказывать негативное влияние только на кредиторов наследодателя и самого наследника в той части, в которой полученное наследство превышало долги.

Применительно к наследственному имуществу это означало бы следующее: (1) сильное защитное имущественное обособление, когда обращение взыскания на личное имущество по долгам наследодателя не может быть обращено по долгам наследодателя, (2) слабое имущественное обособление, когда требования по долгам наследодателя могут удовлетворяться за счет личного имущества, но только после того, как будут удовлетворены все требования личных кредиторов. Как мы видим, во втором случае никакой ограниченной ответственности для наследника не устанавливается.

Таким образом, можно сделать два вывода: (1) ограниченная ответственность может достигаться как путем имущественного обособления, так и без такового; (2) защитное обособление может быть никак не связано с ограниченной ответственностью.

Примером сильного защитного обособления, например, является ситуация, когда вводится управление наследственным имуществом или инициируется его банкротство в Германии (1975 ГГУ). Личная ответственность наследника по долгам наследодателя в таком случае может возникать только по квази-договорным основаниям, связанным с управлением имуществом до

назначения управляющего (п.1 ст. 1978 ГГУ) и само это притязание «считается принадлежащим к наследственному имуществу» (п. 2 ст. 1978 ГГУ). Особенностью немецкого варианта обособления также является то, что фактически прямо разрешается возникновение обязательств между наследником и наследственным имуществом, о чем, в частности, свидетельствует ст. 1976 ГГУ, где говорится, что с введением управления восстанавливаются права и обязанности, прекращенные совпадением кредитора и должника. С обратной силой также восстанавливаются права и обязанности, которые были зачтены кредиторами другого пула активов до введения режима управления (ст. 1977 ГГУ).

Во многом также сильное обособление возникает и в рамках французского правопорядка, но с некоторыми особенностями, которые, наш взгляд, делают подход ФГК более привлекательным и гибким без ущерба интересам кредиторов. Во-первых, не требуется обязательное привлечение управляющего, что существенно упрощает процедуру. Во-вторых, наследники получают возможность оставить за собой или продать отдельные объекты из наследственного имущества, приняв на себя обязанность отвечать личным имуществом в пределах стоимости такого имущества (ст. 793 и 794 ФГК).

Примером слабого имущественного обособления является римский институт *beneficium separationis*. Применительно к *beneficium separationis* требуется дополнительное пояснение, так как некоторыми отечественными авторами допущена и повторена одна и та же ошибка, касающаяся того, что данный институт приводил к ограниченной ответственности наследника⁴¹⁹. Вместе с тем К.И. Малышев, на которого некоторые авторы ссылаются, не пишет об ограниченной ответственности: «вследствие такого разделения масс, кредиторы наследодателя теряли право на участие в массе собственного имущества наследника до полного удовлетворения кредиторов последнего»⁴²⁰. Именно о приоритете, а не ограничении ответственности пишут и другие авторитетные исследователи римского права⁴²¹, что вполне логично, так как данный институт служил целям защиты не наследника, а кредиторов наследодателя – наследников же защищала конструкция *beneficium inventarii*.

Современным примером слабого защитного обособления является ситуация безоговорочного принятия наследства в соответствии с абз. 1 ст. 768 ФГК. Формулировки ФГК

⁴¹⁹ См, например, Пермяков А.В. Об ответственности по долгам наследодателя // Нотариус. 2016. № 5. С. 33.; Можилан С.А. Оспаривание сделок при банкротстве умершего гражданина: актуальные вопросы судебной практики // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». 2020. № 4. С. 111.; Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. 312 с.; Петров Е.А. Указ. соч. С. 126.

⁴²⁰ Малышев К.И. Указ. соч. С. 57.

⁴²¹ Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. С. 275; Покровский И.А. Указ. соч.

и некоторых отечественных исследователей⁴²² могут создать ощущение, что при таком принятии наследственное имущество полностью смешивается с имуществом наследника и не происходит никакого обособления, но в действительности это не так. Несмотря на неограниченную ответственность наследника, его личные кредиторы имеют приоритет при удовлетворении требований за счет личного имущества (абз. 2 ст. 878 ФГК), что и является слабой формой защитного обособления.

Подтверждающее имущественное обособление заключается в том, что наследственное имущество становится недоступным для личных кредиторов (сильное обособление) или, во всяком случае, должно быть использовано только после полного удовлетворения требований кредиторов наследодателя (слабое обособление).

Примером слабого подтверждающего обособления является *beneficium separationis* и в этом аспекте также множится ошибка⁴²³, допущенная А.В. Пермяковым, который пишет со ссылкой на К.И. Малышева о том, что «выделения наследственной массы из собственного имущества наследника и использования ее исключительно (*подчеркивание наше – К.И.*) для удовлетворения требований кредиторов наследодателя»⁴²⁴, что означает сильную форму обособления, в то время как К.И. Малышев пишет следующее: «наследственная масса была отделена от собственного имущества наследника и назначена была для исключительного удовлетворения их [*кредиторов наследодателя – К.И.*], преимущественно перед кредиторами наследника», что является слабой формой имущественного обособления.

Аналогично защитному имущественному обособлению, слабая форма подтверждающего обособления существует в современном праве Франции при безоговорочном принятии наследства, так как кредиторы наследодателя имеют приоритет при удовлетворении своих требований за счет имущества наследодателя (абз. 1 ст. 878 ФГК).

С сильным подтверждающим обособлением вопрос стоит куда сложнее, так как оно фактически приводило бы к перманентному иммунитету в отношении наследственного имущества. В отличие от имущества юридического лица, наследственное имущество не используется для какой-то отдельной самостоятельной деятельности, а как правило, смешивается со всем остальным имуществом. Если имущество юридического лица в целом рассчитано на автономное существование в пределах неограниченного срока, то наследственное имущество стремится к тому, чтобы войти в имущественную массу наследника и смешаться с ней. Поэтому очевидно, что сильное обособление имущества должно быть ограничено каким-то сроком.

⁴²² Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю.Б. Гонгало, К.А. Михалев, Е.Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М.: Статут. 2015. С. 225.

⁴²³ Можилан С.А. Указ. соч. С. 111.

⁴²⁴ Пермяков А.В. Указ. соч. С. 32.

В целом так и происходит везде, где возникает сильное имущественное обособление: спустя 15 месяцев во Франции (ст. 792, ст. 798 ФГК); в Германии – после удовлетворения всех требований кредиторов или предоставления обеспечения наследником в отношении спорных долгов (1986 ГГУ); после ликвидации наследственного имущества посредством траста в США⁴²⁵.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ показывает, что развитые правовые порядки, как правило, императивно или диспозитивно позволяют добиться имущественного обособления наследственного имущества. Наибольшую защиту интересов всех сторон дают такие модели обособления, которые предполагают сильную форму защитного обособления и сильную форму подтверждающего, но последняя должна быть ограничена во времени.

5.2. Модель, воспринятая российским правом

5.2.1. Общие правила ответственности наследников

Несмотря на то, что тема ответственности наследников является достаточно популярной, вопрос о модели ответственности наследников раскрыт не в полной мере. Некоторые авторы лишь обращают внимание на противоречивые формулировки закона⁴²⁶, другие без какой-либо аргументации указывают на ответственность в пределах стоимости⁴²⁷, видимо, руководствуясь буквальным тестом ст. 1175 ГК РФ. Подробнее рассматривает данный вопрос Е.Ю. Петров⁴²⁸, и мы согласны с его выводом о том, что российский правовой порядок исторически исходил и продолжает придерживаться того, что такая ответственность происходит в пределах стоимости имущества.

Вместе с тем представляется, что ни Гражданский Кодекс, ни соответствующие разъяснения Верховного Суда не позволяют сделать однозначный вывод о модели ответственности, заложенной в отечественное гражданское законодательство. Фактическое же существование ответственности в рамках стоимости имущества предопределено текущим регулированием исполнительного производства. На отсутствие специального порядка исполнительного производства, а не на положения Гражданского Кодекса, указал и Конституционный Суд, рассматривая дело о конституционности обращения взыскания на личное имущество наследника⁴²⁹.

⁴²⁵ См., например, Паничкин В.Б. Требования кредиторов к наследству и освобождение наследственного имущества от обременений в праве США // *Наследственное право*. 2010. № 3. С. 32-34.

⁴²⁶ Синцов Г.В., Феоктистов Д.Е. Ответственность наследников по долгам наследодателя: некоторые вопросы правового регулирования и правоприменения // *Наследственное право*. 2019. № 2. С. 34 - 37.

⁴²⁷ Внуков Н.А. Ответственность наследников по делам наследодателя: актуальные вопросы теории и практики // *Современное право*. М.: Новый Индекс. 2009. № 1. С. 75; Фольгерова Ю. Н. Гражданско-правовая ответственность наследников по долгам наследодателя // *Наследственное право*. 2010. № 3. С. 16-19; Манукян Д.Г. Ответственность наследников по долгам наследодателя // *Проблемы российского законодательства*. 2017. № 4. С. 200.

⁴²⁸ Петров Е.Ю. Указ. соч. С. 131-133.

⁴²⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1696-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мокиной Веры Петровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 1 статьи 80 Федерального закона «Об исполнительном производстве».

Действительно, и ст. 1175 ГК РФ, и п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (далее – «**Постановление Пленума ВС № 9**») говорят о том, что ответственность ограничена именно стоимостью имущества: «стоимость перешедшего к наследникам имущества, пределами которой ограничена их ответственность по долгам наследодателя, определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства вне зависимости от ее последующего изменения ко времени рассмотрения дела судом»⁴³⁰. Такое разъяснение должно убеждать нас в том, что в действительности нет никакого обособленного имущества, а есть только заранее определенная на момент открытия наследства сумма, которая ограничивает максимальный размер требований, которые могут быть предъявлены к наследникам.

Однако абз. 4 п. 60 того же Постановления Пленума ВС № 9 содержит свидетельства обратного подхода: «при отсутствии или недостаточности наследственного имущества требования кредиторов по обязательствам наследодателя не подлежат удовлетворению за счет имущества наследников». Данный пункт, казалось бы, недвусмысленно свидетельствует об ответственности в рамках наследственного имущества, предполагает разделение на две имущественные массы и предусматривает сильную форму защитного обособления. Некоторые исследователи без каких-либо объяснений всё равно толкуют его как ограничивающий ответственность стоимостью наследства⁴³¹.

Почву для разного толкования дают не только разъяснения Верховного Суда, но и текст Гражданского Кодекса: внутреннее противоречие наблюдается, например, в п. 2 ст. 1175 ГК сначала говорится об ответственности в пределах «стоимости этого наследственного имущества», а далее про «отвечает этим имуществом».

Мы не готовы утверждать, что данные пункты Постановления Пленума ВС № 9 приводят к прямому и неразрешимому противоречию, так как могут быть истолкованы непротиворечиво, но, на наш взгляд, они могут быть истолкованы непротиворечиво как в пользу одной модели, так и другой.

Вариант толкования в пользу ответственности в рамках стоимости: абз. 4 п. 60 Постановления Пленума ВС № 9 должен толковаться с учетом п. 61 и говорит лишь об основаниях прекращения обязательств, которые выходят за пределы стоимости наследственного имущества на момент его открытия. Разделение же на наследственное имущество и имущество наследников имеет место только на момент открытия наследства для определения размера долгов и не имеет никакого значения впоследствии после принятия наследства.

Вариант толкования в пользу ответственности имуществом: указание на стоимость в ст. 1175 и п. 61 Постановления Пленума ВС № 9 необходимо для определения денежного

⁴³⁰ П. 61 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9.

⁴³¹ Петров Е.Ю. Указ. соч. С. 131.

выражения наследственного имущества, предоставление в рамках которого, осуществлённое наследником, должно снять с наследственного имущества какие-либо притязания кредиторов наследодателя. Определение денежного выражения выступает на первый план не потому, что нет никакой связи между долгом и наследственным имуществом, а потому, что в ординарном порядке требования кредиторов будут удовлетворяться деньгами наследников, а не конкретным наследственным имуществом. Абзац 4 п. 60 Постановления Пленума ВС № 9 же говорит о том, что в случае обращения взыскания его можно обращать только на обособленное наследственное имущество.

Несмотря на то, что никакая из приведенных выше позиций в части своего обоснования не выглядит в полной мере безупречной, из этого можно сделать вывод, что содержащиеся в них противоречия могут быть списаны на недостатки юридической техники, а не на какое-то сущностное противоречие или осознанную позицию законодателя.

5.2.2. Наследственная трансмиссия

Под наследственной трансмиссией в упрощенном виде принято понимать переход права на получение наследства от лица, которое не успело его принять (трансмитент), к его наследникам. Поскольку каждый из наследодателей обладает своим набором кредиторов и действует правило о пределах ответственности наследников по долгам наследодателя, то в зависимости от того, посредством какой модели должна строиться ответственность наследников, может быть получен различный итоговый результат.

В соответствии со ст. 1156 ГК РФ право на принятие наследства в порядке трансмиссии не входит в состав наследства, данное правило означает возможность принять наследство в порядке трансмиссии без принятия наследства от трансмитента и само по себе никак не характеризует режим наследственного имущества. Положения ст. 1156 ГК РФ дают основание говорить только о специфическом режиме и в каком-то смысле обособленности самого права на принятия, так как из буквального текста статьи следует, что право на принятие наследства именно переходит к наследнику, но при этом не входит в состав наследства.

П. 2 ст. 1175 ГК РФ содержит противоречие, которое уже было затронуто выше, а именно указание на то, что наследник отвечает по долгам первого наследодателя «в пределах стоимости» перешедшего имущества и не отвечает «этим имуществом» по долгам наследника, от которого он получил право на принятие первоначального наследства. Сами по себе эти противоречащие положения не могут позволить сделать вывод относительно используемой модели ответственности, а однозначно могут свидетельствовать только о том, что положительная разница между активами и пассивами первоначального наследодателя не увеличивает пределы ответственности перед кредиторами трансмитента.

С точки зрения имущественной обособленности это означает, что лежащее наследство обладает признаками сильной формы подтверждающего имущественного обособления от имущества трансмитента, т.е. мы видим, что в случае наследственной трансмиссии имущественная масса проявляет те свойства, которыми она не обладала в ситуации ординарного принятия наследства первым наследником.

После принятия одной или двух имущественных масс, начинают действовать общие правила, и следовательно, какие-либо проявления подтверждающего имущественного обособления исчезают. При этом принятие одной или двух имущественных масс прямо не влияет на интересы кредиторов первоначального наследодателя и трансмитента, так как долги переходят только в части, «покрытой» активами, но они несут риски, связанные с тем, что у наследника большое количество личных кредиторов, которые также будут претендовать на наследственное имущество. Также на них в равной степени возлагаются риски гибели любого имущества, если мы исходим из того, что ответственность осуществляется в пределах стоимости, а не имущества.

5.2.3. Особенности банкротства наследственной массы

В доктрине уже обращалось внимание на проблему расхождения подходов об ординарном порядке удовлетворения требований кредиторов наследодателя и порядке, заложенном в законе о банкротстве⁴³², содержание которого дает больше оснований считать наследственное имущество имуществом обособленным и, как следствие, подталкивает к выводу о смене модели ответственности в рамках стоимости имущества на модель ответственности имуществом.

Параграф 4 главы X Закона «о банкротстве» устанавливает такой порядок удовлетворения требований, при котором фактически должником является неправосубъектная имущественная масса, так как и для самого закона о банкротстве это не единственный пример банкротства неправосубъектного образования (например, банкротство КФХ, не являющегося юридическим лицом) и потому, что в доктрине в целом закрепилось понимание данного института как банкротства наследственного имущества, а не наследников⁴³³. Примеры такого понимания обнаруживаются и в судебной практике: «банкротство умершего гражданина, по сути,

⁴³² Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос. 2018. С. 388.

⁴³³ См. Останина Е.А. Банкротство наследственной массы: анализ изменений законодательства // Наследственное право. 2015. № 4. С. 33-38.

заключается в проведении конкурсных процедур в отношении обособленного имущества»⁴³⁴, также суды указывают на «сепарацию наследственной массы»⁴³⁵.

Поэтому мы не можем согласиться с теми авторами, которые считают, что закон в качестве должника в банкротстве «недвусмысленно обозначил наследника (абз. 1 п. 4 ст. 223.1 Закона)»⁴³⁶, так как именно этого законодатель, на наш взгляд, попытался избежать, указав, что наследники лишь осуществляют права и обязанности умершего лица (вероятно, имеются в виду процессуальные права и обязанности). Тем более что абз. 2 п. 4 ст. 223.1 Закона «о банкротстве» говорит о том, что до истечения срока, отведенного на принятие наследства, данные функции выполняет нотариус, в отношении которого, пожалуй, еще меньше оснований считать его должником в гражданско-правовом обязательстве. На процессуальное правопреемство указывают и суды: «сам по себе факт процессуального правопреемства в деле о взыскании задолженности и замене ответчика на наследодателя не свидетельствует о том, что должником по обязательству является теперь наследник по смыслу законодательства о банкротстве»⁴³⁷.

Банкротство «наследственной массы» может происходить по двум сценариям: в первом случае это происходит, когда лицо умирает в процессе своего банкротства, во втором случае, процесс банкротства имущественной массы инициируется уже после смерти лица.

Первая ситуация выглядит более понятной и п. 48 Постановления Пленума ВС⁴³⁸ недвусмысленно свидетельствует о том, что наследники не становятся должниками, а привлекаются в качестве третьих лиц, имущество наследников не включается в конкурсную массу, а личные кредиторы наследника не участвуют в банкротстве умершего лица. Т.е. явно выражено сильное защитное обособление и фактически существует сильное подтверждающее. Ситуация в целом не сильно отличалась бы от той, которая возникла бы в случае, если единственным имуществом наследодателя являлись бы 100 % долей участия в ООО, находящемся в процессе банкротства. Наследники же вправе претендовать только на то, что останется от наследственного имущества после удовлетворения требований кредиторов. Таким же образом через конструкцию траста удовлетворение требований происходит в США⁴³⁹.

⁴³⁴ Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2021 г. № 07АП-7747/2018(16) по делу № А03-7638/2018. Аналогичная практика: Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.09.2022 № Ф03-4590/2022 по делу № А51-16425/2021.

⁴³⁵ Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2019 № 308-ЭС19-23234(1,2) по делу № А53-29984/2018; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.06.2023 № Ф01-2709/2023 по делу № А82-15948/2018.

⁴³⁶ Шишмарева Т.П. Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 3. С. 50-54.

⁴³⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2023 № Ф05-977/2021 по делу № А40-300549/2019.

⁴³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».

⁴³⁹ Паничкин В.Б. Требования кредиторов к наследству и освобождение наследственного имущества от обременений в праве США // Наследственное право. 2010. № 3. С. 32-34.

Поскольку процедура банкротства началась еще при жизни гражданина, то определенности по вопросу состава наследственной массы и требований кредиторов здесь не больше и не меньше, чем если бы гражданин-банкрот не умер. Вероятно, об этом также информированы будут и наследники, а также имеются все инструменты для того, чтобы обеспечить сохранность наследственного имущества и не допустить его смешения с имуществом наследников.

Сложнее вопрос обстоит в случае банкротства, которое инициируется уже после смерти должника. Сразу оговоримся, что, несмотря на все сложности, которые связаны с этим вариантом, он, безусловно, несет в себе большое количество преимуществ для всех заинтересованных лиц, подробно на них мы останавливаться не будем, так как полностью согласны с выводами, сделанными в этой части Е.А. Останиной⁴⁴⁰.

Принципиальное отличие от ситуации продолжения банкротства после смерти заключается в том, что в момент открытия наследства и еще в течение какого-то времени после такового остается неясным вопрос об объеме активов и пассивов наследодателя, и как следствие, об их соотношении. Поскольку из закона не следует обратного, то в случае инициирования банкротства после смерти должно также происходить обособление наследственного имущества и ответственность строиться в пределах наследственного имущества, а не его стоимости. Это означает, что в случае инициирования банкротства ординарная модель ответственности в рамках стоимости имущества заменяется ответственностью наследственным имуществом, а это, в свою очередь, может приводить к перераспределению негативных последствий гибели наследственного имущества с обратной силой. Приведем пример.

Наследственное имущество состояло из одного дорогостоящего объекта недвижимости, стоимость которого покрывала все долги наследодателя, но после открытия наследства данный объект был разрушен в результате землетрясения, попадания в него метеорита или каким-либо иным случайным образом. Может ли теперь наследник инициировать банкротство и ограничить свою ответственность земельным участком и остатками здания? Если может, то до какого момента или в течение какого срока? Ведь если он этого не сделает, то по общим правилам будет нести ответственность в пределах стоимости объекта недвижимости, которая была определена на момент открытия наследства.

Таким образом, текущее регулирование может быть воспринято как позволяющее обособить наследственное имущество с обратной силой, с соответствующим перераспределением рисков гибели имущества.

⁴⁴⁰ Останина Е.А. Указ. соч. С. 33-38.

Вопрос связан с уже обсуждавшимся в науке проблемой ограничения срока, в течение которого банкротство может быть инициировано. Е.А. Останина справедливо отмечает, что вопрос о сроке должен устанавливать баланс между сроком, необходимым на выяснение состава активов и пассивов, и временем, в течение которого всё имущество наследодателя не смешается с имуществом наследника⁴⁴¹. На наш взгляд, проблема смешения и продажи имущества стоит менее остро, чем проблема случайной гибели, так как в последнем случае мы даже теоретически не можем использовать какие-либо иные механизмы балансирования интересов (распространение режима наследственного имущества на то имущество, которое было приобретено за счет изначально имущественного наследства и т.д.).

Е.А. Останина отмечает, что институт банкротства наследственной массы привлекателен для наследников тем, что позволяет «более эффективно ограничить его собственное имущество»⁴⁴². Вместе с тем в судебной практике наблюдается формирование позиции, согласно которой «применение специальных правил параграфа 4 главы X Закона о банкротстве обусловлено, прежде всего, сохранением возможности разграничения имущества, входящего в состав наследства, и имущества наследника, то есть сепарацией наследственной массы⁴⁴³», т.е. условием юридического обособления является возможность фактического разграничения. Несмотря на это, нами не обнаружено дел, в которых смешение имущества приводило бы к отказу в возбуждении банкротства в отношении наследственного имущества, напротив, даже включение наследственного имущества в конкурсную массу наследника не являлось препятствием для банкротства наследственного имущества⁴⁴⁴.

Техническое обособление в таком случае, например, достигается за счет того, что после оспаривания сделок в рамках банкротства право собственности регистрируется за умершим наследодателем⁴⁴⁵, не имея возможности теоретически и нормативно обосновать такую ситуацию, суды допускают при этом достаточно спорные утверждения: «вывод о том, что со смертью физического лица (должника) прекращается правоспособность гражданина, и, следовательно, возможность государственной регистрации права собственности на объекты недвижимого имущества противоречат действующим нормам права»⁴⁴⁶.

⁴⁴¹ Останина Е.А. Указ. соч. С. 33-38.

⁴⁴² Останина Е.А. Указ. соч. С. 33-38.

⁴⁴³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10.06.2022 № Ф02-2537/2022 по делу № А69-1793/2021, Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.07.2020 № Ф03-2569/2020 по делу № А51-4037/2019; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2023 № Ф05-977/2021 по делу № А40-300549/2019.

⁴⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.09.2019 № Ф08-7485/2019 по делу № А53-29984/2018.

⁴⁴⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.08.2023 № Ф04-2741/2023 по делу № А70-19346/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2021 № Ф05-22136/2020 по делу № А41-13695/2020.

⁴⁴⁶ Решение Арбитражного суда Тюменской области от 02.02.2023 по делу № А70-19346/2022.

Таким образом, действующий институт банкротства наследственной массы, в отличие от ординарного порядка ответственности наследников, предусматривает имущественное обособление в сильной форме, однако в силу недостаточной урегулированности самой процедуры приводит к возникновению множества проблемных вопросов. Также появление сильной формы обособления проявляет общие доктринальные проблемы, касающиеся правоспособности имущественных масс.

5.3. Выбор модели обособления

Модель ответственности в рамках стоимости наследственного имущества, фактически существующая сейчас, связана с возложением дополнительных рисков на кредиторов наследодателя и самого наследника и поэтому не является удовлетворительной. С точки зрения баланса интересов кредиторов наследодателя, наследника и кредиторов наследника оптимальной представляется модель с сильным защитным и подтверждающим обособлением.

При этом режим сильного подтверждающего обособления в силу специфики складывающихся отношений не может продолжаться бесконечно, так как имущество наследодателя и наследника смешиваются как юридически, так и физически, начинают использоваться для одних и тех же целей. На наш взгляд, оптимальным подходом к регулированию является сохранение такого режима с момента открытия наследства до момента истечения срока на его принятие (6 месяцев), после этого обособленность имущества должна прекращаться и возникать общность долгов наследника и наследодателя.

После возникновения общности долги наследодателя также остаются ограничены стоимостью наследственного имущества, определенной на момент принятия наследства и прекращения обособленности, представляется, что это более сбалансированное решение, т.к. риск снижения его стоимости с момента открытия до момента принятия несут кредиторы наследодателя.

При таком подходе в период имущественного обособления риски снижения стоимости наследства и его гибели несут кредиторы наследодателя, что логично по двум причинам: (1) во-первых, они несли бы данные риски, если наследодатель был бы жив, т.е. для них в этой части ничего не меняется, (2) во-вторых, поскольку мы исходим из того, что, вступая в обязательственные отношения с наследодателем, они были в той или иной части осведомлены о его финансовом состоянии и, вероятно, имели представление о том, на какое имущество они будут вправе претендовать, наследники же необязательно имеют представления о финансовом состоянии наследодателя. Среди прочего, такая конструкция позволит убрать с наследников существующий сейчас риск гибели наследственного имущества, о котором они не знают.

В течение этого времени всем кредиторам, претендующими на приоритетное удовлетворение своих требований за счет наследственного имущества, должны быть заявлены свои требования (в т.ч. те, по которым срок исполнения не наступил) и только в течение этого времени может быть инициировано банкротство обособленной наследственной массы.

Если кредиторы/нотариус/наследники понимают, что имущества наследодателя на всех может не хватить, то они инициируют банкротство, в рамках которого происходит справедливое распределение наследственного имущества. В этой части мы поддерживаем позицию о том, что основания для банкротства наследственной массы должны отличаться от общих – основанием должен быть сам факт недостаточности наследственного имущества⁴⁴⁷, что сближает процедуру с ликвидацией наследства.

Все кредиторы, не заявившие свои требования в период имущественной обособленности, оказываются в менее выгодном положении, которое в целом не отличается от существующего сейчас. Поскольку они вправе будут претендовать на удовлетворение своих требований за счет имущества наследника, но в пределах стоимости наследственного имущества, наравне с личными кредиторами наследника, а также будут нести риск, что к моменту предъявления ими требований наследник уже исчерпает свой лимит ответственности.

Перенесение на наследника риска гибели наследственного имущества после его принятия также выглядит справедливо, так как, принимая наследство, он принимает риски его гибели и стимулирует к тому, чтобы как можно быстрее установить все наследственное имущество, имея «льготный» период в 6 месяцев, когда риск гибели на нем не лежит.

Представляется, что предпосылки для перехода к такому регулированию уже заложены в Гражданский Кодекс, так, согласно п. 3 ст. 1174 ГК, кредиторы наследодателя предъявляют требования к наследникам, принявшим наследство, а до принятия наследства требования предъявляются «к наследственному имуществу», поэтому представляется, что переход к указанной модели ответственности наследников по долгам наследодателя возможен без радикальных изменений в законодательстве или даже путем дачи разъяснений Верховным Судом.

5.4. Правосубъектность

Поскольку имущественной обособленностью в настоящий момент обладает только наследственное имущество в банкротстве, то вопрос о правосубъектности наследственного имущества может быть поставлен только применительно к нему. Применительно к ординарной ответственности наследников имущественное обособление в настоящий момент фактически не

⁴⁴⁷ Шишмарева Т.П. Правовое регулирование ответственности наследников по обязательствам наследодателя при недостаточности наследственной массы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 41 - 45.

установлено, поэтому дальнейшие выводы о правосубъектности могут быть применимы к такому наследственному имуществу только после изменения соответствующего подхода и установления имущественной обособленности.

Текущая модель банкротства наследственного имущества предполагает его обособление в достаточно сильной форме, то мы полагаем, что такое имущество целесообразно признавать правосубъектным образованием, так как именно это имущество становится точкой прикрепления прав и обязанностей, что, как отмечалось выше, среди прочего, проявляется в лексических конструкциях «банкротство наследственной массы», используемых в доктрине и судебной практике. Наследственное имущество признается правосубъектным в широком смысле, так как для защиты правомерного интереса (интереса наследников, кредиторов наследодателя и наследников) правопорядок уже создал на нормативном уровне такое регулирование, которое наделяет наследственное имущество свойствами правосубъектности: обособленный имущественный комплекс и порядок формирования и выражения воли вовне. Для устранения расхождения между фактической и формальной правосубъектностью представляется желательным признать наследственное имущество субъектом права.

В этом смысле требует важного уточнения позиция Т.П. Шишмаревой о том, что банкротство происходит в отношении наследства как обособленного имущества, но поскольку оно «не может быть персонифицировано» должниками всё равно являются сами наследники⁴⁴⁸. Уточнение требуется в части того, что наследство не может быть в полной мере персонифицировано только с точки зрения действующего позитивного права, а не из-за того, что оно обладает какими-то свойствами и характеристиками, которые не позволяют его «персонифицировать» и признать правосубъектным образованием.

В пользу того, что в указанных условиях лучше признать наследственное имущество юридическим лицом высказываются также К.А. Михалев и Е.Ю. Петров, обосновывая это тем, что для российского правопорядка более привычной является конструкция юридического лица, а не конструкция обособленного имущества (расщепленной имущественной массы лица)⁴⁴⁹. Добавим лишь, что применение конструкции юридического лица к наследственному имуществу является более привычным решением не только для российского права, а в целом имеет общеконтинентальную традицию, во всяком случае, на уровне доктрины.

Ч. Санфилиппо указывает, что римская юриспруденция для теоретического обоснования возможности приращения и убыли лежачего наследства, прибегала к различным фикциям: к приданию обратной силы принятию наследства или усмотрению в лежачем наследстве

⁴⁴⁸ Шишмарева Т.П. Правовое регулирование ответственности наследников по обязательствам наследодателя при недостаточности наследственной массы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 41-45.

⁴⁴⁹ Михалев К.А., Петров Е.Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25-39.

продолжения личности покойного⁴⁵⁰. Последнее, на наш взгляд, не отличается от ситуации, когда бы мы признали наследство самостоятельной личностью, так как для целей надения обособленного имущества фиктивной личностью не имеет значение, в каком материально не существующем лице оно будет олицетворено. В контексте юридических лиц проблему лежащего наследства рассматривали также дореволюционные авторы⁴⁵¹.

Таким образом, мы полагаем, что в данный момент уже имеются все основания для признания самостоятельной правосубъектности наследственного имущества в процедуре банкротства, так как ему уже фактически придан режим характерный для субъекта права. Также если правопорядок перейдет к модели ответственности наследников наследственным имуществом, что приведет к обособлению наследственного имущества, то логичным будет признать и правосубъектность наследственного имущества в целом.

§ 6. Иные случаи имущественного обособления

Рассмотренные выше в рамках настоящего исследования случаи имущественного обособления представляют собой, на наш взгляд, наиболее значимые случаи имущественного обособления с точки зрения проблемности их правового регулирования и восприятия судебной практикой. Также же представляется, что они представляют наибольшую теоретическую ценность для понимания имущественной обособленности как самостоятельного феномена частного права, а также на их примере наглядно демонстрируется перспективность анализа правовых явлений посредством применения категорий защитного и подтверждающего обособления.

Вместе с тем российское право, безусловно, содержит бóльшее количество случаев проявления имущественной обособленности во всём её многообразии, поэтому предлагается в рамках настоящего параграфа кратко осветить такие случаи имущественного обособления.

6.1. Исламский банкинг

Под исламским банкингом принято понимать финансовую систему, которая функционирует на основе принципов и ограничений, установленных религиозными нормами шариата. Такая система, несмотря на большие сходства с классическим банковскими системами, имеет большое количество специфических черт, связанных, в первую очередь, с недоступностью

⁴⁵⁰ Санфилиппо Ч. Курс римского частного права: Учебник / пер. с итал. под ред. Д.В.Дождева. М., Изд-во БЕК. 2000. С. 361.

⁴⁵¹ Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. М., Статут. Серия «Классика российской цивилистики». 2000. С. 218-219, С. 263-266; Ельяшевич В.Б. Указ. соч. С. 435; Муромцев С. Гражданское право Древнего Рима. Москва. 1883. С. 652.

(в силу религиозных ограничений) классических финансовых инструментов: начисления и взимания процента, использования производных финансовых инструментов и др.

Наличие подобных ограничений, от которых обычные финансовые системы свободны, с одной стороны, безусловно, делает исламский банкинг более ограниченным в своем инструментарии и, вероятно, менее эффективным, но, с другой стороны, как это убедительно обосновано А.Д. Рудоквасом и И. Тенберга, придает таким системам большую внутреннюю стабильность, и снижает их зависимость от макроэкономических потрясений⁴⁵². В этом смысле имплементация инструментов исламского банкинга без их конфессиональной привязки, действительно, может быть перспективным направлением. Первым шагом на пути такой имплементации является принятие закона о партнерском финансировании⁴⁵³.

В рассматриваемом нами контексте наибольший интерес представляет не проблема устойчивости и эффективности функционирования такой банковской системы, а именно её способность удовлетворить потребность потенциальных клиентов банка в соблюдении их собственных религиозных и этических норм и ограничений.

Основные ограничения, которые в этой связи устанавливаются частями 2 и 3 статьи 2 Закона «о партнерском финансировании»: (1) при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию нельзя устанавливать вознаграждение, выраженное в виде процентной ставки, (2) при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию нельзя финансировать деятельность, связанную с производством табачной и алкогольной продукции, оружия, боеприпасов, торговлей такими товарами, а также игорным бизнесом. В этой связи важно отметить допущенную законодателем оговорку, что такие запреты действуют только «при осуществлении деятельности по партнерскому финансированию», что означает, что финансирующая организация в иных случаях может осуществлять такую деятельность. При этом закон устанавливает требования, при которых такое совмещение деятельности допускается (ч. 5 ст. 2 Закона «о партнерском финансировании»), основное из которых заключается в ведении отдельного бухгалтерского учета по операциям, связанным с партнерским финансированием, и операциям с ним не связанным.

При этом степень обособленности такого имущества существенно меньше, чем у инвестиционного товарищества или паевого инвестиционного фонда, так как законом даже не предусмотрено открытие отдельного банковского счета, всё обособление ограничивается только

⁴⁵² Рудоквас А.Д., Тенберга И. О Модельном законе Содружества Независимых Государств «Об инвестиционно-доверительной банковской деятельности» и его доктринальных основаниях // Арбитражные споры. 2023. № 3. С. 28-50.

⁴⁵³ Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – «Закон "о партнерском финансировании"»)

техническим обособлением для целей бухгалтерского учета. В отсутствие отдельных счетов и кассы привлеченные средства будут неизбежно смешиваться и вполне возможно направляться на предоставление кредитов под процент и финансирование запрещенных для таких операций видов деятельности.

Более того, в отсутствие подтверждающего и защитного обособления любое имущество, даже не подверженное смешению, может пойти в счет удовлетворения требований по таким нежелательным обязательствам, которые приняты организацией вне рамок деятельности по партнерскому финансированию. Мы не беремся дать ответ на вопрос, насколько текущая, сугубо формальная, обособленность такого имущества позволяет достичь соответствия нормам шариата, однако можем всё же констатировать почти полное отсутствие юридической обособленности.

6.2. Депонированное имущество

В полном смысле обособленным можно считать имущество, переданное на депонирование эскроу-агенту по договору условного депонирования (ст. 926.4 ГК РФ). При этом юридическое обособление данного имущества устанавливается статьей 926.7 ГК РФ, а в статье 926.4 ГК РФ устанавливается лишь обязанность по техническому обособлению данного имущества, которая носит вспомогательный характер (необходимость не допускать смешения имущества и обязанность по ведению обособленного учета).

Характер имущественной обособленности в данном случае оказывается схожим с обособленностью заложенного имущества, но с максимально сильной степенью подтверждающего имущественного обособления – бенефициар получает исключительное право требования в отношении депонированного имущества, а не преимущественное, которое имеет залогодержатель в отношении заложенного имущества. Несмотря на то что собственником депонированных вещей продолжает оставаться депонент, депонированное имущество полностью покидает его имущественную сферу, так как, во-первых, оно становится полностью недоступно другим его кредиторам (п. 1 ст. 926.7 ГК РФ), а во-вторых, он, по общему правилу, утрачивает какое-либо право на распоряжение данным имуществом (п. 4 ст. 926.1 ГК РФ). Такое положение имущества в полной мере сохраняется и в случае банкротства депонента.

Обособление имущества в данном случае выполняет явную обеспечительную функцию и предоставляет гарантию бенефициару в получении определенного имущества / исполнения обязательства. О договоре эскроу как способе обеспечения высказываются и другие авторы⁴⁵⁴. Несмотря на то что в указанном случае имущественное обособление в значительной степени обособлено, вопроса о правосубъектности такого имущества не встает, в первую очередь по тому,

⁴⁵⁴ Ефимова Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета. М.: Проспект. 2018. 432 с.

что структура отношений отличается предельной простотой. Обособленное имущество активно не вовлекается в оборот, в отношении его не возникают новые притязания, как правило, с ним вообще ничего не происходит – оно просто резервируется в интересах бенефициара.

Пожалуй, единственным теоретическим вопросом, который связан с обособлением депонированного имущества, является теоретическое обоснование недоступности какого-то имущества лица его кредиторам. Оно может быть обосновано или через возникновение какого-то вещного права (обременения) или возникновение имущественного иммунитета *sui generis*, который возникает в силу прямого указания закона.

В контексте имущества, депонированного по правилам договора условного депонирования, также следует обратиться к проблеме, которую в контексте имущественной обособленности ставит Е.И. Червец – неурегулированность вопросов, связанных с обособленностью другого имущества, выполняющего схожую функцию, например, аккредитива, депозита нотариуса и счета эскроу⁴⁵⁵.

В соответствии со смыслом регулирования и прямым указанием закона⁴⁵⁶ имущество, переданное в депозит нотариуса, полностью обособлено от имущества нотариуса. Поскольку депонированное имущество не поступает в его собственность, то какого-либо дополнительного обоснования обособленности такого имущества от имущества нотариуса не требуется. Об обособленности такого имущества и его недоступности другим кредиторам собственника законодатель ничего не говорит. Аналогичным образом законодатель ничего не говорит об обособленности средств, находящихся на аккредитиве.

Отсутствие имущественной обособленности имущества, переданного в депозит нотариуса, представляется нам вполне обоснованным, так как само по себе исполнение обязательства внесением долга в депозит не выполняет и не должно выполнять какой-либо обеспечительной функции. Более того, такое исполнение происходит, как правило, по причинам, возникшим на стороне кредитора, поэтому предоставлять ему приоритет перед другими кредиторами должника необоснованно.

Применительно к аккредитиву, однако, складывается совершенно иная ситуация, так как несмотря на то что аккредитив является способом расчетов, он фактически используется в обеспечительных целях, а некоторые исследователи прямо относят его к личным способам обеспечения⁴⁵⁷. Вместе с тем отнесение аккредитива к способам обеспечения не столь очевидно, так как в отсутствие иммунитета в отношении средств, зачисленных на аккредитив, кредитор не получает какого-либо приоритета, а лишь получает более простой порядок доступа к ним.

⁴⁵⁵ Червец Е.И. Траст как один из способов обособления имущества ... С. 212-215.

⁴⁵⁶ Статья 23 «Основ законодательства о Российской Федерации о нотариате».

⁴⁵⁷ Ефимова Л. Г. Указ. соч.

Представляется, что с учетом введения конструкции счета эскроу, средства на котором полностью обособлены и обращение взыскания на них по обязательствам третьих лиц не допускается (п. 4 ст. 860.8 ГК РФ), отсутствие полноценной обособленности средств зачисленных на аккредитив не может восприниматься в качестве недостатка регулирования, так как если стороны хотят установить действительное обеспечение, то необходимо использовать счет эскроу.

6.3. Призовой фонд лотереи

Также в полной мере обособленным является имущество, составляющее призовой фонд лотереи, так как данное имущество доступно только участникам соответствующей лотереи. Помимо обособленного учета по данному имуществу, которое выполняет функцию технического обособления, оно обладает сильной формой подтверждающего обособления в силу прямого указания закона о том, что на призовой фонд лотереи не может быть обращено взыскание по иным обязательствам организатора лотереи (ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях»). Аналогичным образом устанавливается запрет на распоряжение данным имуществом иным способом, чем для выплаты выигрыша по соответствующей лотереи.

Аспекты защитного обособления, которое проявляется в том, могут ли быть удовлетворены требования победителей лотереи за счет иного имущества организатора лотереи, прямо не урегулированы законодательством, однако могут быть установлены из общих норм. Понятно, что в нормальной ситуации фонд лотерей составляется таким образом, чтобы его было достаточно для удовлетворения всех требований победителей, однако вопрос о наличии защитного обособления может возникнуть в случае случайной гибели имущества, составляющего фонд лотереи.

Поскольку обязательство по выплате выигрыша является обязательством организатора лотереи, то никаких препятствий для обращения взыскания на его имущество не имеется (за исключением фондов других лотерей, так как они тоже обособлены и недоступны иным кредиторам). Таким образом, защитное обособление полностью отсутствует.

Обособление имущества в данном случае также выполняет обеспечительную функцию, и мы не усматриваем оснований для правосубъектности таких фондов по тем причинам, которые были указаны выше применительно к депонированному имуществу.

Аналогичный фонду лотерей правовой режим устанавливается также в отношении достаточно большого количества неправосубъектных фондов, создание которых предписывается на законодательном уровне. Приведем лишь некоторые примеры: (1) компенсационный фонд

нотариальной палаты⁴⁵⁸, (2) фонд обязательного страхования вкладов⁴⁵⁹, (3) компенсационный фонд саморегулируемой организации арбитражных управляющих⁴⁶⁰, (4) резервный фонд объединения туроператоров⁴⁶¹. Образование вышеуказанных фондов приводит к полноценному имущественному обособлению, так как такое обособление приводит к резервированию имущества для определенных кредиторов/обязательств и запрещает обращение взыскания на такое обособленное имущество по другим обязательствам, чем выполняет обеспечительную функцию.

Вместе с тем законодательство предписывает создание не меньшего числа фондов, имущество которых не имеет таких свойств имущественной обособленности. Так, например, фонд персональной ответственности туроператора или фонд социальной поддержки федеральной нотариальной палаты, в действительности обособлены лишь технически и не устанавливают каких-либо ограничений по обращению взыскания на данное имущество. В этом смысле мы не в полной мере согласны с теми исследователями, которые относят подобные фонды к способам обеспечения обязательства⁴⁶², так как их реальная обеспечительная функция не более значительная, чем у неустойки.

6.4. Завещательный отказ

В совместной статье М. Пудера и А.Д. Рудокваса высказывается идея о том, что некоторые задатки трастообразной конструкции могут быть усмотрены в правилах о завещательном отказе⁴⁶³. Представляется, что сходство с трастом в данном случае лишь визуальное, так как обязанность предоставить какое-то имущество в пользу третьего лица, в том числе в будущем и при определенных условиях, сама по себе не создает трастоподобной конструкции. Основным специфическим свойством траста, как это было подробно рассмотрено в разделе 4.2 настоящей работы, является приоритет требований бенефициара в отношении имущества траста перед другими кредиторами трасти. Такое свойство при установлении легата не проявляется.

⁴⁵⁸ Статья 18.1 «Основ законодательства Российской Федерации о нотариате» (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-1).

⁴⁵⁹ Ч. 5 ст. 33 Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

⁴⁶⁰ Ч. 12 ст. 25.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

⁴⁶¹ Статья 11.4 Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации».

⁴⁶² Ситдикова Л. Б. Фонд персональной ответственности туроператора как новый способ обеспечения исполнения обязательств в сфере туризма // Туризм: право и экономика. 2016. № 3. С. 6-8.; Сирик Н. В. Фонд персональной ответственности туроператора как один из способов обеспечения исполнения обязательств // Право и экономика. 2017. № 3(349). С. 55-59.

⁴⁶³ Puder M. G., Rudokvas A. How Trust-Like Is Russia's Fiduciary Management? Answers from Louisiana // Louisiana Law Review. Loyola University New Orleans College of Law Research Paper. 2019. No. 2019-16. P. 1101.

В доктрине существует дискуссия относительно того, существует ли в действующем праве вещный легат⁴⁶⁴. Применительно к праву пользования жилым помещением, установленному ст. 33 ЖК РФ доктрина⁴⁶⁵ и судебная практика⁴⁶⁶ склоняются к тому, что такое право является вещным и возникает в силу самого факта принятия наследства наследником без дополнительного волеизъявления, однако в отношении другого имущества вопрос о необходимости дополнительного волеизъявления наследника на предоставление в пользу легатария⁴⁶⁷.

Доктринальная дискуссия по существу сводится к толкованию положений пункта 3 статьи 1137 ГК РФ: «к отношениям между отказополучателем (кредитором) и наследником, на которого возложен завещательный отказ (должником), применяются положения настоящего Кодекса об обязательствах, если из правил настоящего раздела и существа завещательного отказа не следует иное». Сторонники вещного легата читают данные положения как допускающие существование иных правоотношений, помимо обязательственных⁴⁶⁸, а противники как указание на то, что помимо общих правил об обязательствах к отношениям по связанным с завещательным отказом также подлежат применению специальные правила⁴⁶⁹. На наш взгляд, последний подход к толкованию является в большей степени соответствующим смыслу закона, однако если признать, что завещательный отказ влечет возникновение ограниченных вещных прав в отношении имущества *ipso iure*, то имущественное обособление в данном случае будет исчерпываться тем обособлением, которое дают вещные права как таковые.

Вместе с тем предмет завещательного отказа могут составлять обязательства, которые со всей очевидностью не подразумевают возникновения каких-либо прав в отношении наследственного имущества, однако предполагают исполнение за счет наследственного имущества или доходов, полученных от него. Особенности ответственности по таким обязательствам прямо зависят от разрешения вопроса о характере имущественной обособленности.

В части имущественного обособления следует отметить текстуальную неопределенность, которая в целом характерна для регулирования ответственности наследников, как это было

⁴⁶⁴ Подробней о вещных и обязательственных легатах в римском праве см. Копылов А. В. Особенности исковой защиты легата в римском частном и современном российском гражданском праве // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5. С. 152-163.

⁴⁶⁵ Низамова Е. А. К вопросу о правах собственника и отказополучателя по пользованию жилым помещением, обремененным завещательным отказом // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 4(46). С. 138; Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ / Александрова М.А., Громов С.А., Краснова и др. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 7. С. 62-111.

⁴⁶⁶ Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2023 № 88-8062/2023 по делу № 2-3802/2022, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 № 88-7380/2021.

⁴⁶⁷ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 № 88а-3516/2024 по делу № 2а-1766/2023,

⁴⁶⁸ Копылов А. В. Указ. соч. С. 161.; Нестолий В.Г. Вещный легат на недвижимость // Нотариус. 2020. № 6. С. 33 - 37.

⁴⁶⁹ Низамова Е. А. Указ. соч.

рассмотрено выше в разделе 5.2 настоящей работы, и в полной мере сохраняется применительно к отношениям, связанным с завещательным отказом: в п. 1 ст. 1137 ГК РФ говорится о том, что обязанность по предоставлению легата исполняется «за счет наследства», а п. 1 ст. 1138 ГК РФ говорит об исполнении обязанности «в пределах стоимости перешедшего к нему наследства».

В силу того, что, исходя из текста и логики регулирования, обязанность, связанная с завещательным отказом, носит обязательственный характер и не имеет каких-либо формальных привязок к конкретному имуществу, то с точки зрения позитивного права, вероятно, речь идет об ответственности в рамках стоимости. Косвенно это подтверждается и формулировками п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9. Такой подход, среди прочего, свидетельствует о том, что случайная гибель наследственного имущества сама по себе не приведет к уменьшению размера обязательства в пользу отказополучателя.

Позитивное право также не имеет каких-либо положений, которые свидетельствовали бы об обособленности данного имущества в аспектах, связанных с наличием у легатариев преимущественных требований в отношении определенного наследственного имущества, или накладывали бы на наследников какие-либо ограничения вещно-правового характера в части свободы распоряжения таким имуществом. Что также подтверждает отсутствие какой-либо обособленности такого имущества.

Вместе с тем установление такой обособленности могло бы быть желательным с точки зрения потребностей участников оборота. Поскольку позитивное право не дает каких-либо оснований для обособления такого имущества, в доктрине обсуждается возможность достижения такого результата посредством существующих инструментов, в первую очередь залога⁴⁷⁰. Установление залога, как уже указывалось выше, привело бы к установлению полноценной обособленности имущества, за счет которого удовлетворяются требования легатария, так как он бы, во-первых, получил приоритетные требования в отношении наследственного имущества перед личными кредиторами наследника (кредиторы наследодателя в силу прямого указания закона имеют приоритет над требованиями легатариев), а во-вторых, в отношении такого имущества установился особый порядок распоряжения и обременения, свойственный залоговому имуществу. Также следует отметить, что в судебной практике встречается отрицательная оценка возможности регистрации завещательного залога для защиты интересов отказополучателей⁴⁷¹.

Таким образом, наследственное имущество в рамках текущего российского регулирования не получает никаких свойств имущественной обособленности в случае

⁴⁷⁰ Подробней о проблеме завещательного залога см. Бевзенко Р.С. Залог из завещания // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 220-241.

⁴⁷¹ Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 № 88а-3516/2024 по делу № 2а-1766/2023.

установления завещательного отказа, однако для защиты интересов отказополучателей теоретически может быть использована конструкция завещательного залога, которая, как и любой другой залог, приводит к имущественному обособлению.

6.5. Пожертвования

Обособленным может показаться имущество, переданное в качестве пожертвования, так как закон предписывает вести по такому имуществу обособленный учет всех операций (п. 3 ст. 582 ГК РФ). Вместе с тем обособленность данного имущества ограничивается исключительно техническим аспектом, который необходим для применения правил об отмене дарения (ст. 578 ГК РФ), так как он позволяет жертвователю осуществлять мониторинг за соблюдением целевого характера использования пожертвования. Обособленность пожертвованного имущества никак не проявляется в отношениях с кредиторами, такое имущество в полной мере доступно всем кредиторам лица, в пользу которого оно было пожертвовано, а ограничение по целевому использованию носит обязательственный характер.

Таким образом, требования к технической обособленности пожертвования устанавливаются исключительно для целей достижения большей определенности относительно характера обязательственных отношений между сторонами договора пожертвования и не приводят к появлению каких-либо признаков юридической обособленности предмета пожертвования.

Очень схожая ситуация складывается применительно к целевым займам и кредитам, однако закон в данном случае не делает обязательного предписания о необходимости обособленного учета, а лишь говорит об обязанности обеспечить возможность осуществления займодавцем контроля за целевым использованием займа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При проведении настоящего исследования были исследованы доктринальные подходы к проблеме имущественного обособления, из чего были сделаны выводы о том, что теория обособленного имущества Г. Хансмана и Р. Краакмана предлагает достаточно ограниченное понимание имущественной обособленности, что обусловлено первостепенной целью указанных авторов – обосновать подтверждающее имущественное обособление в качестве ключевого свойства организационного права. Несмотря на попытки других зарубежных авторов выйти за пределы организационного права и обосновать имущественное обособление как свойство присущее также обеспечительным конструкциям, теория обособленного имущества, сформулированная в рамках системы общего права, не позволяет в полной мере реализовать свой потенциал в рамках системы континентального права и дать ответы на те вопросы, которые возникают в рамках российского права.

Вместе с тем можно сделать вывод о том, что разработанные Г. Хансмана и Р. Краакмана категории защитного и подтверждающего имущественного обособления представляют собой очень эффективные средства правового анализа, которые помогают выявлять недостатки правового регулирования и позволяют проводить оценку будущих законодательных решений.

Также была установлена взаимосвязь между теорией обособленного имущества и французской теорией патримония (*patrimoine*), разработанной Ш. Обри и Ш. Ро, что позволило дополнить теоретическую базу для построения более широкой теории обособленного имущества.

Было предложено более широкое понимание феномена имущественного обособления, при котором обособленным имуществом признается любое технически обособленное имущество, имеющее специфический правовой режим. Несмотря на то, что при таком широком понимании имущественного обособления, оно охватывает очень большое число разнородных правовых явлений, включая те, применение теории обособленного имущества к которым в действительности не дает какой-либо теоретической или практической ценности, широкий подход позволяет увидеть в проблемных институтах гражданского права сходства и закономерности, свойственные другим, более изученным институтам, что дает положительный эффект, что оправдывает такой широкий подход.

В результате исследования было установлено, что в российском праве имущественное обособление проявляется в следующих случаях: (1) при использовании конструкции юридического лица, (2) при возникновении общей собственности и ограниченных вещных прав, а также обязательственных прав, имеющих свойства, характерные для вещных прав, (3) при установлении имущественных иммунитетов, (4) в качестве самостоятельного приема юридической техники.

Последний из указанных выше случаев имущественного обособления представляет наибольший интерес для целей исследования, так как именно с ним связано наибольшее количество правовых проблем теоретического и практического характера. Особенность правового положения такого имущества, как правило, заключается в том, что правопорядок наделяет его свойствами, характерными для правосубъектного образования без формального признания за ним правосубъектности. Существование подобных обособленных имущественных масс не является исключительной особенностью российского права, а имеет также множество примеров в зарубежных правопорядках (различного рода трастообразные конструкции, совместная собственность, наследственное имущество, конструкции индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью и др.), а также в римском праве.

В ходе исследования было установлено, что в большинстве случаев, когда имущественное обособление выступает в качестве самостоятельного явления, отсутствуют какие-либо теоретические препятствия для наделения таких обособленных имущественных масс правосубъектностью, поскольку правопорядок уже наделил их такими свойствами, которые характерны и достаточны для субъекта права (наделил их в значительной степени свойствами защитного и подтверждающего обособления; усмотрел самостоятельный интерес, подлежащий защите; установил порядок формирования и выражения воли во вне), иными словами уже фактически признал их правосубъектность. В таких случаях происходит образование самостоятельного патримония (имущественного комплекса прав и обязанностей, прикрепленных к обособленному имуществу). Признание формальной правосубъектности в таких условиях является не только возможным, но и очень желательным, так как это позволяет подчинить такие отношения общей логике регулирования и лучшим образом вписать их в общепринятое представление о структуре правоотношения, что позволяет снять многие практические и теоретические проблемы.

Помимо этого, на примере конструкции юридических лиц, которым имущество принадлежит не на праве собственности, а на праве оперативного управления или хозяйственного ведения, было доказано, что одновременное обособление одного и того же имущества посредством конструкции юридического лица и ограниченного вещного права не имеет никакого смысла. Из чего сделан общий вывод о том, что использование нескольких инструментов имущественного обособления оправдано только в тех случаях, когда необходимо обособить часть имущества, внутри другого обособленного имущества.

Также с использованием теории обособленного имущества была установлена принципиальная разница между классическим английским трастом и его аналогами в смешанных и континентальных юрисдикциях, заключающаяся в характере обособления имущества. Установленная разница объясняет почему классический траст не обладает правосубъектностью

и не образуем отдельный патримоний, в то время как характер обособления имущества в трастах смешанных юрисдикций свидетельствует о правосубъектном характере таких образований, несмотря на то что они формально таковыми не признаются.

В ходе исследования было также отмечено несовершенство инструментов экономического анализа права на текущем уровне их развития, так как при построении логичных и обоснованных умозаключений можно приходиться к прямо противоположным выводам. Данная проблематика отмечена в контексте проблемы ограниченной ответственности перед недобровольными кредиторами, в связи с чем обозначена необходимость проведения самостоятельных исследований в данном направлении.

Во второй части исследования, которая была посвящена анализу отдельных случаев имущественного обособления, как правило, такого в котором, не происходит образование субъекта права, были сделаны следующие основные выводы:

1. Доверительное управление, приводит к обособлению имущества, характерному субъекту права и образованию отдельного патримония. Отсутствие правосубъектности в данном случае представляет собой недостаток юридической техники, возникновение которого, вероятно, было обусловлено историческими предпосылками и попытками восприятия траста, как неправосубъектного образования. Отсутствие правосубъектности приводит к возникновению неопределенности по вопросу о принадлежности прав и обязанностей, возникающих в результате доверительного управления имуществом, особенно в ситуациях, когда осуществляется доверительное управление паевым фондом, так как такое обособленное имущество активней всего вовлекается в оборот.

2. Основной проблемой имущественного обособления в хозяйственных товариществах по российскому праву является отсутствие слабого защитного обособления при наличии подтверждающего обособления, так как это необоснованно ставит личных кредиторов товарища в менее защищенное положение, чем кредиторов товарищества. Отсутствие правосубъектности простого товарищества в российском праве вполне оправдано, так как такое имущество не обособлено для целей ответственности перед кредиторами, что отличает российский правопорядок в лучшую сторону в сравнении с зарубежными, где разрыв между степенью обособленности и формальной правосубъектностью был или устранен относительно недавно, или сохраняется до сих пор.

3. Инвестиционное товарищество имеет такой характер имущественного обособления, которые требует не только признания правосубъектности самого инвестиционного товарищества, а также отдельной правосубъектности каждой из обособленных имущественных масс, образующихся в случае создания инвестиционного товарищества с обособленным имуществом. Отсутствие правосубъектности является в данном случае явным недостатком

юридической техники, который возник из-за непродуманности законодательного решения и использования явно несостоятельных аргументов при его принятии.

4. Неправосубъектное крестьянское (фермерское) хозяйство на уровне закона обладает большей степенью имущественной обособленности, чем его правосубъектный аналог, однако, такие отличия фактически нивелированы на уровне судебной практики. Наличие правил о банкротстве обособленной имущественной массы правосубъектного КФХ также свидетельствует о желательности придания ему правосубъектности и сохранения только одной конструкции КФХ в виде правосубъектного образования.

5. Создание конструкции индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью, если такое решение будет принято в российском правовом порядке, может потребовать признания самостоятельной правосубъектности индивидуального предпринимателя. Возникновение нового субъекта потребуется, если ограничение ответственности будет построено также как сейчас во Франции – за счет обособления имущества. Отсутствие самостоятельной правосубъектности индивидуального предпринимателя во Франции также рассматривается в качестве недостатка юридической техники, так как фактически он имеет свой собственный патримоний и обладает признаками правосубъектности.

6. Совместное имущество супругов в российском праве хоть и обладает специфическим правовым режимом, но не обладает признаками подтверждающего и защитного обособления, которые могли бы приводить к его самостоятельной правосубъектности. В иностранных правовых порядках супружеское имущество иногда получает такие свойства, которые характерны самостоятельному субъекту. Вместе с тем более распространенными и справедливыми, с точки зрения распределения рисков, представляются такие конструкции, в которых обособлением имеет сугубо технический (учетный) характер, который оказывает влияние только на внутренние отношения супругов.

7. Несмотря на неоднозначные формулировки на уровне закона, российский правовой порядок исходит из того, что ответственность наследников ограничивается стоимостью наследственного имущества, а не самим наследственным имуществом, т.е. ограничение ответственности происходит без обособления имущества. Представляется, что такой подход является менее привлекательным, чем ответственность самим наследственным имуществом, так как предполагает неоптимально распределение рисков гибели наследственного имущества, которое необоснованно ставит кредиторов наследника в менее защищенное положение, чем кредиторов наследодателя. Вместе с тем при банкротстве наследственной массы модель ответственности меняется, и кредиторы получают удовлетворение именно за счет наследственного имущества. В связи с чем предлагается полностью перейти к модели

ответственности обособленным наследственным имуществом, с целью реализации которой целесообразно также признавать правосубъектность наследственной массы.

8. Анализ иных случаев имущественного обособления показывает, что не все случаи, в которых закон буквально или по смыслу говорит об обособленности имущества приводят к его реальному юридическому обособлению. В некоторых случаях имущественная обособленность имеет чисто технический (учетный) характер и необходимо для уточнения/определения внутренних отношений между сторонами обязательства.

Таким образом, мы полагаем, что поставленные цели и задачи исследования были достигнуты. Настоящее исследование может стать теоретической базой для дальнейшего развития теории имущественного обособления. Использование методов, средств и подходов, предложенных в настоящей работе, должно оказать позитивное воздействие на процесс дальнейшего изучения вопросов, связанных с имущественным обособлением, как тех частных вопросов, которые были прямо рассмотрены в рамках данной работы, так и тех, которые не были в ней рассмотрены или были лишь обозначены. Реализация конкретных подходов, предложенных в рамках настоящей работы, на уровне позитивного права и правоприменения также должна увеличить системность, сбалансированность и предсказуемость регулирования соответствующих отношений.

Некоторые опубликованные результаты исследования⁴⁷², касающиеся юридического обособления имущества в римском праве, привлекли внимание исследователей, которые заимствовали данные наработки в своей статье⁴⁷³. Несмотря на некорректность такого заимствования без указания источника информации, полагаем, что это может являться свидетельством ценности результатов проведенного исследования.

⁴⁷² Ибрагимов К. Ю. Обособленное имущество в римском праве.

⁴⁷³ Сигачева Е.Л., Борисова О.П. Наследство и наследники в римском праве: влияние на современность. Право и управление. XXI век. 2024; Т. 20 № 1. С. 136-146.

Список литературы

Источники на русском языке

Нормативно правовые акты⁴⁷⁴:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ.
6. Федеральный закон от 11.11.2003 № 138-ФЗ «О лотереях».
7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462).
8. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
9. Федеральный закон от 13.05.2008 № 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий».
10. Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».
11. Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях».
12. Федеральный закон от 29.11.2001 № 156-ФЗ (ред. от 19.12.2023) «Об инвестиционных фондах».
13. Федеральный закон от 28.11.2011 № 335-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об инвестиционном товариществе».
14. Федеральный закон от 11.06.2003 № 74-ФЗ (ред. от 06.12.2021) «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».
15. Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях».
16. Федеральный закон от 27.12.2019 № 485-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственных и муниципальных унитарных предприятиях" и Федеральный закон "О защите конкуренции"».

⁴⁷⁴ Нормативно-правовые акты приведены в соответствии с СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

17. Федеральный закон от 04.08.2023 № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для осуществления деятельности по партнерскому финансированию в отдельных субъектах Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
18. Федеральный закон от 03.12.2011 № 380-ФЗ (ред. от 23.07.2013) «О хозяйственных партнерствах».
19. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) «О несостоятельности (банкротстве)».
20. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об исполнительном производстве».
21. Постановление Правительства РФ от 01.12.2018 № 1456 «Об утверждении Правил представления иностранными юридическими лицами, иностранными организациями, не являющимися юридическими лицами, и находящимися под их контролем организациями в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на выполнение функций по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации, информации о своих выгодоприобретателях, бенефициарных владельцах и контролирующих лицах».
22. Постановление ФКЦБ РФ от 11.09.2002 № 37/пс «Об утверждении Положения о порядке передачи управляющей компанией своих прав и обязанностей по договору доверительного управления паевым инвестиционным фондом другой управляющей компании».
23. Закон Британских Виргинских Островов о коммерческих компаниях, 2004.
24. ОК 028-2012. Общероссийский классификатор организационно-правовых форм (утв. Приказом Росстандарта от 16.10.2012 № 505-ст).

Судебная практика⁴⁷⁵:

25. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова».
26. Определение Конституционного Суда РФ от 15.05.2001 № 88-О.
27. Определение Конституционного Суда РФ от 18.07.2017 № 1696-О.

⁴⁷⁵ Судебные акты приведены в соответствии с СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»

28. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан».
29. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48.
30. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50.
31. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9.
32. Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2019 № 308-ЭС19-23234(1,2) по делу № А53-29984/2018.
33. Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2019 № 308-ЭС19-23234(1,2) по делу № А53-29984/2018.
34. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.06.2023 № Ф01-2709/2023 по делу № А82-15948/2018.
35. Определение Верховного Суда РФ от 21.02.2022 № 305-ЭС21-28867 по делу № А40-181026/2020.
36. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 16.02.2023 № Ф10-5775/2022 по делу № А36-4354/2021.
37. Определение Верховного Суда РФ от 27.07.2022 № 305-ЭС20-8774(2) по делу № А40-119084/2017.
38. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.06.2022 № 88-15569/2022 по делу № 2-1196/2021.
39. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10.06.2022 № Ф02-2537/2022 по делу № А69-1793/2021.
40. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13.07.2020 № Ф03-2569/2020 по делу № А51-4037/2019.
41. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2023 № Ф05-977/2021 по делу № А40-300549/2019.
42. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 10.08.2023 № Ф04-2741/2023 по делу № А70-19346/2022.
43. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20.01.2021 № Ф05-22136/2020 по делу № А41-13695/2020.
44. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 20.01.2017 № Ф04-6447/2016 по делу № А70-2766/2015.
45. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2023 № Ф05-977/2021 по делу № А40-300549/2019.

46. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.09.2022 № Ф05-18102/2022 по делу № А40-1322/2022.
47. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 05.07.2022 № Ф08-5965/2022 по делу № А32-24184/2021.
48. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 20.09.2019 № Ф08-7485/2019 по делу № А53-29984/2018.
49. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 18.12.2018 № Ф10-5335/2018 по делу № А23-3420/2014.
50. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 01.11.2022 № 09АП-64515/2022 по делу № А40-116787/2022.
51. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 14.09.2023 № 10АП-15915/2023 по делу № А41-5516/2023.
52. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2021 № 10АП-23573/2021 по делу № А41-96344/2019.
53. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2021 г. № 07АП-7747/2018(16) по делу № А03-7638/2018.
54. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.09.2022 № Ф03-4590/2022 по делу № А51-16425/2021.
55. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 21.01.2003 № Ф03-А73/02-1/2903.
56. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 29.06.2023 № Ф01-2709/2023 по делу № А82-15948/2018.
57. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2023 № 88-8062/2023 по делу № 2-3802/2022.
58. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.05.2021 № 88-7380/2021.
59. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2023 № Ф05-977/2021 по делу № А40-300549/2019.
60. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 26 февраля 2021 г. № 07АП-7747/2018(16) по делу № А03-7638/2018.
61. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.09.2022 № Ф03-4590/2022 по делу № А51-16425/2021.
62. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2024 № 88а-3516/2024 по делу № 2а-1766/2023.
63. Апелляционное определение Верховного суда Республики Алтай от 03.04.2019 по делу № 33-209/2019.

64. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26.10.2023 по делу № А40-139347/23-117-874.
65. Решение Арбитражного суда Тюменской области от 02.02.2023 по делу № А70-19346/2022.
66. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.12.2023 № Ф10-6277/2023 по делу № А48-11123/2021.

Специальная литература:

Монографии и учебная литература

67. Алексеев, Н.Н. Основы философии права: Классики истории и философии права / Н.Н. Алексеев – СПб.: С.-Петербург. ун-т. – 1999. – 252 с.
68. Амелин, Р.В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р.В. Амелина, С.Е. Чаннов. – Москва: НОРМА, 2023. – 280 с.
69. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / Я.О. Алимова, Н.Н. Викторова, С.С. Галкин и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. – Москва: Проспект, 2016. – 336 с.
70. Белов, В.А. Вещные гражданско-правовые формы : учебное пособие для вузов / В. А. Белов. – Москва : Издательство Юрайт, 2024. – 307 с.
71. Белых, В.С. Договорное право Англии : сравнительно-правовое исследование / В. С. Белых. – 2-е изд., перераб. и доп., науч. - Москва : Проспект, 2022. – 328 с.
72. Беневоленская, З.Э. Доверительное управление имуществом в сфере предпринимательства. / З.Э. Беневоленская – М., 2018. – 303 с.
73. Болдырев, В.А. Юридические лица - несобственники в системе субъектов гражданского права: монография / В.А. Болдырев; под ред. В.А. Сысоева. – Омск: Омская академия МВД России, 2010. – 340 с.
74. Борисов, А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ "Об инвестиционном товариществе" (постатейный) / А.Н. Борисов – М.: Деловой двор, 2012. – 120 с.
75. Венедиктов, А.В. Государственная социалистическая собственность: Монография / А.В. Венедиктов – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. – 840 с.
76. Виндшейд, Б. Учебник пандектного права. / Б. Виндшейд – СПб., 1874. – Т. I. – 370 с.
77. Герасимова, Л.П. Коммерческое право : учебное пособие / Герасимова Л.П., Суняев Ю.В.. — Саратов : Корпорация «Диполь», Ай Пи Эр Медиа, 2013. – 164 с.
78. Гуреев, В.А. Имущественные иммунитеты в исполнительном производстве : науч. -практ. пособие / В. А. Гуреев, И. В. Селионов. – Москва : Деловой стиль, 2019. – 127 с.

79. Дигесты Юстиниана / под ред. Л.Л. Кофанова.- т. 1-8.-М.: Статут, 2004.
80. Дождев, Д.В. Римское частное право. Учебник для вузов. / Д.В. Дождев; под ред. Члена-корр. РАН, профессора В.С. Нерсесянца. – М.: Издательская группа ИНФРА М – НОРМА, 1996. – 704 с.
81. Ельяшевич, В.Б. Юридическое лицо, его происхождение и функции в римском частном праве. / В.Б. Ельяшевич – Санкт-Петербург: типо-лит. Шредера, 1910. – 480 с.
82. Ефимова, Л.Г. Договоры банковского вклада и банковского счета / Л. Г. Ефимова. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2018. – 432 с.
83. Зайцев, О.Р. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом / О.Р. Зайцев – М.: Статут, 2007. – 507 с.
84. Захватаев, В.Н. ФГК «Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / В.Н. Захватаев – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 592 с.
85. Илюшенко, А.А. Договор доверительного управления имуществом подопечного / А.А. Илюшенко; под. Ред. Ю.В. Трунцевского. – М.: Юрист, 2007. – 192 с.
86. Иоффе, О.С. Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права» / О.С. Иоффе. – 4-е изд. – Москва : Статут, 2020. – 782 с.
87. Кельзен, Г. Чистое учение о праве. 2-е изд / Г. Кельзен; пер. с нем. М.В. Антонова и С.В. Лёзова. — СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2015. – 542 с.
88. Козлова, Н.В. Понятие и сущность юридического лица. Очерк истории и теории: учеб. Пособие. / Н.В. Козлова – М.: Статут, 2003. – 318 с.
89. Коркунов, Н.М. Лекции по общей теории права / Н.М. Коркунов – М.: РОССПЭН, 2010. – 520 с.
90. Лаптев, В.В. Субъекты предпринимательского права: Учеб. пособие. / В.В. Лаптев – М.: Юрист, 2003. –236 с.
91. Малышев, К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. / К.И. Малышев – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1871. – 460 с.
92. Мейер, Д.И. Русское гражданское право : курс лекций / Д. И. Мейер. – 4-е изд., испр. и доп. - Москва : Статут, 2021. – 846 с.
93. Механизмы банкротства и их роль в обеспечении благосостояния человека: монография / А.З. Бобылева, Д.Е. Горев, Ю.А. Зайцева и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М.: Юстицинформ, 2022. – 312 с.
94. Муромцев, С. Гражданское право Древнего Рима / С. Муромцев – Москва, 1883. – 697 с.

95. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с.
96. Основы наследственного права России, Германии, Франции / Ю.Б. Гонгалло, К.А. Михалев, Е.Ю. Петров и др.; под общ. ред. Е.Ю. Петрова. М.: Статут, 2015. – 271 с.
97. Петров, Е.Ю. Наследственное право России: состояние перспективы развития (сравнительно-правовое исследование) / Е.Ю. Петров. – М.: ООО «М-ЛОГОС», 2017. – 152 с.
98. Познер, Р. Экономический анализ права (в 2-х т.). / Р. Познер; пер. с англ. А.А. Фофанова; под ред. В.Л. Тамбовцева. – СПб.: Экономическая школа, 2004. Т. 2 – 464 с.
99. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/elib/books/25/> (дата обращения: 19.10.2023).
100. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права : монография / И.А. Покровский. – 8-е изд. – Москва : Статут. 2020. – 351 с.
101. Принципы гражданского исполнительного права [Текст] : проблемы, понятия и системы / К.А. Малюшин ; науч. ред. В.В. Ярков. М. : Инфотропик Медиа ; 2011. – 238 с.
102. Радбрух, Г. Философия права / Г. Радбрух – М.: Междунар. отношения, 2004. – 240 с.
103. Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: КНОРУС, 2014. – 591 с.
104. Римское частное право: казусы, иски, институты. Перевод с испанского / Гарсия Гарридо М.Х.; Отв. ред.: Кофанов Л.Л. – М.: Статут, 2005. – 812 с.
105. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права: Учебник / Ч. Санфилиппо; пер. с итал. под ред. Д.В. Дождева. – М., Изд-во БЕК. 2000. – 464 с.
106. Сарбаш, С.В. Исполнение договорного обязательства / С.В. Сарбаш – М.: Статут, 2005. – 636 с.
107. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права / Брагинский М.И., Братусь С.Н., Дозорцев В.А., Казьмин И.Ф., и др.; Под ред.: Братусь С.Н. – М.: Юрид. лит., 1984. – 288 с.
108. Суворов, Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. / Н.С. Суворов М., Статут. Серия «Классика российской цивилистики». 2000. – 299 с.
109. Суханов, Е.А. Гражданское право России - частное право / Е.А. Суханов; отв. Ред В.С. Ем. – М.: Статут, 2008. – 586 с.
110. Суханов, Е.А. Сравнительное корпоративное право. / Е.А. Суханов – М.: Статут, 2014. – 456 с.

111. Франчози, Дж. Институционный курс римского права / Дж. Франчози; под ред. Л.Л. Кофанов. Москва: Статут, 2004. – 428 с.
112. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 1. / Г.Ф. Шершеневич – Изд. Бр. Башмаковых, 1910. – 839 с.
113. Шиткина, И.С. Исполнительные органы хозяйственного общества: монография. / И.С. Шиткина – Москва: Статут, 2022. – 316 с.
114. Шишмарева, Т.П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т.П. Шишмарева – М.: Статут, 2015. – 332 с.
115. Шишмарева, Т.П. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и практика его применения: учебное пособие для экзамена по Единой программе подготовки арбитражных управляющих / Т.П. Шишмарева – М.: Статут, 2015. – 416 с.
116. Эннекцерус, Л. Курс германского гражданского права / Л. Эннекцерус, Т. Кипп, М. Вольф; перевод с 13-го немецкого издания профессора К.А. Граве [и др.]; под редакцией, с предисловием и вводными замечаниями Д.М. Генкина и И.Б. Новицкого. Т. 1. Полутом 1. Введение и общая часть. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1949. – 432 с.

Статьи в научных журналах и сборниках статей

117. Агибалова, Е.Н. Имущественная ответственность крестьянских (фермерских) хозяйств / Е.Н. Агибалова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2023. – № 9. – С. 48-55.
118. Алексеенко, А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР / А.П. Алексеенко // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 12. – С. 199-211.
119. Анашкин, С.П. Теория персонифицированной конкурсной массы / С.П. Анашкин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 10. – С. 191-208.
120. Аникина, М.С. Проблемы, возникающие при рассмотрении гражданского иска по уголовному делу / М.С. Аникина // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 179-187.
121. Багаев, В.А. Функциональный метод и сравнение английского и российского вещного права / В.А. Багаев // Закон. – 2021. – № 1. – С. 71-83.
122. Бевзенко, Р.С. Залог из завещания / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2020. – № 4. – С. 220 - 241.
123. Бевзенко, Р.С. Оправданность приоритета, предоставляемого кредитору вещным обеспечением: Очерк догмы, теории и политики права / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2017. – Т. 17. – № 4. – С. 10-44.
124. Белов, В.А. Гражданско-правовое регулирование корпоративных отношений с участием гражданско-неправоспособных (не обладающих юридической личностью) организаций /

- В.А. Белов, К.А. Блинковский // Корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М.: Юрайт. – 2024. – 552 с.
125. Богатков, С.А. Отличие права хозяйственного ведения от права оперативного управления / С.А. Богатков // СПС КонсультантПлюс. – 2023.
126. Бондаренко, В. В. Некоторые особенности правового статуса хозяйственного партнерства и инвестиционного товарищества / В.В. Бондаренко // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 11. – С. 59-66.
127. Ван Хайцзюнь. Закон «Общая часть гражданского права КНР» и развитие гражданского права Китая / Ван Хайцзюнь // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – № 3. – С. 413-421.
128. Внуков, Н.А. Ответственность наследников по делам наследодателя: актуальные вопросы теории и практики / Н.А. Внуков // Современное право. – М.: Новый Индекс. – 2009. – № 1. – С. 74-76.
129. Головина, А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. / А.А. Головина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4. – С. 149-157.
130. Горбашев, И.В. Критика экономической теории юридических лиц / И.В. Горбашев // Предпринимательское право. – 2021. – № 4. – С. 18-29.
131. Горева, А.А. Договор простого товарищества и его виды: российское право в сравнительно-правовом аспекте / А.А. Горева // Вестник гражданского права. – 2020. – № 6. – С. 30-66.
132. Горева, А.А. Реформа законодательства о гражданских товариществах в Германии: перевод раздела 16 «Товарищество» Германского гражданского уложения / А.А. Горева, Д.А. Жестовская // Вестник экономического правосудия РФ. – 2022. – № 6. – С. 122-153.
133. Григорьев, В.И. Недобровольные кредиторы: есть ли им место в российских законодательстве и доктрине? / В.И. Григорьев // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 12. – С. 162-199.
134. Груздев, В. В. Гражданско-правовые сообщества: понятие и виды / В.В. Груздев // Журнал российского права. – 2021. – Т. 25. – № 10. – С. 61-71.
135. Груздев, В.В. О сущности гражданской правосубъектности / В.В. Груздев // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 113-121.
136. Дозорцев, В.А. Доверительное управление имуществом (гл. 53) / В.А. Дозорцев // Гражданский кодекс РФ. Часть вторая: текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. М., – 1996. – 532 с.

137. Долинская, В.В. К вопросу о развитии системы участников гражданского оборота / В.В. Долинская // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – С. 76-83.
138. Домшенко (Червец), Е.И. Личные фонды: возможности и риски обособления имущества / Е.И. Домшенко (Червец) // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 115-136.
139. Домшенко (Червец), Е.И. О сохранении бизнеса и экранировании имущества. Сравнение некоторых инструментов имущественного обособления / Е.И. Домшенко (Червец) // Юридический мир. – 2021. – №9. – С. 27-39.
140. Домшенко (Червец), Е.И. Обособление имущества без создания юридического лица. Простое товарищество и инвестиционное товарищество / Е.И. Домшенко (Червец) // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 30-58.
141. Дорошенко, Л.А. Обеспечительная фидуция в ГК Франции / Л.А. Дорошенко // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 104-117.
142. Егоров, А.В. К вопросу о понятии посредника при сделках с заинтересованностью / А.В. Егоров // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 5. – С. 120-131.
143. Егоров, А.В. Совместная собственность супругов: на перепутье / А.В. Егоров // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященный 90-летию со дня рождения профессора А.Л. Маковского (1930 - 2020) / Отв. ред. В.В. Витрянский, Е.А. Суханов. М.: Статут. – 2020.
144. Зазулина, Л.Д. Защита прав кредиторов в случае смерти должника по законодательству России и Франции / Л.Д. Зазулина // Нотариус. – 2020. – № 2. – С. 45-48.
145. Зайцев, О.Р. О стороне в договорах, заключенных доверительным управляющим / О.Р. Зайцев // Законодательство и экономика. – 2005. – № 10. – С. 41-42.
146. Заключение кафедры гражданского права СПбГУ на проект изменений раздела о вещных правах ГК РФ/ М.А. Александрова, С.А. Громов, Т.С. Краснова, Н.Ю. Рассказова, А.Д. Рудоквас, А.О. Рыбалов, Ю.К. Толстой // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 7. – С. 62-111.
147. Зикун, И.И. Генезис категории «фидуциарная собственность» в европейском гражданском праве / И.И. Зикун // Вестник гражданского права. – 2018. – № 6. – С. 192-219.
148. Зикун, И.И. Гражданско-правовой титул инвесторов на имущество инвестиционных фондов SICAV и SICAF / И.И. Зикун // Вестник гражданского права. – 2020. – № 6. – С. 255-301.

149. Ибрагимов, К.Ю. Имущественное обособление на примере ответственности наследников / К.Ю. Ибрагимов // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. – № 8. – С. 85-99.
150. Ибрагимов, К.Ю. Обособленное имущество и правосубъектность / К.Ю. Ибрагимов // Ленинградский юридический журнал. – 2024. – № 1 (75). – С. 28-48.
151. Ибрагимов, К.Ю. Обособление имущества в товариществах / К.Ю. Ибрагимов // Юридическая наука. – 2024. – № 7. – С. 356-362.
152. Ибрагимов, К.Ю. Проблема принадлежности прав и обязанностей, возникающих при осуществлении доверительного управления / К.Ю. Ибрагимов // Право и политика. – 2024. – № 8. – С. 57-67.
153. Ибрагимов, К.Ю. Проблема юридических лиц несобственников в свете теории обособленного имущества / К.Ю. Ибрагимов // Юридические исследования. – 2024. – № 7. – С. 29-41.
154. Ибрагимов, К.Ю. Обособленное имущество в римском праве / К.Ю. Ибрагимов // Российский журнал правовых исследований. – 2023. – Т. 10. – №2. – С. 74-88.
155. Карелина, С.А. Признаки группы компаний в законодательстве о несостоятельности (банкротстве): проблемы правовой регламентации / С.А. Карелина // Бизнес, менеджмент и право. – 2022. – № 4(56). – С. 10-18.
156. Козлова, Н. В. Правовое положение индивидуального предпринимателя / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Налоговед. – 2019. – № 7. – С. 73-76.
157. Козлова, Н. В. Особенности гражданско-правового статуса индивидуального предпринимателя по законодательству Российской Федерации / Н. В. Козлова, С. Ю. Филиппова // Хозяйство и право. – 2019. – № 9(512). – С. 31-40.
158. Колесникова, С.Г. О проникновении института доверительной собственности (траста) в систему романо-германского права / С.Г. Колесникова // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 5(274). – С. 29-40.
159. Копылов, А.В. Особенности исковой защиты легата в римском частном и современном российском гражданском праве / А.В. Копылов // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 5. – С. 152-163.
160. Кузнецов, Н.В. Искусственный интеллект в предпринимательской деятельности: проблемы правового регулирования / Н.В. Кузнецов // LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / Р.Н. Адельшин, Е.И. Андреева, Л.В. Андреева и др.; отв. ред. И.В. Ершова, О.В. Сушкова. Москва: Проспект. – 2023. – 200 с.
161. Ле Корр-Броли, Э. Физические лица и французское право предприятий, находящихся в затруднительном положении / Э. Ле Корр-Броли // Правовое регулирование

- несостоятельности в России и Франции: Сборник статей / НИУ ВШЭ и университет Ниццы - Софии Антиполис. М.: Юстицинформ. – 2016. – С. 31-43.
162. Мамагеишвили, В.З. О значении теорий юридического лица в современном корпоративном праве / В.З. Мамагеишвили // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 3. – С. 36-73.
163. Манукян, Д.Г. Ответственность наследников по долгам наследодателя / Д.Г. Манукян // Проблемы российского законодательства. – 2017. – № 4. – С. 199-203.
164. Мареев, Ю.Л. Инвестиционное товарищество: попытка реанимации / Ю.Л. Мареев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2023. – № 6. – С. 82-92.
165. Мёнг, С. Характеристики института общей собственности в Республике Корея / С. Мёнг // Правоведение. – 2022. – Т.66. – № 3. – С. 264-275.
166. Михалев, К.А. Персонификация наследственной массы / К.А. Михалев, Е.Ю. Петров // Закон. – 2023. – № 6. – С. 25-39.
167. Можиян, С.А. Оспаривание сделок при банкротстве умершего гражданина: актуальные вопросы судебной практики / С.А. Можиян // Информационно-аналитический журнал «Арбитражные споры». – 2020. – № 4. – С. 107-116.
168. Мохов, А.А. Новый подход к пониманию института семьи / А.А. Мохов, Ю.А. Свирин // Современное право. – 2024. – № 1. – С. 5-11.
169. Мыскин, А.В. Филиал юридического лица как квазисубъект гражданского права / А.В. Мыскин // Гражданское право. – 2014. – № 1. – С. 6-9.
170. Налетов, К.И. Хозяйственные партнерства и инвестиционные товарищества - новые институты гражданского законодательства / К.И. Налетов // Гражданин и право. – 2012. – № 9. – С. 68-83.
171. Напольская, П.В. Банкротство группы компаний: future is coming / П.В. Напольская // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 10. – С. 132-157.
172. Нестолий, В.Г. Вещный легат на недвижимость / В.Г. Нестолий // Нотариус. – 2020. – № 6. – С. 33-37.
173. Низамова, Е.А. К вопросу о правах собственника и отказополучателя по пользованию жилым помещением, обремененным завещательным отказом / Е.А. Низамова // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 4(46). – С. 137-145.
174. Османова, Д.О. Правосубъектность отдельных правовых образований / Д.О. Османова // Хозяйство и право. – 2022. – № 12. – С. 3-26.
175. Останина, Е.А. Банкротство наследственной массы: анализ изменений законодательства / Е.А. Останина // Наследственное право. – 2015. – № 4. – С. 33-38.

176. Паничкин, В.Б. Требования кредиторов к наследству и освобождение наследственного имущества от обременений в праве США / В.Б. Паничкин // Наследственное право. – 2010. – № 3. – С. 32-34.
177. Пермяков, А.В. Об ответственности по долгам наследодателя / А.В. Пермяков // Нотариус. – 2016. – № 5. – С. 31-34.
178. Пестов, М.М. Предпосылки появления и значение понятия лица в римской юриспруденции классического периода / М.М. Пестов // Вестник гражданского права. – 2023. – Т. 23. – № 3. – С. 258-286.
179. Подсосонная, В.В. Юридическое обособление имущества / В.В. Подсосонная // Объекты гражданского оборота: сборник статей. М.: Статут. – 2007. – С. 260-275.
180. Полич, С.Б. Некоторые процессуальные проблемы применения законодательства о банкротстве граждан (физических лиц) / С.Б. Полич // Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / Г.Г. Астахов, О.А. Беляева, Е.Ю. Борзило и др. / отв. ред. В. Ф. Яковлев. М. – 2019. – Вып. 25. – 240 с.
181. Пьяных, Е.С. Место договора доверительного управления имуществом в системе гражданско-правовых обязательств / Е.С. Пьяных // Юрист. – 2004. – № 12. – С. 24-29.
182. Рабец, А.М. Место семьи в правовом пространстве: юридическая характеристика семьи в Российской Федерации и в отдельных зарубежных государствах (нормотворческий опыт и проблемы) / А.М. Рабец // Lex russica. – 2022. – Том. 75. – № 11. – С. 100-111.
183. Рудоквас, А.Д. «Континентальные трасты» и концептуализация «фидуциарных обязательств» в цивилистической традиции Вопросы частного права : сборник статей к 50-летию юбилею А. А. Павлова / А.Д. Рудоквас // составители и ответственные редакторы : А.Г. Карапетов, Т.А. Саргсян. – М. : Статут. – 2023. – С. 284-306.
184. Рудоквас, А.Д. Пекулий и проблема юридического лица в римском праве / А.Д. Рудоквас // Посебна свеска IX Колоквијум романиста Централне и Источне Европе и Азије. Нови Сад, 24 – 26 окторбра 2002. Зборник радова Правног факултета у Новом Саду. Година XXXVIII, бр.1, том I. Нови Сад. – 2004. – С. 73-78.
185. Рудоквас, А.Д. Пункт 4 статьи 209 ГК РФ: будущее одной иллюзии / А.Д. Рудоквас // Вещное право: вчера, сегодня, завтра: сборник статей к 50-летию А.О. Рыбалова / отв. ред. К.И. Карачкова; науч. ред. А.Д. Рудоквас. Москва: Статут. – 2023. – 220 с.
186. Рудоквас, А.Д. Частные сервитуты в гражданском праве России / А.Д. Рудоквас // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 4 – С. 186-205.
187. Рудоквас, А.Д. О Модельном законе Содружества Независимых Государств «Об инвестиционно-доверительной банковской деятельности» и его доктринальных основаниях / А.Д. Рудоквас, И. Тенберга // Арбитражные споры. – 2023. – № 3. – С. 28-50.

188. Рыбалов, А.О. *Iura in re: numerus clausus vs numerus apertus* / А.О. Рыблов // Вестник экономического правосудия РФ. – 2018. – № 7. – С. 144-162.
189. Семилютина, Н.Г. Проблема соотношения гражданского законодательства и специального законодательства о рынке финансовых услуг (на примере Федерального закона «Об инвестиционном товариществе») / Н.Г. Семилютина // Журнал российского права. – 2012. – № 7 (187). – С. 116-124.
190. Синцов, Г.В. Ответственность наследников по долгам наследодателя: некоторые вопросы правового регулирования и правоприменения / Г.В. Синцов, Д.Е. Феоктистов // Наследственное право. – 2019. – № 2. – С. 34-37.
191. Сирик, Н.В. Фонд персональной ответственности туроператора как один из способов обеспечения исполнения обязательств / Н.В. Сирик // Право и экономика. – 2017. – № 3(349). – С. 55-59.
192. Ситдикова, Л.Б. Фонд персональной ответственности туроператора как новый способ обеспечения исполнения обязательств в сфере туризма / Л.Б. Ситдикова // Туризм: право и экономика. – 2016. – № 3. – С. 6-8.
193. Смертин, А.Н. Юридический анализ права хозяйственного ведения и права оперативного управления / А.Н. Смертин, А.А. Грешных // Научно-аналитический журнал «Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России». – 2012. – №2. – С. 103-108.
194. Суханов, Е.А. Комментарии к статьям 48, 50 Гражданского кодекса РФ / Е.А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2022. – № 1. – С. 136-166.
195. Суханов, Е.А. О доверительном управлении имуществом как обязательственно-правовом способе осуществления права собственности / Е.А. Суханов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 11. – С. 44-56.
196. Суханов Е.А. Правовые формы реализации гражданской правосубъектности государства / Е.А. Суханов // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. – № 1. – С. 5-17.
197. Уздимаева, Н.И. Субъект права: основные подходы к пониманию / Н.И. Уздимаева, А.С. Козуров // Контентус. – 2020. – № 4. – С. 135-142.
198. Филатова, У.Б. Гражданско-правовое сообщество сособственников: сравнительно-правовое исследование / У.Б. Филатова // Российская юстиция. – 2015. – № 2. – С. 18-20.
199. Филипенко, Н.В. О правосубъектности объединений граждан на примере практики Конституционного Суда РФ / Н.В. Филипенко // Закон. – 2017. – № 4. – С. 141-150.
200. Филиппова, С. Ю. Множественность лиц и гражданско-правовое сообщество: сходства и различия / С. Ю. Филиппова // Закон. – 2022. – № 6. – С. 30-41.

201. Фольгерова, Ю.Н. Гражданско-правовая ответственность наследников по долгам наследодателя / Ю.Н. Фольгерова // *Наследственное право*. – 2010. – № 3. – С. 16-19.
202. Ха Шуцзюй О нормативном содержании термина «субъект гражданского права третьей категории» в Китае / Ха Шуцзюй, Нью Даньтун // *Закон*. – 2022. – № 9. – С. 74-85.
203. Цепов, Г.В. Проблема омонимов, или Допустима ли унификация правового регулирования собраний? / Г.В. Цепов // *Закон*. – 2016. – № 12. – С. 139-148.
204. Чаннов, С.Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квазисубъект) права / С.Е. Чаннов // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – № 12. – С. 94-109.
205. Червец, Е.И. Траст как один из способов обособления имущества: использование в обязательственных отношениях, аналогии с конструкциями отечественного права / Е.И. Червец // *Вестник международного коммерческого арбитража*. – 2016. – №2 (13). – С. 200-222.
206. Шевченко, И.М. К вопросу о режиме имущественной массы супругов (некоторые размышления на примере дел о банкротстве) / И.М. Шевченко // *Закон*. – 2023. – № 4. – С. 118-127.
207. Шишмарева, Т.П. Правовое регулирование ответственности наследников по обязательствам наследодателя при недостаточности наследственной массы / Т.П. Шишмарева // *Законы России: опыт, анализ, практика*. – 2018. – № 10. – С. 41-45.
208. Шишмарева, Т.П. Проблемы несостоятельности обособленных имущественных масс / Т.П. Шишмарева // *Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес»*. – 2016. – № 3. – С. 50-54.
209. Шишмарева, Т.П. Процедура несостоятельности общего имущества супругов в России и Германии: сравнительный анализ / Т.П. Шишмарева // *Семейное и жилищное право*. – 2021. – № 2. – С. 34-37.
210. Шушлебин, В.В. Правовой статус инвестиционного товарищества / В.В. Шушлебин // *Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ*. – 2013. – № 3(59). – С. 231-236.
211. Якимова, Е.С. Перспективы развития законодательства об инвестиционных товариществах / Е.С. Якимова // *Современный юрист*. – 2014. – № 2(7). – С. 106-112.
212. Ямова, Ю.И. Статус индивидуального предпринимателя с ограниченной ответственностью во французском праве / Ю.И. Ямова // *Право и политика*. – 2013. – № 8. – С. 980-993.
213. Ярков, В.В. Имущественные иммунитеты от взыскания в предпринимательских отношениях / В.В. Ярков // *Арбитражный и гражданский процесс*. – 2003. – № 10. – С. 9-12.

Диссертации и авторефераты

214. Гридчин, А.Г. Правовое регулирование деятельности паевого инвестиционного фонда как формы коллективного инвестирования: дис. ... канд. юрид. наук. / Гридчин Алексей Геннадьевич. – М., 2011. – 226 с.
215. Забажанова, О.В. Договор доверительного управления паевым инвестиционным фондом: теория и практика правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. / Забажанова Олеся Викторовна. – М., 2014. – 217 с.
216. Захарова, Е.И. Имущественная обособленность коммерческих организаций как признак юридического лица: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Захарова Екатерина Игоревна. – Краснодар., 2013. – 28 с.
217. Лукьянченко, Д.В. Паевые инвестиционные фонды в гражданских правоотношениях: дис. ... канд. юрид. наук. / Лукьянченко Дмитрий Владимирович. – М., 2014. – 170 с.
218. Медведев, Д.А. Проблемы реализации гражданской правосубъектности государственного предприятия: дис. ... канд. юрид. наук. / Медведев Дмитрий Анатольевич. – Л., 1990. 215 с.
219. Ножкин, С.А. Правовая природа паевого инвестиционного фонда: дис. ... канд. юрид. наук. / Ножкин Сергей Александрович. – Владикавказ, 2012. – 159 с.
220. Оксюк, Т.Т. Гражданско-правовое регулирование доверительного управления паевыми инвестиционными фондами: дис. ... канд. юрид. наук. / Оксюк Тарас Тарасович. – М., 2005. – 212 с.
221. Осташевич, И.О. Гражданско-правовое регулирование деятельности управляющих компаний, осуществляющих доверительное управление закрытыми паевыми инвестиционными фондами: дис. ... канд. юрид. наук. / Осташевич Игорь Олегович. – М., 2013. – 209 с.
222. Пономарева, Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. / Пономарева Едена Владимировна. – Екатеринбург, 2019. 208 с.
223. Румянцев, Ф.А. Организационное единство как признак юридического лица: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. / Румянцев Филипп Андреевич. – Москва, 2012. – 28 с.
224. Стройкина, Ю.В. Имущественная обособленность как конструктивный признак коммерческой организации: дисс. ... канд. юрид. наук. / Стройкина Юлия Викторовна. – Оренбург, 2002. – 175 с.

Источники на иностранных языках

225. Bailly-Masson, C. L'intérêt de la personnalité morale / C. Bailly-Masson // *La revue des sciences de gestion*. – 2008. – No. 230. – p. 99.
226. Barrière, F. La fiducie-sûreté en droit français / F. Barrière // *McGill Law Journal*. – 2013. – Vol. 58. – No. 4. – pp. 869–904. URL: <https://doi.org/10.7202/1019048ar>.
227. Brinkmann, M. Die Bedeutung der §§ 92, 93 InsO für den Umfang der Insolvenzund Sanierungsmasse / M. Brinkmann // Köln; Berlin; Bonn; München: Heymanns. – 2001. – p. 213.
228. Brinz, A. Lehrbuch der Pandekten. 2,1: Erbrecht URL: <https://mdz-nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bvb:12-bsb10565236-6>
229. Cours de droit civil français: d'après la méthode de Zachariae. Tome 9 / par MM. Aubry et Rau.
230. Courtier, A. L'entreprise individuelle sans risque et le patrimoine d'affectation: le miroir aux alouettes? / A. Courtier // *Management & Avenir*. – 2014. – Vol. 74. – pp. 145-158. URL: <https://doi.org/10.3917/mav.074.0145>.
231. Crusto, M.F. Extending the Veil to Solo Entrepreneurs: A Limited Liability Sole Proprietorship Act (LLSP) / M.F. Crusto // *Columbia Business Law Review*. – 2001. – Vol. 2. – No. 381. URL: <https://ssrn.com/abstract=1546547>.
232. Easterbrook, F. H., Fischel, D. R. Limited Liability and the Corporation / F.H. Easterbrook, D.R. Fischel // *The University of Chicago Law Review*. – 1985. – Vol. 52(1). – P. 89–117. URL: <https://doi.org/10.2307/1599572>;
233. Eldar, O. The Enduring Distinction Between Business Entities and Security Interests / O. Eldar, A. Verstein // *Southern California Law Review*. – 2018. – Vol. 92. – No. 2. – pp. 213-272. URL: <https://ssrn.com/abstract=3239969>.
234. Gretton, G. Trusts Without Equity / G. Gretton // *International and Comparative Law Quarterly*. – 2000. – Vol. 49(3) – pp. 599-620. URL: <https://doi:10.1017/S0020589300064381>.
235. Chiron, G. La personnalité morale des sociétés depuis le XIXe siècle en France, en Allemagne et en Angleterre / G. Chiron // *Droit. Université 2 Panthéon-Assas*. – 2008. – p. 558.
236. Halpern, P. An Economic Analysis of Limited Liability in Corporation Law / P. Halpern, M. Trebilcock, S. Turnbull // *University of Toronto Law Journal*. – 1980. – Vol. 30. – No. 2. – pp. 117-150.
237. Hansmann, H. The Essential Role of Organizational Law / H. Hansmann, R.H. Kraakman // *The Yale Law Journal*. – 2000. – Vol. 110. – No. 3. – P. 390-440.
238. Hansmann, H. Organizational law as asset partitioning. / H. Hansmann, R.H. Kraakman // *European Economic Review*. – 2000. – Vol. 44. – pp. 807-817.
239. Hansmann, H. Legal Entities, Asset Partitioning, and the Evolution of Organizations. / H. Hansmann, R.H. Kraakman, R. Squire // *Newly Revised Draft for NBER Conference*. – 2002.

- URL: https://pcg.law.harvard.edu/wp-content/uploads/papers/Hansmann_Paper.pdf.
240. Hansmann, H. Incomplete Organizations: Legal Entities and Asset Partitioning in Roman Commerce / H. Hansmann, R.H. Kraakman, R. Squir // European Corporate Governance Institute (ECGI) - Law Working Paper. – 2014. – No. 271/2014. – 30 p. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2506334>.
 241. Hansmann, H. Law and the Rise of the Firm / H. Hansmann, R.H. Kraakman, R. Squir // Harvard Law Review. – 2006. – Vol. 119. – No. 5. – pp. 1333-1403 URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.873507>.
 242. Hansmann, H. The New Business Entities in Evolutionary Perspective / H. Hansmann, R.H. Kraakman, R. Squir // European Business Organization Law Review. – 2007. – Vol. 8. URL: <https://ssrn.com/abstract=985527>.
 243. Hansmann, H. Toward Unlimited Shareholder Liability for Corporate Torts / H. Hansmann, R.H. Kraakman // The Yale Law Journal. – 1991. – Vol. 100. – pp. 1879-1934.
 244. Hughes, H. Blockchain and the Future of Secured Transactions Law / H. Hughes // Stanford Journal of Blockchain Law & Policy. American University. – 2020. – p. 40. URL: <https://ssrn.com/abstract=3345717>.
 245. Kasirer, N. Translating Part of France's Legal Heritage: Aubry and Rau on the Patrimoine / N. Kasirer // Revue générale de droit. – 2008. – Vol. 38(2). – pp. 453–493. URL: <https://doi.org/10.7202/1027043ar>.
 246. Kuntz, T. Asset Partitioning, Limited Liability and Veil Piercing - Review Essay on Bainbridge/Henderson, Limited Liability / T. Kuntz // European Business Organization Law Review, Forthcoming. – 2017. URL: <https://ssrn.com/abstract=2949685>.
 247. Kurki, V.AJ. A Theory of Legal Personhood / V.AJ. Kurki // Oxford Legal Philosophy. – Oxford. – 2019. URL: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198844037.001.0001>.
 248. Lepaulle, P. Traité théorique et pratique des trusts
 249. Lepaulle, P. La Notion de 'trust' et ses applications dans les divers systemes juridiques", in Unidroit, Actes du congres international de droit prive (1951), vol. 2, 206.
 250. Lupoi, M. Trusts in mixed jurisdictions / M. Lupoi // Pravovedenie. – 2023. – Vol. 67. – No. 1. – pp. 21–55. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2023.102>
 251. Ollikainen, A. Asset partitioning in the trust [PhD thesis] // University of Oxford. – 2018.
 252. Pargendler, M. The New Corporate Law of Corporate Groups / M. Pargendler // European Corporate Governance Institute - Law Working Paper. – 2023. – No. 702/2023. – p. 67. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4412997>.
 253. Pettit, Ph.H. Equity and the Law of Trusts / Ph.H. Pettit // 12th ed. Oxford. – 2012.

254. Picker, R.C. Pulling a Rabbi Out of His Hat: The Bankruptcy Magic of Dick Posner / R.C. Picker // *University of Chicago Law Review*. University of Chicago Law & Economics. – 2007. – Vol. 74. URL: <https://ssrn.com/abstract=965574>.
255. Popovici, A. Quebec's Partnership: une société distincte. / A. Popovici // *Journal of Civil Law Studies*. – 2013. – Vol. 6 – pp. 339–372.
256. Popovici, A. Lepaulle Appropriated / A. Popovici, L.D. Smith // *Trusts and Patrimonies*. Edinburgh University Press. – 2015, – pp. 13-41. URL: <https://doi.org/10.1515/9780748697755-006>.
257. Posner, R.A. The Rights of Creditors of Affiliated Corporations / R.A. Posner // *University of Chicago Law Review*. – 1975. – Vol. 43.
258. Puder, M.G. How Trust-Like Is Russia's Fiduciary Management? Answers from Louisiana / M.G. Puder, A.D. Rudokvas // *Louisiana Law Review*. Loyola University New Orleans College of Law Research Paper. – 2019. – No. 2019-16. URL: <https://ssrn.com/abstract=3498507>.
259. Squire, R. The Case for Symmetry in Creditors' Rights / R. Squire // *Yale Law Journal*. – 2009. – Vol. 118. – pp. 808-867. URL: https://ir.lawnet.fordham.edu/faculty_scholarship/65.
260. Morgan, R. Organizational Law as Commitment Device / R. Morgan // *Vanderbilt Law Review*. – 2017. – P. 1303-1352. URL: <https://ssrn.com/abstract=2849541>.
261. Schwab, D. Familienrecht / D. Schwab // *Grundrisse des Rechts*. Verlag C.H.BECK Recht - Wirtschaft - Steuern. – 2019. URL: <https://doi.org/10.17104/9783406746451>.
262. Smith, L.D. Trust and Patrimony / L.D. Smith // *Revue générale de droit*. – 2008. – Vol. 38(2). – pp. 397-403. URL: <https://id.erudit.org/iderudit/1027041ar>.
263. Sukhninder, P. Equity & Trusts / P. Sukhninder // 4th Edition. Pearson Education Limited. – 2020.
264. Caron, Y. The Trust in Québec / Y. Caron // *McGill Law Journal*. – 1980. – Vol. 25. – No. 4. P. 421-444.
265. Foldi, A. Remarks of the legal structure of enterprises in Roman law / A. Foldi // *Revue internationale des droits de l'antiquite*. – 1996. – №. 46.
266. Reid, K. Patrimony not Equity: The Trust in Scotland / K. Reid // *Valsan, Remus. Trusts and Patrimonies*. Edinburgh University Press. – 2015. URL: <https://doi.org/10.3366/edinburgh/9780748697748.003.0006>.
267. Verhagen, H. Trusts in the Civil Law: Making Use of the Experience of "Mixed" Jurisdictions / H. Verhagen // *European Review of Private Law*. – 2000. – Vol. 8. – No. 3. –pp. 477-498. URL: <https://doi.org/10.54648/273253>.